

**Уральский
федеральный
университет**

имени первого Президента
России Б.Н.Ельцина

Уральский гуманитарный
институт

**Н. В. КОЗЫКИНА
К. Г. МУРАТШИНА**

ОСОБЕННОСТИ ДИПЛОМАТИИ СОВРЕМЕННОГО КИТАЯ

Учебное пособие

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ ПЕРВОГО
ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ Б. Н. ЕЛЬЦИНА

**Н. В. Козыкина
К. Г. Муратшина**

**ОСОБЕННОСТИ ДИПЛОМАТИИ
СОВРЕМЕННОГО КИТАЯ**

Рекомендовано в качестве учебного пособия для студентов,
обучающихся по программам магистратуры по направлениям
подготовки 41.04.05 «Международные отношения»,
41.04.03 «Востоковедение и африканистика»

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2017

УДК 327.8(075.8)

ББК Ф(5)я73-1

К 593

Рецензенты:

Кафедра восточных языков Московского государственного лингвистического университета Евразийский лингвистический институт в г. Иркутске (филиал) (заведующий кафедрой кандидат социологических наук, доцент Е. В. Кр е м н е в)

Н. А. А б р а м о в а, доктор философских наук, профессор кафедры востоковедения ФГБОУ ВПО «Забайкальский государственный университет»

Научный редактор

В. И. М и х а й л е н к о, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»

Авторский коллектив:

Н. В. Козыкина (гл. 1, 2, 4, 7–10)

К. Г. Муратшина (гл. 3, 5, 6)

К593 Козыкина, Н. В.

Особенности дипломатии современного Китая : учеб. пособие / Н. В. Козыкина, К. Г. Муратшина ; [науч. ред. В. И. Михайленко] ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федерал. ун-т. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. – 148 с.

ISBN 978-5-7996-2135-3

В учебном пособии рассматриваются некоторые аспекты внешнеполитической стратегии КНР в контексте цивилизационных и исторических особенностей китайской дипломатии. Анализируется сформированная Пекином система партнерств с различными странами мира.

Адресовано студентам, обучающимся по направлениям подготовки «Международные отношения», «Востоковедение и африканистика».

УДК 327.8(075.8)

ББК Ф(5)я73-1

Оглавление

Предисловие	5
Раздел 1. ОСОБЕННОСТИ «НОВОЙ» ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ КИТАЯ	
Глава 1. Эволюция теории и практики современной китайской внешней политики	7
<i>Вопросы и задания</i>	16
<i>Рекомендуемая литература и источники</i>	17
Глава 2. Сочетание старых и новых подходов во внешнеполитической стратегии Китая на современном этапе....	19
<i>Вопросы и задания</i>	26
<i>Рекомендуемая литература и источники</i>	26
Глава 3. Стратегическое оснащение китайской дипломатии	28
<i>Вопросы и задания</i>	39
<i>Рекомендуемая литература и источники</i>	40
Глава 4. Механизмы и инструменты современной китайской дипломатии	41
<i>Вопросы и задания</i>	54
<i>Рекомендуемая литература и источники</i>	55
Раздел 2. МОДЕЛИ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПАРТНЕРСТВА КНР	
Глава 5. Стратегический диалог Китая и США	57
<i>Вопросы и задания</i>	65
<i>Рекомендуемая литература и источники</i>	65
Глава 6. Российско-китайское стратегическое партнерство	67
<i>Вопросы и задания</i>	79
<i>Рекомендуемая литература и источники</i>	79
Глава 7. Китай и Латинская Америка	81
<i>Вопросы и задания</i>	92
<i>Рекомендуемая литература и источники</i>	92
Глава 8. Китай и Северная Корея	94
<i>Вопросы и задания</i>	100
<i>Рекомендуемая литература и источники</i>	101
Глава 9. Политика партнерств со странами Африки	102
<i>Вопросы и задания</i>	111

<i>Рекомендуемая литература и источники</i>	112
Глава 10. Китайская политика «соседства»	113
<i>Вопросы и задания</i>	124
<i>Рекомендуемая литература и источники</i>	124
Заключение	126
Список библиографических ссылок	128

ПРЕДИСЛОВИЕ

Дипломатия современного Китая глобальна по своим масштабам и являет собой комплексное сочетание самых различных традиционных и новых методов и механизмов. Ее главная цель – содействие тому, что председатель КНР Си Цзиньпин назвал «великим возрождением нации», а ее основными задачами являются создание максимально благоприятной международной обстановки для своего развития и обеспечение ресурсами своей экономики. На глобальный масштаб дипломатии указывает рассмотрение китайской стороной развития страны только в контексте взаимодействия с международным сообществом в целом: «Будущее и судьба Китая становятся теснее связанными с международным сообществом. Китай не может развиваться в изоляции от остального мира, а мир не сможет стать стабильным и развиваться без Китая» [1].

В данном учебном пособии подробно анализируются принципы современной китайской дипломатии, ее новые черты и цивилизационно-историческая преемственность, особенности, закономерности, эволюция, а также типичные и особенные моменты во взаимоотношениях с различными странами мира. Цель пособия – сформировать у студентов системное представление об изменяющейся внешней политике Китая в современном мире и познакомиться с инструментарием современной китайской дипломатии. Студенты получают ответы на вопросы о том, какие факторы влияли на формирование китайских внешнеполитических концепций, насколько они соответствовали задачам китайского государства в разные исторические периоды развития КНР, каков был уровень их эффективности и как они воплотились в конкретных исторических ситуациях.

Пособие содержит два раздела. Информационно-аналитическая форма изложения материалов первого раздела способствует пониманию теоретических оснований дипломатии современного Китая. Практико-аналитическая форма изложения материалов второго раздела предназначена для разбора конкретных ситуаций и процессов, которые представляют тот или иной аспект китайской дипломатии и могут служить основанием для прогнозирования внешней политики КНР в будущем. Последовательно проанализи-

рованы российско-китайские отношения, американо-китайские отношения, политика Китая в Латинской Америке и на Африканском континенте, участие Пекина в переговорах по северокорейской ядерной проблеме, а также политика Китая в отношении сопредельных стран и отношения с так называемыми «сомнительными» режимами в аспекте энергетической безопасности.

Практико-ориентированная организация учебного пособия направлена на формирование у студентов-международников следующих профессиональных компетенций:

- способность понимать логику глобальных процессов и развития системы международных отношений в их исторической, экономической и правовой обусловленности;

- способность понимать основные направления внешней политики Китая, особенностей его дипломатии и взаимоотношений с Россией;

- способность ориентироваться в механизмах многосторонней и интеграционной дипломатии;

- владение основами прикладного анализа международных ситуаций;

- способность построения стратегии аналитического исследования, долгосрочных и среднесрочных планов международной деятельности, оценки рисков.

Развитие указанных компетенций реализуется в выполнении заданий в конце каждой главы через использование таких педагогических технологий, как проблемное обучение (case-study), метод проектов, презентации на основе современных мультимедийных средств, индивидуальные формы обучения.

Данное учебное пособие может быть использовано в рамках базовых курсов «Дипломатия и переговорный процесс», «Прикладной анализ международных отношений», а также спецкурса по выбору «Дипломатический практикум».

ОСОБЕННОСТИ «НОВОЙ» ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ КИТАЯ

Глава 1. Эволюция теории и практики современной китайской внешней политики

В 90-е гг. XX в. в мировом порядке произошли самые глубокие за все послевоенное время изменения. С окончанием холодной войны в мире обозначились две мощные тенденции: полицентризм в политике и глобализация в экономике. На смену старому мировому порядку пришел новый, который все еще формируется и охватывает все сферы деятельности и жизни общества. Все страны мира, каждая по-своему, переживают эти изменения и адаптируются к ним. Внешнеполитический курс Китая, успешно адаптировавшись к происходящим изменениям в мире, вносит необходимые корректировки в свою внешнеполитическую доктрину. При этом он остается последовательным в реализации главной национальной идеи – превращении страны в ведущую мировую державу, интересы которой учитываются другими ключевыми игроками.

Китай сегодня – один из важнейших акторов глобальной политики, мощное влиятельное государство, достижения которого в социально-экономической сфере и взвешенная позиция в международных делах (всегда с учетом прежде всего своих национальных интересов) привлекают серьезное внимание и вызывают не только уважение большинства стран мира, но и неоднозначную реакцию со стороны некоторых из них.

Отличительной особенностью развития страны является успешная реализация «политики крупного государства с китайской спецификой», о чем вновь напомнил председатель КНР Си Цзиньпин в ходе дебатов на 70-й Генассамблее ООН (28 сентября 2015 г., Нью-Йорк) [2]. Ключевыми в данной модели по-прежнему остаются следующие составляющие: Китай – сильное государство; лидирующая, системная роль КПК; преемственность в руководстве при смене поколений в стратегии развития [3]. Концепции внешней политики Китая модифицировались исходя из особенностей исторического момента, в зависимости от условий внутренней и международной обстановки. Внешнеполитическая стратегия

КНР выработывалась последовательно, с учетом многовекового опыта, отдавая приоритет прагматичности и расчетливости в отношениях со своими партнерами.

В конце 40-х гг. это была концепция «держаться одной стороны», то есть ориентация на СССР и социалистический лагерь как необходимое условие для восстановления страны и выхода на большую арену международной политики.

Знаменательным стал 1953 г., когда Премьер Госсовета Китая Чжоу Эньлай впервые выдвинул пять принципов мирного сосуществования: взаимное уважение суверенитета и территориальной целостности; взаимное ненападение; невмешательство во внутренние дела друг друга; равные и взаимовыгодные отношения; мирное сосуществование с другими странами мира. Эти принципы впоследствии вошли в Конституцию КНР 1982 г. и стали основополагающими установками, которыми Китай руководствуется и поныне, устанавливая и развивая дружественные отношения со всеми странами мира. В 50-е гг. внешнеполитическая стратегия КНР выработывалась на базе теории «двух лагерей», в основе которой лежало противостояние двух сторон: с одной стороны, капиталистический лагерь во главе с США, с другой – СССР. Между ними простиралась «промежуточная зона», в состав которой, с одной стороны, входили освобождающиеся страны Азии, Африки и Латинской Америки. Вторую часть «промежуточной зоны» составляла вся Западная Европа, Океания, Канада и другие капиталистические страны. Эта концепция была направлена на формирование нового фронта борьбы против «американского империализма», а в перспективе и на сдерживание Советского Союза [4]. Трансформация теории «двух лагерей» произошла в 1960 г., с появлением теории «трех миров». Первый мир – империалистический, во главе с США, второй мир – СССР, с рядом социалистических стран Восточной Европы за исключением Румынии и Албании, третий мир включал в себя развивающиеся страны во главе с КНР. В 70-е гг. эта теория претерпела кардинальные изменения: теперь первый мир составляли империалистические США и социалистический СССР, соперничающие за гегемонию в мире; второй мир – остальные капиталистические страны, третий мир в том же составе во главе с КНР. Целью концепции «трех миров»

было политическое сближение с Западом, получение доступа к его технологическим и финансовым ресурсам, необходимым для ускоренной модернизации страны. В 80-е гг. «теория трех миров» сменилась «координатной теорией»: проблема мира – это «Восток–Запад», а экономическая проблема – это «Север–Юг» (Дэн Сяопин, 1985). По этой теории между Востоком и Западом начался процесс установления мира, а между Севером и Югом – процесс развития. В отношениях между Востоком и Западом Китай не стремился входить в альянсы и выступал против «гегемонии». В рамках отношений «Север–Юг» Китай поддерживает диалог и сотрудничество по линии «Юг–Юг».

Эволюция теории и практики *современной* китайской внешней политики проходила в несколько этапов, развиваясь в духе традиции «доктринальной преемственности», которая была заложена отцом «китайского экономического чуда» Дэн Сяопином. Первый этап начался в 1978 г., когда на историческом III пленуме XI съезда ЦК КПК Дэн Сяопин провозгласил начало политики реформ и открытости. Этот этап отмечен для КНР жесткой конфронтацией с СССР, в ходе которой китайская дипломатия требовала от СССР устранить три, с ее точки зрения, «препятствия», а именно – отвести войска от границы (и это после китайских провокаций и столкновений 1969 г.), вывести войска из Афганистана и прекратить поддержку Вьетнама в его борьбе с кровавым режимом Пол Пота в Камбодже. Китайская дипломатия на этом этапе не шла ни на какие компромиссы с СССР, была готова «единым фронтом» с США противостоять ему. СССР тогда был, по сути, обозначен как враг номер один для Китая. А о территориальных притязаниях КНР к нашей стране заговорили не только дипломаты КНР, но и школьные учебники истории.

Что касается внутривнутриполитических аспектов, то, придя к власти в 1981 г., Дэн Сяопин изменил систему передачи власти, в основе которой лежала постепенная и последовательная подготовка преемников к руководству страной: начало карьеры будущего руководителя обязательно должно быть в провинции, затем в течение длительного срока преемник проходит все ступени партийно-административной работы, учится политической стратегии и всем нюансам управления. Закончив трудовую деятельность

и достигнув предельного возраста, руководители становятся советниками своих преемников и следят за неизменностью курса, которого придерживаются новые лидеры [5]. Так был введен принцип коллективного руководства страной и поэтапной смены руководства раз в десять лет, что, несомненно, гарантирует приверженность определенной линии развития государства и преемственность курса. Первое поколение (1943–1976) руководителей КНР представлял Мао Цзэдун, второе (1978–1989) – Дэн Сяопин, третье (1989–2003) – Цзян Цзэминь, четвертое (2003–2013) – Ху Цзиньтао, с 14 марта 2013 года пост Председателя КНР занял Си Цзиньпин.

Далее, в 1982 г., на XII съезде КПК было принято официальное решение о проведении «независимой и самостоятельной внешней политики» и невступления в союзнические отношения с какой-либо из сверхдержав. В 1984 г. Дэн Сяопин обнародовал концепцию «мира и развития», согласно которой развитие международных отношений строилось не на военно-политических, а на политико-экономических аспектах [6]. Конец 80-х – начало 90-х гг. стал переломным этапом. Пекин тогда взял курс на «совместное развитие» и «единый мир». Согласно этой стратегии процессы развития и модернизации должны протекать «параллельно» во всех странах, не должно быть перекосов или развития одних стран за счет других, что должно способствовать взаимной заинтересованности в партнерстве и сохранении стабильности [7]. Во второй половине 90-х гг. акценты переместились, выравнивая по значению внутренний и внешний аспекты политики. Приоритетные в тот период внутренние экономические задачи развития позволили Китаю повысить международный статус страны и изменить ее облик до неузнаваемости [4].

Для второго этапа (1989–1999) характерна нормализация отношений СССР и КНР. Однако этот период совпал с распадом СССР. Опасаясь, что Запад попытается свергнуть коммунистический режим в Китае, руководство КНР приняло внешнеполитическую стратегию выжидания: Китай должен был «хладнокровно наблюдать, укреплять позиции, уверенно реагировать на изменения, скрывать свои возможности, выигрывая время, не привлекать к себе внимания, никогда не становиться лидером, делать конкретные дела» [8,

с. 520]. Трагические события на площади Тяньаньмэнь (1989) и последовавшие за ними попытки международной изоляции КНР со стороны США заставили китайское руководство по-новому посмотреть на отношения с супердержавами. Пекин скорректировал свой внешнеполитический курс, избрав стратегию формирования «пояса добрососедства» по периметру китайских границ. Тем самым были уменьшены внешнеполитические риски для КНР.

Во избежание любой конфронтации в середине 90-х гг. была разработана политика создания партнерских отношений сначала с ведущими державами мира, а затем со всеми, кто мог быть полезен Китаю в ускорении реализации его планов развития. Суть «доктрины партнерств» заключалась в налаживании «одинаково близких» отношений с ведущими государствами мира при исключении «чрезмерного сближения» с какой-либо одной из них [9, с. 842]. Изменился двусторонний формат отношений, Пекин стал активнее сотрудничать с региональными и глобальными многосторонними институтами по вопросам экономического сотрудничества и безопасности. С 1991 г. КНР принимает участие в деятельности Форума Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС). В феврале 1992 г. Китай официально заявляет о своей позиции придерживаться принципов международного режима контроля ракетных технологий, а в 1994 г. Китай подтверждает свое обещание не экспортировать ракеты «земля-земля», способные иметь дальность более 300 км и доставлять полезный груз свыше 500 кг. В марте 1992 г. КНР присоединяется к Договору о нераспространении ядерного оружия, а в 1995 г. поддерживает его бессрочное продление. В 1996 г. Китай подписывает Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний и объявляет мораторий на ядерные испытания в стране, однако договор до сих пор не ратифицирован.

Курс на укрепление потенциала влияния Китая в рамках существующего международного порядка продолжился и на третьем этапе. В 2001 г. многосторонняя дипломатия Китая расширяет сферу вовлечения КНР до участия в работе различных институтов ШОС и ВТО. С 2003 г. Китай становится учредителем и активным участником Шестисторонних переговоров по ядерной программе КНДР.

Вступая в XXI в., Китай адекватно отвечает на все вызовы и угрозы формирующегося мирового порядка. Внешнеполитические доктрины третьего этапа (1999–2007), в отличие от всех предыдущих, отражают единство внутренних и внешних задач, стоящих перед страной, а внешнеполитическая стратегия продолжает курс на реализацию политики глобального добрососедства. Теоретическим обоснованием повышения роли КНР на мировой арене в начале 2000-х становится концепция «мирного возвышения», согласно которой Китаю следует обеспечить условия для мирного возвышения страны посредством самостоятельного следования по пути социализма с китайской спецификой при активном участии в экономической глобализации, а не в самоотстранении от нее. Во-вторых, Китаю следует опираться не только на собственные силы, но и формировать мирное международное окружение в регионе. В-третьих, подъем, к которому стремится КНР, должен быть исключительно мирным: Пекин отвергает путь агрессии и внешней экспансии [10].

Поскольку идея подъема, пусть и мирного, вызвала неоднозначную реакцию в мире, китайское руководство сменило ее на концепцию построения «гармоничного мира» (Ху Цзиньтао, 2005), официально закрепленную на XVII съезде КПК в 2007 г.

Внешнеполитический аспект концепции «гармоничного мира» заключается в развитии гармоничных отношений КНР со странами ближнего и дальнего окружения, а внутривнутриполитический аспект состоит в формировании «гармоничного общества» в самом Китае [7]. По концепции новый мировой порядок – это демократичный, справедливый и равный мировой политико-экономический порядок и долгосрочное и всеобщее процветание в мире. Идеальный гармоничный мир должен быть «миром многообразия, демократии, справедливости, терпимости, доверия, сотрудничества, взаимопомощи, устойчивого развития» [11, с. 31]. При этом создание справедливого и равного нового мирового политико-экономического порядка невозможно без поддержания пяти принципов мирного сосуществования как самим КНР, так и его ближними и дальними соседями. Настаивая на том, что становление нового мирового порядка должно отражать общие чаяния и интересы народов всех стран, китайское руководство вовсе не против того,

чтобы пять принципов мирного сосуществования стали основой нового мирового политико-экономического порядка наравне с целями и принципами Устава ООН, а также наравне с общепризнанными нормами, регулирующими международные отношения [12].

В рамках концепции «гармоничного мира» Китай стал позиционировать себя как «великая ответственная держава», подразумевая под этим термином «великую державу, способную ограничивать свои амбиции» (Г. Киссинджер). Расширение ответственности способствовало не только повышению международной роли Китая, но и более эффективному участию страны в формировании облика современной международной системы [9, с. 836].

На XVIII съезде КПК обсуждение концептуальных основ внешнеполитической доктрины КНР сосредоточилось на базовых принципах внешней политики КНР:

- 5 принципов мирного существования;
- независимость внешней политики;
- эпоха мира и развития;
- эпоха мультиполярности, а не прямой оппозиции унитаризму;
- дипломатия добрососедства и ее основные компоненты;
- концепция «разнообразия и гармонии» как части концепции «гармоничного общества» и «гармоничного мира»;
- концепции «мягкой силы» и «мирного подъема» Китая.

Трансформация каждого из этих принципов была прослежена внутри соответствующих концептуальных положений. Базовые принципы были также сопоставлены с доктринальными представлениями китайской элиты в области безопасности и их военных компонент (концепция «новых вызовов»). Были выявлены новые категории в концепции безопасности и концепции «стратегической безопасности» и прослежена эволюция этих концепций [13].

XVIII съезд КПК в 2013 г. ознаменовал смену поколений китайских руководителей государства. Си Цзиньпин и его команда продолжают следовать курсу, заложенному его предшественниками – «продолжать продвигать вперед благородное дело мира и развития человечества». Внешняя политика КНР не стала принципиально новой, она не стала стратегически другой. Новый Председатель КНР и его команда привнесли творческую

новизну в идеологическую составляющую внешней политики КНР, представив новое, глобализированное видение мира Пекином и роли КНР в нем. Си Цзиньпин ввел в оборот такие новые тренды, как «китайская мечта» и «новый интернационализм» [14]. Первоначально метафора «китайская мечта» использовалась только по отношению к китайскому народу и относилась только к сфере внутренней политики. Сущность «китайской мечты» Си Цзиньпин видел в «великом возрождении китайской нации», построении справедливого, среднезажиточного общества, выходе Китая за пределы аграрного общества, достижении устойчивого экономического и политического развития страны на основе научно-технического прогресса, инновационных технологий, расширения народной демократии [15]. А поскольку внутренняя политика в Китае всегда играла определяющую роль по отношению к внешней политике, любое ее новшество вело к новым трендам и во внешней политике. «Китайская мечта» была спроецирована во внешнюю политику в следующей формулировке: «За 30 с лишним лет реформ и открытости в социально-экономическом развитии Китая достигнуты огромные успехи, заметно повысился уровень жизни народа. Это не только в интересах Китая, но и всего мира. <...> С ростом мощи государства Китай готов взять на себя бóльшую международную ответственность и обязанность по мере своей возможности, внести бóльший вклад в великое дело мира и развития во всем мире» [16]. Совместно с международным сообществом Китай готов работать на осуществление «мировой мечты» – установление прочного мира, общего процветания и развития человечества. Иными словами, в мировом плане «китайская мечта» соответствует ожиданиям народов во всем мире – равноправие всех стран, невмешательство во внутренние дела, уважение и ценность всех культур и моделей развития, принятие тезиса о многообразии и культурном богатстве различных цивилизаций [17]. Так, внешнеполитический курс был соотнесен с понятием «китайская мечта», а новая риторика Си Цзиньпина последовательно продолжила прежнюю линию партии и руководства, озвученную на XVIII съезде КПК: Китай будет неизменно связывать интересы китайского народа с общими интересами народов всех стран, принимать более активное участие в междуна-

родных делах, играть роль большой и ответственной страны, на совместных началах реагировать на бросаемые вызовы глобального характера».

Теоретическим обоснованием «китайской мечты» стал «новый интернационализм», своего рода новая внешнеполитическая доктрина КНР, опубликованная в программной статье «Китай берет курс на “новый интернационализм”» на страницах «Хуаньцю жибао» – дочернего издания газеты ЦК КПК «Жэньминь жибао». Суть «нового интернационализма» заключается в том, что «Китаю надо брать на себя бóльшую международную ответственность, по мере сил предоставлять еще бóльшую помощь развивающимся странам, прикладывать еще больше усилий для сохранения стабильного мирового порядка, исполнять еще больше обязательств и стремиться направить развитие международного порядка в справедливое и рациональное русло» [16]. Как и прежде, интернационализм трактуется в терминах взаимопомощи и сотрудничества.

Новые аспекты внешнеполитической деятельности Китая обозначены в статье двумя положениями. Необходимость первого изменения во внешней политике диктуется экономическими факторами, оно материально обоснованно: «Переход к политике „нового интернационализма“ значит, что ради защиты общих интересов всего человечества китайский народ готов пойти и на возможные жертвы». Китайскому народу «не привыкать в обстановке экономического кризиса затягивать пояс потуже, чтобы выполнить свой интернациональный долг, мы делали это и раньше. Но, как неоднократно говорил товарищ Дэн Сяопин, стоит лишь подождать, когда возможности Китая вырастут, и тогда мы сможем сделать еще больший вклад в развитие человечества. И сегодня это время пришло... у нас есть уверенность в собственных силах. Необходимость второго изменения основывается на духовных, нравственных и идеологических факторах: „Новый интернационализм“ требует, чтобы мы устранили перекося во внешней политике, в которой упор сейчас делается на материальную выгоду, и увеличили нашу нравственную вовлеченность в дела мира» [16].

Таким образом, нынешний внешнеполитический курс Китая был зафиксирован в решениях XVIII съезда КПК и последовательно проводится в жизнь Си Цзиньпином, однако не отличается от

прежнего стратегически. Новым руководителем внешнеполитического ведомства Китая был назначен Ван И, который в 2000-е был послом КНР в Японии, возглавлял Канцелярию по делам Тайваня и курировал ситуацию на Корейском полуострове. Его назначение представляется неслучайным. Конфликт с Японией, разрешение «тайваньского вопроса», отношения с Пхеньяном и Вашингтоном – самые важные и острые внешнеполитические проблемы. Думается, этим тактическим ходом были определены очередные задачи внешней политики на ближайшее будущее.

Таким образом, внешняя политика КНР в XXI в. формулируется на основе «многополярности», «мира, развития, сотрудничества и взаимной выгоды». Базовые принципы внешней политики остаются прежними: мирное развитие и сотрудничество в экономике, поиск общих интересов, последовательность и настойчивость в отстаивании своих интересов, умение находить компромиссы с партнерами. Внешняя политика «пятого поколения» руководителей носит более наступательный характер, с возрастающей значимостью «мягкой силы». Главной функцией китайской дипломатии стало решение международных проблем на основе согласованности действий многих участников международных отношений. Хотя объективно предпочтение отдается двусторонним отношениям. Пекин выступает против политики силы и распространения западной модели демократии под лозунгом борьбы за права человека, что способствует формированию облика Китая как популярного лидера развивающегося мира.

Вопросы и задания

1. В каких документальных источниках официального характера определяется современная внешнеполитическая стратегия Китая?

2. В чем заключаются принципы традиционности и преемственности внешней политики поколений лидеров КНР? Объясните, как под влиянием процессов глобализации и регионализации трансформировались основные направления внешнеполитических концепций Китая (от концепции «держаться одной стороны» (1949 г.) до концепции многополярного мира и стратегии «мира и развития» в 80-е гг. XX – начале XXI в.). Изменилась ли главная

стратегическая линия внешней политики КНР? Если да, то в какой степени и в каком направлении.

3. В чем заключается сущность и методы функционирования нового миропорядка в китайской интерпретации? Проанализируйте взгляды представителей официальных кругов КНР и китайских политологов на современный державный статус Китая. Как вы думаете, можно ли усмотреть во внешней политике Китая черты политического реализма? Неореализма? Неомарксизма?

Рекомендуемая литература и источники

Полный текст доклада Ху Цзиньтао на 18-м съезде КПК // Жэньминь жибао [Электронный ресурс]. URL : <http://russian.people.com.cn/31521/8023881.html>.

Алексеева Т. А. Внешнеполитический процесс. Сравнительный анализ : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлениям подготовки «Международные отношения» и «Зарубежное регионоведение» / Т. А. Алексеева. М. : Аспект Пресс, 2012.

Аширова Н. А. Основные внешнеполитические концепции Китая в контексте формирования нового мирового порядка : автореф. дисс. ... полит. наук / Н. А. Аширова. М., 2012. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.docme.ru/doc/216731/osnovnye-vneshnepoliticheskie-koncepcii-kitaya-v-kontekste-f...>

Бергер Я. М. Национализм и внешняя политика КНР / Я. М. Бергер // Рос. совет по международ. делам. Аналитика. 2015 [Электронный ресурс]. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=5020#top-content

Бояркина А. Современная внешнеполитическая мысль КНР: проблемы международной безопасности / А. Бояркина // Россия и АТР. 2008. №1. С. 101–108.

Воскресенский А. Д. Китайская школа комплексных мирополитических исследований и перспективы ее развития после XVIII съезда КПК / А. Д. Воскресенский // 18 съезд КПК: новые задачи и перспективы развития : материалы ежегод. науч. конф. Центра полит. исследований и прогнозов Китая ИДВ РАН. Москва, 20 марта 2013 г. С. 233–248 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ifes-ras.ru/publications/infomaterials/839-xviii-sezd-kpk>

novye-zadachi-i-perspektivy-razvitiya, http://www.ifes-ras.ru/attaches/books__texts/InformMaterialy_Iss28_2013.pdf.

Голобоков А. С. Становление и развитие внешнеполитической доктрины Китая / А. С. Голобоков // Ойкумена. Регионовед. исследования. 2010. № 3 (14). С. 117–124 [Электронный ресурс]. URL: <http://library.fa.ru/files/Golobokov.pdf>, <http://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-i-razvitie-vneshnepoliticheskoy-doktriny-kitaya>.

Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. за 2009–2016 гг. / отв. ред.-сост. Е. И. Сафронова. М. : РАН. Ин-т Дальн. Востока, 2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/journal/n/kitay-v-mirovoy-i-regionalnoy-politike-istoriya-i-sovremennost>.

Лузянин С. Внешняя политика Китая до 2020 г. Прогностический дискурс / С. Лузянин [Электронный ресурс]. URL: http://www.perspektivy.info/book/vneshnaja_politika_kitaja_do_2020_g_progностический_дискурс_2011-11-29.htm.

Свешников А. А. Внешнеполитические концепции КНР и концептуальные представления китайских специалистов-международников / А. А. Свешников. М. : ИДВ РАН, 1999. 180 с.

Цвык А. В. Эволюция внешнеполитических доктрин КНР (1950–1990-е гг.) / А. В. Цвык [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-vneshnepoliticheskikh-doktrin-knr-1950-1990-h-gg>.

Чжао Хунвей. Китайская дипломатия в контексте процессов взаимовлияния и соперничества в Восточной Азии / Хунвей Чжао // Аналит. записки. Вып. 1 (21). М.: МГИМО–Ун-т, 2007 [Электронный ресурс]. URL: http://mgimo.ru/files2/y12_2011/216759/az-21.pdf.

Глава 2. Сочетание старых и новых подходов во внешнеполитической стратегии Китая на современном этапе

Внешнеполитическая доктрина КНР строится на сочетании старых и новых подходов. Традиционным остается китайское понимание мира как потенциально враждебного мира, с претензиями США на глобальное доминирование, а России, Японии и Индии – на локальное доминирование [18]. О новых подходах свидетельствует готовность китайского руководства по-новому выстраивать отношения с мировыми центрами силы на основе стратегического партнерства, избегая прямой конфронтации [19]. Пекин действует на основании компромисса, эффективно используя современные механизмы многосторонней дипломатии в достижении главной стратегической цели страны – определить и укрепить свое место на международной арене, максимально обеспечить безопасность страны, создать благоприятные условия для модернизации, добиться статуса ведущей региональной и глобальной державы, пользующейся авторитетом и влиянием на международной арене.

«Новизна» внешнеполитических подходов Пекина заключается также в умении предлагать инициативы и расставлять правильные акценты в осуществлении своей внешнеполитической деятельности.

Контур «новой» внешнеполитической стратегии КНР прозвучали в выступлениях Председателя КНР Си Цзиньпина на рабочей конференции ЦК КПК по внешнеполитическим вопросам (2014) и в рамках Генеральной ассамблеи ООН в сентябре 2015 г., где Пекин предложил свои решения по ряду глобальных проблем. Рассмотрим их подробнее.

Приверженность курсу на многополярность остается важным направлением внешнеполитической деятельности Китая и является «неоспоримой тенденцией мирового исторического процесса» [20]. В докладе на XVIII съезде КПК в 2013 г. о мультиполярности (мультилатерализм) было заявлено как о новой форме многосторонней дипломатии КНР.

Китай активно продвигает китайскую концепцию создания международных отношений «нового типа» с акцентом на сотруд-

ничестве и общем «взаимном» выигрыше при ведущей роли Устава ООН. Как считает Пекин, в современных международных отношениях, основанных на теории реализма, сотрудничество – это инновация, которая, несомненно, соответствует тенденциям экономической глобализации [21].

Немного предыстории. На XVIII съезде КПК Си Цзиньпин обозначил «великое возрождение китайской нации» своей главной задачей и назвал ее «китайской мечтой». Новая теория была основана на традиционных китайских представлениях об общечеловеческих ценностях с акцентом на то, что именно в китайской традиции эти ценности нашли полное выражение. На уровне государства «китайская мечта» – это стремление к богатству и могуществу, демократичность, цивилизованность и гармония. Применительно к внешней политике – это равноправие всех стран, невмешательство во внутренние дела, уважение и ценность всех культур и моделей развития, принятие тезиса о многообразии и культурном богатстве различных цивилизаций.

В 2015 г. в своем выступлении на 70-й Генассамблее ООН Си Цзиньпин заявил о том, что Китай предлагает сформировать глобальное партнерство нового типа на принципах равенства и взаимного уважения. Установление партнерских отношений должно строиться не только на основе новых подходов к межгосударственным отношениям, в которых главенствует «диалог, а не конфронтация, на первый план выходит партнерство, а не блоковая политика». Глобальное партнерство на мировом и региональном уровнях должно исходить из понимания того, что «совместное развитие – это настоящее развитие, устойчивое развитие – это качественное развитие». Пекин призывает «придерживаться принципа многосторонних отношений и отвергать односторонние действия, <...> придерживаться новой концепции достижения результатов, которые будут выгодны всем сторонам». Другими словами Китай ориентирует на то, что достижение результатов должно нацеливаться на получение «выигрыша», который может стать как «двусторонним», так и «многосторонним или общим». Современное международное управление должно строиться на основе консультаций, а споры и разногласия следует преодолевать путем диалога [20].

К инновациям в китайской дипломатической теории относится новое представление о всеобщей, всеобъемлющей, совместной и устойчивой безопасности, отвечающей интересам благополучия и устойчивого развития всех государств. В основе такой системы безопасности «будут лежать справедливость, законность, совместный вклад и коллективная выгода». Председатель КНР обратил внимание на взаимозависимость всех стран в эпоху экономической глобализации, где «ни одна страна не может обеспечить себе абсолютную безопасность только собственными усилиями, и ни одна страна не в состоянии добиться стабильности за счет нестабильности в других странах» [20]. Для Пекина реализация данной концепции означает расширение международного влияния страны.

Поддерживая центральную роль ООН и Совета Безопасности в прекращении конфликтов и поддержании мира, Китай продолжает последовательно отстаивать международный порядок и систему, в основе которых лежат основополагающие цели и принципы Устава ООН. В связи с этим Китай берет на себя серьезные обязательства по усилению не только политико-дипломатического направления в деятельности ООН, но и в укреплении ее силовой компоненты. Си Цзиньпин озвучил решение об учреждении совместного Фонда мира и развития Китая и ООН с бюджетом в один миллиард долларов США сроком на 10 лет. Также Китай заявил о присоединении к системе миротворческих операций ООН и формировании специального подразделения постоянной готовности численностью в 8 000 человек.

Важные приоритеты внешней политики КНР – отношения с развивающимися странами. Китай нацелен на укрепление всесторонней дипломатии и переходит от двустороннего формата отношений к многостороннему, выступая за всестороннее развитие и партнерские отношения по всему миру. В своем первом зарубежном турне после вступления в должность (2013 г.) Си Цзиньпин на третье место поставил участие в 5-й встрече руководителей стран БРИКС, где заявил о поддержке ООН, G20, ШОС, стран БРИКС и других многосторонних международных общественных организаций «в активном выявлении их роли, стимулируя развитие международного порядка и международных систем в справедливом и разумном направлении», а также в «увеличении представитель-

ности и голоса стран с формирующимся рынком и развивающихся стран» [22]. В создании новой архитектуры мировой экономики и налаживании отношений с развивающимися экономиками Китай полагается на БРИКС. Переосмыслив свою роль в мировой экономике, Китай сегодня в большей степени ориентирован на расширение партнерских отношений со странами, которые не являются его ближайшими соседями. Сотрудничество со странами – членами БРИКС дает Поднебесной довольно высокие шансы для противостояния развитым странам, что было бы гораздо сложнее сделать в одиночку. Являясь самым сильным звеном в структуре БРИКС, Китай наделен наибольшим влиянием при формировании экономической и финансовой политики этого объединения. Для КНР крайне важно, чтобы партнерство пяти стран в рамках БРИКС приобретало реальные очертания и давало видимые результаты [23].

Реализация «доктрины партнерств» расширила географические рамки, формируя двусторонние партнерства Китая по всему миру. Приоритетом в этих отношениях является экономическое сотрудничество для получения глобальных преимуществ. В рамках саммита ООН по развитию Си Цзиньпин объявил о некоторых конкретных инициативах по отношению к другим развивающимся странам Африки и Латинской Америки. В предстоящие 5 лет КНР пообещал выделить Африканскому союзу безвозмездную военную помощь в сумме 100 млн долл. [24]; создать фонд сотрудничества «Юг–Юг» и выделить 2 млрд долл., чтобы помочь развивающимся странам осуществить программу развития на период после 2015 г. Также Китай намерен увеличить инвестиции в наименее развитые страны и расширить к 2030 г. объем поддержки до 12 млрд долл. Китай также заявил о готовности освободить наименее развитые страны, развивающиеся государства, не имеющие выхода к морю, а также небольшие островные развивающиеся экономики от долгов по невозвращенным межправительственным беспроцентным кредитам [24].

Приоритетным направлением в китайской внешнеполитической стратегии являются «отношения нового типа» между США и Китаем. Это отношения стратегического партнерства при отсутствии прямой конфронтации, на основе принципов добросовестной конкуренции в рамках мирового порядка во главе с США;

уважения стержневых интересов обеих сторон; проведения сбалансированной политики, направленной на нивелирование давления на Китай со стороны США на основе укрепления связей с Россией, Европой, Африкой. Пекин стремится уменьшить свою зависимость от американского доллара, укрепляя роль своей национальной валюты, участвуя в реформировании Всемирного банка и МВФ, создавая новые международные финансовые организации при ведущей роли КНР (например, Банк развития БРИКС, Фонд Шелкового пути и др.) [19].

Внеблоковость остается важнейшим фактором современной внешней политики КНР. Китай до сих пор не является участником ни одного из существующих альянсов и выступает против расширения других военных блоков. Пекин вырабатывает свою позицию и политический курс по всем международным вопросам независимо и самостоятельно. Однако политика КНР в отношении региональных организаций существенно изменилась. Сегодня Китай является не только активным участником региональных организаций, но и инициатором создания некоторых из них. Более активное и поступательное участие Пекина в процессе международного экономического и финансового управления в формате G7, G20, БРИКС, ШОС может способствовать успешному реформированию существующей международной системы [21].

Китай продолжает политику добрососедства с сопредельными странами, которая основывается «на близости, искренности и толерантности» с целью «создания общности интересов и общей судьбы» [21]. Предложенный Пекином экономический проект «Один пояс и один путь» и создание зоны свободной торговли в АТР являются мощным стимулом для совместного развития Евразийского континента. Цель Китая в данном случае – руководить региональным сотрудничеством в Центральной, Южной, Западной Азии и в Евразии. Экономический проект «Один пояс и один путь» призван «содействовать экономическому процветанию и региональному экономическому сотрудничеству, укреплять обмен и взаимное обучение между цивилизациями, содействовать миру и развитию всего мира, что является великим делом на благо народов государств всего мира» [25]. Проект предусматривает совместное строительство «Экономического пояса Шелкового

пути» и «Морского Шелкового пути 21-го века». В задачи первого проекта входят ускоренное развитие внутренних районов Китая и формирование между государствами региона тесных комплексных отношений в экономической, политической и гуманитарной областях [26]. Второй проект, логистический, соединяет Китай со странами ЮВА, Ближним Востоком, Восточной Африкой и некоторыми странами ЕС.

Ускоренное создание зон свободной торговли с Южной Кореей, Австралией и странами АСЕАН – еще одно стратегическое направление Китая по сдерживанию США в регионе АТР. Например, в ответ на заключение соглашения по созданию Транстихоокеанского партнерства (ТТП) (2015) с целью укрепления позиций США в АТР Китай, отстаивая свои прагматичные интересы, инициировал создание Регионального всеобъемлющего экономического партнерства (РВЭП), в котором одновременно будут участвовать 10 стран АСЕАН (Бруней, Вьетнам, Индонезия, Камбоджа, Лаос, Малайзия, Мьянма, Сингапур, Таиланд, Филиппины) и шесть стран, с которыми у АСЕАН есть индивидуальные соглашения о зоне свободной торговли – Австралия, Китай, Индия, Япония, Новая Зеландия и Южная Корея. Заметим, что ряд стран региона АТР – Австралия, Бруней, Япония, Малайзия, Новая Зеландия, Сингапур и Вьетнам – участвуют одновременно в двух проектах: и ТТП, и РВЭП. Возможно, что именно этот факт позволит сблизить позиции двух объединений по созданию большой многосторонней зоны свободной торговли всего Азиатско-Тихоокеанского региона.

В отношениях с сопредельными государствами Китай прилагает усилия для углубления взаимовыгодного сотрудничества с азиатскими странами. Общее экономическое пространство с соседними странами – одна из основных задач внешней торговой политики КНР, потому что именно соседи Китая представляют собой, в его понимании, источники сырья и наиболее приближенные к нему рынки сбыта китайской продукции и территории для хозяйствования китайских рабочих. Довольно частые контакты и обмены на высшем уровне способствуют поддержанию гармоничного климата с соседями. Региональное сотрудничество ведется как в двустороннем, так и многостороннем форматах. Напри-

мер, дипломатические отношения Китая и Южной Кореи, установленные чуть более 20 лет назад, устойчивы и стабильны. Страны считают друг друга не только стратегическими экономическими партнерами, но и важными политическими партнерами в решении северокорейского ядерного кризиса и в создании многосторонней системы безопасности и сотрудничества в Северо-Восточной Азии. Китай и Япония добились важной договоренности об использовании юаня и японской иены в транснациональной торговле и инвестиционных сделках, о продвижении развития финансового рынка национальной валюты в двух странах. Китай и Южная Корея достигли прогресса по вопросу оперативного задействования официальных переговоров о двусторонней зоне свободной торговли. Китай и страны в бассейне реки Меконг приняли рамочную стратегию субрегионального экономического сотрудничества на предстоящее десятилетие [27]. Вместе с тем непростые отношения складываются у Китая с Японией и соседями в Юго-Восточной Азии из-за территориальных разногласий в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях. Южно-Китайское море Китай объявил своим «внутренним морем» и не допускает вмешательства третьих сторон в его конфликты с соседями. Пекин надеется, «что заинтересованные стороны, уважая справедливые интересы Китая, будут действовать в одном направлении с китайской стороной, отказываясь от высказываний и действий, которые могут привести к осложнению ситуации, в целях совместного продвижения стабильности, развития и прогресса в Азии» [28].

Перечисленные выше современные подходы к реализации внешнеполитической стратегии КНР свидетельствуют о преемственности внешнеполитических шагов Си Цзиньпина в продолжении предыдущей линии партии и руководства КНР. Однако Пекин движется к своей цели более наступательно, применяя новую тактику при прежней стратегии. Си Цзиньпин постоянно возвращается к традиционному пониманию концепции дипломатии с китайской спецификой, в китайском стиле и манере: «В основе китайской дипломатии по-прежнему лежит принцип поддержки социального строя и пути развития страны, принцип поддержки независимой мирной внешней политики, “пять принципов мирного сосуществования” и невмешательство во внутреннюю политику

других стран. Китайская дипломатия должна следовать принципам справедливости, правосудия и равноправия, следить за тем, чтобы нравственность всегда была на высоте <...>, нужно трудиться на благо развития своей страны, реформ и открытости» [21].

Вопросы и задания

1. Каковы внешнеполитические цели Китая и подходы к реализации «новой» внешней политики?

2. Определите внешнеполитические ресурсы и возможности Китая в реализации современной внешнеполитической доктрины.

3. В чем заключаются новые тенденции во внешнеполитической линии КНР после прихода к власти «пятого поколения» руководителей? Приведите примеры практических усилий новой политической элиты КНР по реализации концепции многополярного мира.

4. Устойчивыми параметрами внешней политики КНР являются прагматизм, самостоятельность и направленность на достижение стратегической национальной цели. Докажите, что внешняя политика Китая отличается умением сочетать прагматизм, реализм и принципиальность.

5. Китай по-прежнему позиционирует себя как страну, являющуюся частью «третьего мира», причисляя себя к развивающимся странам. Зачем это ему нужно?

6. Проектное задание. Какие органы государственной власти КНР участвуют в формировании внешней политики Китая и как распределяются их роли?

Рекомендуемая литература и источники

Алексеева Т. А. Внешнеполитический процесс. Сравнительный анализ : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлениям подготовки «Международные отношения» и «Зарубежное регионоведение» / Т. А. Алексеева, А. А. Казанцев. М. : Аспект Пресс, 2012. 224 с. (Серия «Учебник нового поколения». Для бакалавров).

Бергер Я. М. Национализм и внешняя политика КНР / Я. М. Бергер // Рос. совет по междунар. делам. Аналитика. 2015 [Электронный ресурс]. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=5020#top-content

История Китая с древнейших времен до начала XXI века : в 10 т. / гл. ред. С. Л. Тихвинский. М. : Наука – Восточная литература, 2013–2015.

Киссинджер Г. О Китае / Г. Киссинджер. М. : Астрель, 2013. 640 с.

Китай в мировой политике / отв. ред.-сост. А. Д. Воскресенский. М. : РОССПЭН, 2001. 528 с.

Китай: история и современность : материалы V Международ. науч.-практ. конф. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2012. 145 с.

Корсун В. А. Внешнеполитический механизм с «китайской спецификой» / В. А. Корсун [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/vneshnepoliticheskiy-mehanizm-s-kitayskoj-spetsifikoy>

Свешников А. А. Внешнеполитические концепции КНР и концептуальные представления китайских специалистов-международников / А. А. Свешников. М. : ИДВ РАН, 1999. 180 с.

Совместное формирование новых партнерских отношений сотрудничества и взаимного выигрыша, создание сообщества единой судьбы : выступление председателя КНР Си Цзиньпина в ходе дебатов на 70-й Генассамблее ООН (28 сентября 2015 г., Нью-Йорк). [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/ztbd/QQ13/t1320669.htm>

Цзян Цзэминь. О социализме с китайской спецификой : в 3 т. / Цзянь Цзэминь. М. : Памятники ист. мысли, 2004.

Глава 3. Стратегическое оснащение китайской дипломатии

Особенности дипломатии Китая сформировались в основном в Средние века и базируются на традициях, корни которых уходят в еще более отдаленные исторические периоды.

Цивилизационно-исторической основой китайской дипломатии можно с уверенностью считать убежденность общества, нации в том, что Китай – уникальное, особое государство, с особой миссией. Китайцы веками не стеснялись утверждать, что рядом с Китаем и его императором не могло быть равноценных государств и монархов, а лишь «варвары четырех сторон света» и что поэтому у Чжунго нет границ. Древнекитайская картина мира представляла его как иерархическую систему с двумя уровнями. Главным на верхнем уровне, порождающим все остальное, считалось Небо. Его представителем на Земле мыслился Император – Сын Неба, устроитель мира-социума с земными функциями и космической – «всеобщего медиатора» [29, с. 161], превращавший некоторых «варваров четырех сторон света» в своих подданных, а непокорных, «которые упорствовали в заблуждении», не желая «покоряться душой», правитель Среднего государства «карал своей мощью», приводя тем самым мир в «гармоничный порядок» [29, с. 176].

Мир-социум представлял собой нижний уровень – Поднебесную, в центре которой и находилось Среднее государство (Чжунго), то есть сам Китай, а вокруг – четыре стороны света, населенные «варварами». Небо, в понимании древних китайцев, посылало всеблагоую силу дэ, которую транслировал на землю Сын Неба. «Всеблагая сила дэ» должна была воздействовать на «варваров», подчинять их своему влиянию. «Варвары», в свою очередь, должны были признавать «великое дэ» китайского императора, «покоряться и преобразовываться». Вовлеченные в сферу притяжения империи, «варвары» должны были прибывать в ее столицу «с данью» – «гун» – ко двору Сына Неба [29, с. 161].

Мы помним, что греки и римляне также ставили в центр себя, а всех вокруг считали варварами, но такое представление существовало лишь в древности. Китайцы же и далее веками заучивали наизусть труды своих мудрецов. В этих трудах Китай отождествлялся со светом – «ян», а «варвары» – с темным началом, «инь»,

им изначально приписывались отрицательные черты – агрессивность, алчность, низость, лукавство, «сердце дикого зверя». Китай и Сын Неба должны были, согласно такому пониманию, проводить мироустроительную миссию, чтобы «приводить мир в гармоничный порядок» [29, с. 162].

Начиная с эпохи Хань (206 г. до н. э. – 220 н. э.), «варваров» разделяли на «ближних» («живших вдоль границы империи») и «дальних». От «ближних» безоговорочно требовалось подтверждение, что они – подданные, а следовательно, приношение дани. С «дальними» было сложнее – они находились вне сферы воздействия военной силой, но тем ценнее было их появление в Китае, что расценивалось однозначно: покорились, признали верховенство [29, с. 163].

Данническая система стала основой внешней политики Китая в том числе и потому, что во времена Цинь и Хань Китай был могучей империей, централизованным государством. Однако вскоре китайскому двору пришлось иметь дело с сильными северными народами, например с гуннами, а еще позже – с европейскими «варварскими» государствами. Для этого гибкие китайцы придумали систему договоров. Термин «два государства» для договаривающихся сторон в этом случае означал, что Китай вынужден на бумаге признать равенство «варвара» [29, с. 164]. Таким образом, отмечаем: в основе китайской дипломатии две системы – данническая и договорная. Кстати, можно проследить, как Китай отстаивал примат даннической системы, на примере первых контактов российских посланников с китайским двором в XVII в. (см. гл. 6).

Наконец, когда не получалось установить контроль над «варварами» или государствами вдали от китайских границ, империя использовала принцип «сковывания» или «удержания в ослабленной узде, не прерывая отношений». Визиты «варваров» и их послов Китай рассматривал как «подношение дани», тогда как сами они, думая в первую очередь о собственной выгоде, не осознавали факт своего включения в данническую систему. Так была сформирована доктрина «сдерживания», или «сковывания варваров» при помощи уступок. Параллельно Китай практиковал «и и чжи и» – «управлять варварами с помощью варваров» или «с помощью варваров подавлять других варваров» [29, с. 164].

Договорная система партнерства изначально понималась в Китае по-своему. Советские и российские синологи (А. С. Мартынов, М. В. Крюков) отмечали, что «идеология мироустройства» и связанная с ней «данническая система» были основными доктринами китайской внешней политики. Договорные же отношения являлись лишь «отклонениями от нормы», которые навязывались Китаю «грубой реальностью» [29, с. 176]. В том числе поэтому в Китае совершенствовалась возникшая три тысячелетия назад еще одна особенность китайской дипломатии – стратагемность.

Существенный вклад в разработку стратагемного оснащения китайской дипломатии внес крупнейший китайский военный мыслитель IV в. до н. э. Сунь-цзы. Он считал залогом успешного осуществления предварительных расчетов в отношении партнера правильный выбор времени для своих действий, умение сосредоточить соответствующие силы на главном, единодушие исполнителей, осторожность, способность руководителя к самостоятельным действиям. В своем трактате «О военном искусстве» он давал такие наставления: «Если ты и можешь что-нибудь, показывай противнику, будто не можешь; если ты и пользуешься чем-нибудь, показывай, будто ты этим не пользуешься; хотя бы ты и был близко, показывай, будто ты далеко; хотя бы ты и был далеко, показывай, будто ты близко; заманивай его выгодой; приведи в расстройство и бери его; если у него все полно, будь наготове; если он силен, уклоняйся от него; вызвав в нем гнев, приведи его в состояние расстройств; приняв смиренный вид, вызови в нем самомнение; если его силы свежи, утоми его; если у него ряды дружны, разъедини; нападай на него, когда он не готов; выступай, когда он не ожидает» [30, с. 68–69].

В отсутствие европейского христианского понимания греховности всякого обмана, в Китае, наоборот, ценили стратегов, умеющих применить «сообразительность, изобретательность и находчивость», то есть использовать стратагемы. Академик В. С. Мясников определяет стратагему как «стратегический план, в котором для противника заключена какая-либо ловушка или хитрость» [31, с. 8]. Первым западным деятелем, упомянувшим термин «стратагема» применительно к Китаю, был русский дипломат С. Л. Владиславич-Рагузинский, который в 1727 г. написал о китайских чи-

новниках: «И сию вторую стратагему они чинили, чем бы меня обмануть» [31, с. 29].

Русские дипломаты в XVIII–XIX вв. знали о китайской стратагемности. Но затем невероятным образом в нашей стране это знание забылось: в советское время из-за стремления к союзу и идеологическому единству с Китаем любой ценой делалось все, чтобы оно не стало широко известным. Академик В. С. Мясников в своей монографии «Империя Цин и Русское государство в XVII веке» в 1980 г. проанализировал применение Китаем стратагем в дипломатии. Работу перевели на английский и французский языки, но в СССР критики вынесли вердикт: стратагемность существовала в древности, она не является специфически китайской реальностью в настоящее время.

Параллельно с советским академиком стратагемность изучал в Китае швейцарский ученый Харро фон Зенгер, которому посчастливилось найти копию древнего китайского трактата «36 стратагем». Свою монографию «Стратагемы» о применении стратагемности с древнейших времен до наших дней, о том, что она стала важнейшей чертой национальной психологии, он опубликовал на немецком языке в 1988 г. Так была доказана важнейшая особенность составления китайских стратегических планов в политике, дипломатии, ведении бизнеса.

Стратагемность стала чертой национального характера китайцев и особенностью национальной психологии. Х. фон Зенгер, собиравший материал для своей монографии 15 лет, утверждает, что стратагемы существуют у всех народов, но нигде в мире нет такого, как в Китае, свода стратагем, на протяжении тысячелетий заучиваемых с детства, как таблица умножения. В. С. Мясников в предисловии к русскому изданию работы Х. фон Зенгера отмечает: «Все, что требовало выигрыша в политической борьбе, нуждалось в стратагемном оснащении. <...> Стратагемная дипломатия черпала средства и методы не в принципах, нормах и обычаях международного права, а в теории военного искусства, носящей тотальный характер и утверждающей, что цель оправдывает средства. <...> Стратагемность – это способность просчитать ходы в политической игре, а порой не просто просчитать, но и запрограммировать их, исходя из особенностей ситуации и качеств противника» [31, с. 8–10].

Веками страгегемы были оружием китайских политиков и военных, секретным национальным достоянием. Китайцы классифицировали страгегемы по видам, разработали методiku применения каждой в зависимости от конкретной ситуации. «Трактат о 36 страгегемах» – бесценный банк данных, из которого черпаются «ходы» во многих областях жизни, и главным образом в разработке планов развития собственной страны и внешней политики.

Корни нынешней внешней политики Китая выходят из исторических традиций, почитаемых в стране, извлекаемых по мере необходимости и интерпретируемых в соответствии с моментом. Китайский исследователь Чжао Хунвэй предлагает рассматривать дипломатию Китая, исходя из «“непрерывного звукового фона” китайской цивилизации». Несмотря на то, что «на китайскую дипломатию оказывают влияние и капитализм, и социализм, ее основы формируются при воспроизведении китайской политической цивилизации. И такую дипломатию следует считать традиционной в своей основе» [32, с. 9]. Сегодня китайские исследователи выдвигают современные трактовки дипломатий данничества и баланса сил, понимание которого в Китае, кстати, отличается от Западного. Если в западной трактовке баланс сил – это равенство, обязанности и разделение влияния и ответственности между крупнейшими державами-партнерами, то в Китае это часто понимается как искусство тактической блокировки. Данническая система реинтерпретируется как порядок между Китаем и «варварами», который «являл собой международную систему поддержания мира», при этом «данная система строилась на принципах единоначалия мира», то есть «Китай являлся единственным главой единой семьи народов, а мир обеспечивался тремя условиями: невмешательством Китая во внутренние дела соседних народов, “щедрой поддержкой, но малой помощью”, которые получали соседние народы, а также поддержанием мира в регионе усилиями Китая» [32, с. 10].

Вывод Чжао Хунвэя: на современном этапе китайская дипломатия, по сути, является двухуровневой, сочетая в себе черты общения с другими великими державами в рамках «дипломатии баланса сил» и одновременно использования «даннической дипломатии» с окружающими Китай государствами. Как великая держава, Китай добивается того, чтобы другие державы считались с ним как

такowym, признавали за ним статус центрального государства в его регионе. Центральное государство региона не допускает враждебной политики среди прилегающих стран и берет себе за правило не создавать враждебных отношений с другими крупными державами. В отличие от «империй», Китай, даже если он не желает признавать антикитайских шагов какого-либо правительства в своем регионе и требует отказа от такой политики, все же не пойдет на то, чтобы напрямую вмешиваться во внутренние дела этих стран, например инициировать свержение таких режимов. Это еще одно правило китайской дипломатии. Другое правило – «щедрая поддержка», которую Пекин обеспечивает своим соседям по региону. Такую внешнюю политику можно назвать «дипломатией этикета», «дипломатией старшего брата». И та, и другая – смешение традиций дипломатии баланса сил и даннической, что и определяет особенности китайской внешней политики [32, с. 11–12].

Преемственность внешней и внутренней политики в разные исторические периоды в новейшей истории также официально признается в КНР. Так, Ху Цзиньтао в докладе XVII съезду КПК (октябрь 2007 г.) подчеркнул, что современное развитие КНР осуществляется «на основе того, что руководящий коллектив ЦК первого поколения, ядром которого был тов. Мао Цзэдун, привел партию и народы страны к созданию Нового Китая, к великим успехам в деле социалистической революции и строительства, а также накопил ценный опыт в процессе упорного и настойчивого зондирования законов строительства социализма. Великое дело реформ и открытости начато ... руководящим коллективом ЦК второго поколения, ядром которого был тов. Дэн Сяопин, унаследовано, получило развитие и успешно продвинуто в XXI век партией и народом страны под началом руководящего коллектива ЦК третьего поколения, ядром которого был тов. Цзян Цзэминь» [33].

«Китайскую специфику», стратегии и стратегаемы можно проследить в политике, осуществлявшейся разными руководителями КНР. Например, хотя этап внешней политики, ядром которого, по определению Ху Цзиньтао, был Мао Цзэдун, представляется достаточно изученным, но в работах советских историков недостаточно подробно анализировались его труды, а именно – «китайская специфика» в подходах к внешней политике и к ценностям

марксизма. В частности, у нас замалчивалась его трактовка интернационализма: «Догматизм надо сдать в архив и усвоить свежий и живой, приятный для слуха и радостный для глаза китайского народа китайский стиль и китайскую манеру. <...> У нашего народа многотысячелетняя история..., он создал множество ценностей. Мы должны обобщить наше прошлое – от Конфуция до Сунь Ятсена, – должны вступить во владение этими ценностями. <...> Это будет большим подспорьем» [34, с. 364–365].

И в наши дни далеко не многие китаеведы обращают внимание, например, на то, что старая формулировка «социализм с китайской спецификой» (ю Чжунго тэсэ ды шэхуэйчжуи) поменяла акценты. Со времен Ху Цзиньтао стали говорить и писать «самобытный китайский социализм» (Чжунго тэсэ ды шэхуэйчжуи). Эту черту отмечает выдающийся советский и российский китаевед Ю. М. Галенович. Таким образом, поясняет он, социализм для китайцев теперь – не общемировое понятие, а присущее будто бы только Китаю [35, с. 309–311].

Если сегодня даже бегло начать просматривать работы Мао Цзэдуна разных лет, то в глаза бросаются фразы и призывы, говорящие о желании вернуть стране утерянные в XIX в. позиции и могущество. Выступая в 1945 г. на VII съезде КПК, Мао Цзэдуン призывает к сплочению не только ради стоящей на повестке дня задачи борьбы против «японских захватчиков», но и для «построения независимого, свободного, демократического, единого, богатого и могучего Нового Китая» [36, с. 460]. Если не знать, что эти слова принадлежат Мао, можно отнести их на счет любого сегодняшнего китайского политика.

Отец современных китайских реформ Дэн Сяопин продолжил стратегию великодержавного курса, используя при этом искусство стратега. Формируя идеологию модернизации, чтобы вернуть стране мощь и величие, он утверждал, что КНР должна проявлять сдержанность на мировой арене, «не высовываться без надобности», «не стремиться возглавить что-либо, сконцентрировать свое внимание на решении собственных проблем». Позже Цзян Цзэминь повторял заветы Дэн Сяопина по осуществлению реформ, требующих «обстановки длительного международного мира»: «Хладнокровно наблюдать, укреплять расшатанные позиции, про-

являя выдержку, справляться с трудностями, держаться в тени и стараться ничем не проявлять себя, быть в состоянии защищать пусть неуклюжие, но свои собственные взгляды, ни в коем случае не лезть вперед, на первое место, и при этом делать что-то реальное» [37, с. 473].

В начале китайских реформ Дэн Сяопин, как отмечает профессор Дипломатической академии МИД РФ, автор многих книг и учебников по информационным войнам И. Н. Панарин, опирался на стратегию разработку спецслужб, в основе которой лежала концепция добывания финансовых ресурсов и передовых технологий [38, с. 214]. Еще один отработанный им стратегический ход, являющийся, кстати, особенностью китайской дипломатии, – оставлять нерешаемые вопросы в подвешенном состоянии. Так, например, в ходе встречи с М. С. Горбачевым в 1989 г., говоря о территориальных притязаниях Китая к странам, «извлечшим из Китая наибольшие выгоды» и якобы «отторгнувшим» части китайской территории, китайский лидер остановился на необходимости Японии «вернуть» острова в Восточно-Китайском море, в крайнем случае – начать «совместное их использование» или перевести вопрос в «подвешенное состояние». «И если мы, то есть люди нынешнего поколения, не сможем решить его, то последующие поколения окажутся мудрее нас и в конечном счете сумеют найти способы решения этого вопроса» [39, с. 291]. Следование такому подходу подтвердил Цзян Цзэминь. Говоря о «неизменности позиций государства твердо придерживаться добрососедства и дружбы», он отметил, что в «спорных проблемах с соседними государствами», «если решить их не удастся, можно временно не давать делу хода, стремиться к общему при сохранении различий» [37, с. 479].

Выдвинутая Ху Цзиньтао концепция «мирного возвышения» Китая указывала на активизацию роли Китая в мире и выдвижение на роль великой державы, что имело глубокие исторические корни. Как отмечает А. А. Свешников (ИДВ РАН), история Среднего государства доказывает: «национальный менталитет не допускает вероятности того, что страна обречена на прозябание. <...> Китайцы мирились с временным отстранением своей страны от участия в глобальных и региональных процессах», но всегда знали: эта «историческая несправедливость» рано или поздно будет

устранена. В ходе реформ «шло количественное накопление признаков политики великой державы», и этот процесс продолжается [40, с. 143–144].

Из долгосрочных стратегий КНР сегодня наиболее известен стратегический план развития до 2050 г., составленный в основном учеными Института количественных и технико-экономических исследований Академии общественных наук КНР. Этот план разрабатывался в 1996–1997 гг. и являлся продолжением стратегических разработок Дэн Сяопина конца 1970-х – начала 1980-х гг., а в последующем – пятилетних планов, утверждаемых сессиями Всекитайского собрания народных представителей. Главная его цель – возрождение «Великого Китая», а главная задача, призванная обеспечить ее достижение, – сохранение мирных условий для реформирования и модернизации экономики и вооруженных сил. Внешняя политика мыслится при этом как независимая и самостоятельная. Как считают многие аналитики, Китай ради выполнения всех задач не будет вступать в союз ни с каким государством, примыкать к какой-либо коалиции или вступать в тесные отношения с одним из центров силы. Он будет стремиться со всеми развивать двусторонние отношения на основе партнерства [41, с. 525].

Одним из ключевых проявлений цивилизационной специфики и стратагемности в отношениях современного Китая с другими странами можно считать разницу в интерпретации положений принятых совместных документов. Это связано с многозначностью иероглифов китайского языка. Еще известный русский правовед XIX в. Ф. Ф. Мартенс в своей книге «Россия и Китай» заметил: «Текст или слова трактатов обыкновенно понимались совершенно одинаково как Россией, так и Китаем, исключая случаи ошибок в переводе, но дух этих международных актов был понимаем различно двумя правительствами по той простой причине, что их нравственные и юридические понятия о международных отношениях были существенно противоположны» [Цит. по: 42, с. 450].

Можно отметить употребление в ходе переговоров и в документах, подготовленных, как правило, китайской стороной, многозначных терминов, например термина «взаимодополняемость». В любой европейской стране его могут истолковать как приглашение к производственной кооперации, обмену опытом, технологиями,

однако для Китая его содержание сводится к простой схеме: если мы партнеры, то вы должны разрешить нам пользоваться вашими ресурсами, потому что свои в погоне за прибылью, деньгами западных ТНК мы быстро расходует, а менять экономическую модель и модернизировать свою промышленную политику не хотим, экономика должна сохранять набранные темпы роста, выше всех в мире; кроме того, у нас большое население, и нам проще использовать для него чужие ресурсы со всего мира, чем рационально, с соблюдением природоохранных норм и восполнением утраченного, расходовать свои собственные.

Кроме того, на практике можно постоянно наблюдать тенденцию предпочтения КНР двусторонних отношений, переговоров, принятия документов. Они для китайской стороны важнее многосторонних, потому что дают больше свободы для маневра и применения различных стратегий и тактики. Это можно видеть на примере попыток России и Казахстана усадить КНР за стол переговоров по вопросу совместного использования реки Иртыш. Китай стремится решать все проблемы отдельно с каждой из сторон или не предпринимать ничего и продолжать хозяйствовать на реке так, как если бы она принадлежала ему от истока до устья.

Главным образом КНР сегодня, по мнению И. Н. Панарина, применяет на международной арене следующие стратегаемы:

№ 10 «Скрывать за улыбкой кинжал» – добивайся доверия противника и внушай ему спокойствие. Только тогда осуществляй свои скрытые планы. Подготовь все как подобает, нападай без колебаний и не давай врагу опомниться.

№ 13 «Бить по траве, чтобы вспугнуть змею» – удар, нанесенный наудачу, позволит выяснить истинное положение дел. Обдумай последствия этой пробы – и приступай к решительным действиям.

№ 21 «Цикада сбрасывает золотой кокон» – всегда сохраняй уверенный вид, не допуская изъянов в своей позиции. Так можно не позволить союзнику поддаться страхам и не дать противнику повода предпринять нападение.

№ 27 «Притворяться глупцом, не теряя головы» – лучше делать вид, что ничего не знаешь и не хочешь ничего делать, чем

делать вид, что владеешь знанием, и действовать безрассудно. Тот, кто пребывает в покое, не раскрывает своих планов.

№ 36 – «Бегство в безнадежном положении – лучшая из всех возможностей» – сохранять свои силы, избегая открытого противостояния [38, с. 211–212].

Нынешний председатель КНР Си Цзиньпин главной стратегической целью, как известно, ставит «возрождение великой нации». Характерна тональность его заявлений: «Наша нация – великая нация», «наш народ – великий народ», «китайская нация внесла немеркнущий вклад в дело цивилизации и прогресса человечества» [См., напр.: 43]. Эта идея превосходства буквально вколачивается в голову каждого китайского гражданина с детства. Выступления Си расходятся на цитаты, его начинания во внутренней политике сравниваются журналистами с инициативами Мао и Дэна [44], и он, будучи председателем КНР всего несколько лет, уже успел издать свою книгу о государственном управлении [45].

В заключение необходимо отметить, что вся современная китайская дипломатия направлена на реконструкцию «Великого Китая», реализацию задачи стать центром мира в экономике и политике, а географически – вернуть в свои границы все, что, по мнению китайской стороны, было якобы «отнято» иностранными «варварами». Веками в Китае культивировалась мысль о том, что все китайское – мысль, культура, модель общественного развития, устройства общества – это нечто исключительное, выше всего существующего в мире, что внешний мир несправедлив к китайцам, что он – их территориальный и моральный должник, а нации-обидчики должны заплатить Китаю за обиды. Большую важность для Китая в этой связи приобрело «умение манипулировать внешнеэкономическими стратегическими и тактическими расчетами и эмоциями, тем более что такого рода манипулирование представляется руководителям страны необходимым в целях решения внутренних китайских экономических и политических задач» [46, с. 51; 53].

Ю. М. Галенович проанализировал идеологию американского и китайского понимания мирового лидерства. В случае с США американское господство – это союз государств, наций, нечто вроде Соединенных Штатов Земли, разделяющих американские

ценности. Китай же, предпочитающий называться «государством нации Чжунхуа», тем самым отдает предпочтение одной нации – хань, а все другие нации могут войти в государство ханьцев, более того, они неизбежно будут ассимилированы ханьцами [46, с. 111–113].

Военный Китаевед, заместитель директора Института российско-китайского стратегического взаимодействия А. П. Девятов, отбросив стесняющие требования политкорректности, называет стратегический план развития КНР до 2050 г. «китайским проектом, который преследует цели:

– отомстить иностранцам, преимущественно англосаксонского и японского корня, за позор и унижения в период “опиумных войн”, разорения и оккупации с середины XIX–XX вв.;

– продемонстрировать окраинным народам культурное первородство;

– вернуть и закрепить в сознании своего народа традиционное представление о Китае как Центре Земли, где все прочие государства рассматриваются как культурно неполноценные» [47, с. 391]. К 2020 г., по этому плану, КНР должна превратиться в «Большой Китай».

Вопросы и задания

1. Какие цивилизационные особенности Китая повлияли на формирование и становление национальной дипломатии?

2. Практически все лидеры современного Китая считаются мастерами составления стратагем. Проанализируйте основные внешнеполитические инициативы Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина и попробуйте проследить, в каких случаях за шагами лидеров скрывался тщательно продуманный план как своих действий, так и вероятных, ожидаемых ответов на них оппонентов Китая.

3. Проанализируйте развитие событий в крупнейших конфликтах, в которые сегодня вовлечен Китай: в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях. Попробуйте выявить стратегию и стратагемы в действиях Пекина, объясните логику событий.

4. На основе доступных источников изучите современные пятилетние планы развития КНР, а также «Прогноз-2050». Охарактеризуйте основные приоритеты развития современной КНР.

Рекомендуемая литература и источники

Мясников В. С. Кастальский ключ китаевода : сочинения : в 7 т. / В. С. Мясников. М. : Наука, 2014.

Галенович Ю. М. Войны Нового Китая и его дипломатическая служба / Ю. М. Галенович. М. : Восточ. книга, 2012. 640 с.

Дипломатия Китайской Народной Республики // Дипломатия иностранных государств / под ред. Т. В. Зоной. М. : РОССПЭН, 2004 [Электронный ресурс]. URL: <http://mgimo.ru/upload/iblock/703/703aacdab015f762bad63cd929f9e893.pdf>.

Зенгер Х. фон. Стратегемы. О китайском искусстве жить и выживать : в 2 т. / Х. фон Зенгер. М. : Эксмо, 2004.

История Китая с древнейших времен до начала XXI века : в 10 т. / гл. ред. С. Л. Тихвинский. М.: Наука – Восточ. лит-ра, 2013–2015.

Китайская военная стратегия / сост., пер., вступ. ст. и коммент. В. В. Малявина. М. : АСТ: Астрель, 2004. 432 с.

Малявин В. В. Китайская цивилизация / В. В. Малявин. М. : Астрель: 2000. 632 с.

Малявин В. В. Империя ученых / В. В. Малявин. М. : Европа, 2007. 384 с.

Москалев А. А. Нация и национализм в Китае / А. А. Москалев. М. : Памятники ист. мысли, 2005. 327 с.

Бажанов Е. П. Китай: от Срединной империи до сверхдержавы XXI в. / Е. П. Бажанов. М. : Изд-во «Известия», 2007. 352 с.

Мясников В. С. Квадратура китайского круга : в 2-х кн. / В. С. Мясников. М. : Вост. лит-ра РАН, 2006.

Сунь-цзы. Искусство войны / Сунь-цзы ; пер. Н. И. Конрада. М. : АСТ: Кладезь, 2014. 85 с.

Глава 4. Механизмы и инструменты современной китайской дипломатии

Один из наиболее авторитетных востоковедов современности, С. Л. Тихвинский, считает, что «трехтысячелетний опыт позволил Китаю много раньше Запада понять, что „влияние важнее власти“. Это не стремление к прямому и силовому политическому контролю, а к организованному, естественному, точно дозированному и направленному воздействию на ключевые точки регионов и стран, государств и общественных систем. В Средние века это вполне современная стратегия называлась *цзинцзи* – сокращенная форма от „цзинши цжиминь“ (управление миром, помощь народам). Метод осуществления этой стратегии – *увэй* (*фэйгун*), или „недеяние“ (то есть ничего такого, что прямолинейно, грубо, примитивно легко бросается в глаза). Иносказательно этот метод мудро назван „цими“ (ненатянутые поводья). Его суть – не диктат, а дипломатическая направляющая подсказка, сделанная к месту и вовремя» [48].

Для успешной реализации основных целей своей внешнеполитической стратегии, «повышения политического влияния Китая, его экономической конкурентоспособности, для повышения привлекательности образа КНР и моральной легитимности его решений» [49] Пекин использует ряд механизмов и дипломатических инструментов, позволяющих достигнуть желаемого результата на приоритетных для страны направлениях. Ознакомимся с основными.

Как указывалось выше, древнейшим инструментом китайских дипломатов является *стратагемная дипломатия*, то есть нацеленный на решение крупной внешнеполитической задачи план, рассчитанный на длительный период и отвечающий государственным или национальным интересам страны. Само собой разумеется, что стратагемность китайской дипломатии подразумевает не сиюминутные, а стратегические, долгосрочные интересы государства. А поскольку базовым национальным интересом любого государства является защита его суверенитета, то отражением стратагемности в принципах внешнеполитической стратегии КНР можно считать стратагему «господствовать над варварами, используя самих варваров» [50]. Сегодня Китай, обеспечивая ре-

лизацию стратагем, все же старается придерживаться принципов, норм и обычаев международного права. Тем не менее восприятие и осмысление Китаем политической практики других государств по-прежнему осуществляется через призму стратагемности.

По определению Дж. Берриджа, современная дипломатия – это «ведение международных дел скорее посредством переговоров, а также посредством других мирных средств (таких как сбор информации, проявление доброй воли), прямо или косвенно предполагающих проведение переговоров, чем путем применения силы, использования пропаганды или обращения к законодательству» [51]. Китайская дипломатия в полной мере вписывается в это определение, поскольку искусство ведения переговоров глубоко заложено в культуре в силу исторических традиций и особенностей развития Поднебесной. Переговоры остаются действенным инструментом китайской дипломатии в построении и регулировании международных отношений, которые позволяют им достигать значимых дипломатических и торговых побед.

В новом мировом порядке китайская дипломатия представляет новый взгляд на сотрудничество и взаимное уважение. Сохраняя классические формы (через дипломатические представительства) и функции, китайская дипломатия использует и новые моменты в международных отношениях – разнообразные технические средства, многостороннюю дипломатию, дипломатию, осуществляемую на высоком и высшем уровне, «второе направление дипломатии» (Track Two Diplomacy) [52]. Мы не ставим целью подробно описать каждый из этих инструментов, остановимся лишь на некоторых.

Наибольший интерес представляет ключевой механизм современной китайской дипломатии – институт *стратегического партнерства*. Создание системы партнерских отношений с различными государствами и объединениями относится к началу 1990-х. С тех пор идея создания сети партнерских связей стала успешной практикой закрепления и расширения отношений КНР с другими странами. Используя стратегическое партнерство и стратегический диалог, китайское руководство действует на международной арене более глобально [21]. И вот уже на 70-й Генассамблее ООН Председатель КНР Си Цзиньпин отметил, что пришло время создавать глобальное партнерство на мировом и региональном уров-

нях. В современных межгосударственных отношениях должен главенствовать «диалог, а не конфронтация, на первый план выходит партнерство, а не блоковая политика» [20].

У партнерских отношений три особенности. Во-первых, они основываются на паритете, при котором страны будут относиться друг к другу как к равным. Во-вторых, отношения должны носить мирный характер. Сотрудничество, консультации, поиск взаимной выгоды, поиск точек совпадения или близости взаимных интересов – вот инструменты партнерства. Третьей характерной особенностью партнерства называется «инклюзивность». Необходимо преодолеть различия в социальном строе и идеологии и стремиться к максимальной реализации общих интересов и стремлений. Как, например, «азиатско-тихоокеанская мечта», о которой в 2014 г. впервые заявил Си Цзиньпин на саммите АТЭС. Здесь имеются в виду «действия в духе азиатско-тихоокеанского сообщества, основанные на ощущении общности судеб государств региона и направленные на взаимовыгодное сотрудничество» [21]. Главная цель – процветающее развитие и благополучие региона. При этом Китай никогда не забывает один из своих главных принципов – нужно иметь как можно больше друзей, но не вступать в какие-либо альянсы с целью противодействия третьим государствам.

Как отмечает В. Я. Портяков, в свое время с помощью стратегии партнерств КНР смогла справиться с различными международными угрозами в переходный период конца XX – начала XXI в., снизить уровень конфронтационности в двусторонних отношениях Китая с США и Японией [53]. Стратегия партнерств стала базовым элементом концепции «новой» общей системы безопасности страны. Ключевое положение стратегии – «правило избегания». Благодаря именно этой стратегии, Китай, возможно, избежал исторической судьбы таких возвышавшихся государств, как Франция, Германия и Япония.

Понятие стратегического партнерства постоянно развивается и модифицируется. Раньше термин «партнерство» имел примерно одинаковое значение для всех партнеров КНР, сегодня наблюдается диверсифицированный подход к государствам в зависимости от степени приоритетности и важности партнерства для Китая, а также от степени их готовности помогать Китаю в реализации его целей.

В интерпретации китайских политологов предлагается следующая типология моделей партнерств, где значение имеют в большей степени политические критерии, а не экономические [54].

К первой группе относится высшая форма партнерства – российско-китайское стратегическое партнерство и взаимодействие. Статус партнерства в отношениях с Россией изменялся несколько раз. В 1994 г. – «конструктивное партнерство» (цзяньшисиндэ) [55]; в 1996-м – отношения «равноправного доверительного партнерства», направленного на стратегическое взаимодействие в XXI в. [56]; к 2001 г. это было уже «партнерство стратегического сотрудничества» (чжаньлю хэцзо хобань гуанси). После подписания Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве в июле 2001 г. отношения стали называться «добрососедскими партнерскими отношениями стратегического взаимодействия» (мянсян ерши и шицзе ди мулинъ юхао чжаньлюэ сецзо хобань гуаньси) [50]. Это партнерство испытано временем, основано на общности интересов, не подвержено влиянию идеологии, основано на единстве или близости двух стран по ключевым (стратегическим) вопросам международной политики. Поэтому Китай и Россия могут вести равноправные консультации и идти на взаимные уступки. Отношения с Россией ценятся китайским руководством значительно выше, чем с любым другим государством мира.

Вторая группа китайских партнеров определяется как «партнерские отношения дружеского типа». С этими странами у Китая нет конфликта коренных интересов, но имеются локальные (территориальные и иные) расхождения. Это Республика Корея, Бразилия, ЮАР, Индия, Канада, Украина, Белоруссия, Казахстан, Мексика, Аргентина, страны Организации африканского единства.

Третья группа – это страны ЕС и АСЕАН. С ними у Китая много общих экономических интересов, но есть политические расхождения по ряду ключевых вопросов и территориальные споры с отдельными странами АСЕАН. Этот тип партнерства называется «согласованное/координируемое партнерство». В интересах КНР повысить уровень доверия в этой группе.

В четвертую группу «конструктивного партнерства прагматического типа» входят США и Япония, которые рассматривают Китай в качестве потенциального стратегического противника. В от-

ношениях с ними присутствует ряд долговременных проблем, по которым у КНР с ними существуют очевидные разногласия. Тем не менее у Китая есть общие интересы с этими странами в защите мира, региональной и глобальной стабильности, в развитии экономических, торговых и научно-технических обменов. Поэтому подлинное партнерство возможно за счет обоюдных усилий. Отношения КНР с США на разных этапах именовались как «конструктивное стратегическое партнерство», «стратегическое партнерство перед лицом общих вызовов», «взаимодействие ответственных пайщиков». Сегодня это отношения «стратегического диалога».

Каждая группа может меняться по составу и количеству участников, в зависимости от характера складывающихся отношений. На сегодняшний день Китай установил партнерские отношения различной формы и степени с 67 странами и пятью регионами или региональными организациями [21].

Экономическая дипломатия является весьма эффективным способом развития внешнеэкономических связей КНР в плане получения стабильного доступа к ресурсам и рынкам, необходимого для обеспечения роста экономики. Для Пекина важно обеспечить благоприятную внешнюю среду для внутренних преобразований, не допустить в регионе СВА и АТР хозяйственного доминирования иной политико-экономической силы (например, США, России или Японии). Экономическая дипломатия призвана поддерживать не только международный имидж Китая, но и нейтрализовать в регионе концепцию «желтой угрозы» и др.

Используя разные экономические рычаги, Пекин побуждает страны-партнеры действовать с учетом интересов китайской политики, иногда отказываясь от действий, которые могут расцениваться Китаем как нежелательные. На самом деле так Пекину удается даже корректировать международный курс ряда стран. Например, в АТР успешно используется политика «пряника», а именно прямое инвестирование, оказание финансовой помощи, расширение торговли на двустороннем уровне, создание зоны свободной торговли «Китай – АСЕАН».

Экономическая дипломатия КНР действует наступательно и избирательно. В качестве инструментов экономической дипломатии используются торговля, активная инвестиционная деятель-

ность, экономическая помощь и создание зон свободной торговли. А также набор поощрений и набор средств давления на оппонентов.

Диапазон направлений китайской экономической дипломатии довольно широк: ресурсное, спросовое, инвестиционное, статусное и формирующаяся дипломатия валютного курса [57]. Ресурсная дипломатия, с одной стороны, связана с удовлетворением растущих потребностей страны во многих видах ресурсов (железная руда, нефть, лес, медь, земли сельхозназначения и др.). С другой – Китай обладает богатейшими в мире запасами редкоземельных металлов, востребованных в электронной промышленности. Ограничение на экспорт именно этих ресурсов используется Пекином в качестве инструмента давления на ряд стран для достижения не только экономических, но и политических целей.

Одна из разновидностей ресурсной дипломатии – *нефтяная дипломатия*. Ее задача – обеспечить страну надежными диверсифицированными источниками нефти из-за рубежа, обеспечить их безопасную транспортировку и совершенствовать сотрудничество Китая с другими крупными потребителями нефти в интересах координации подхода к производителям нефти [57]. Китайская дипломатия концентрирует внимание на доступе к богатым ресурсодобывающим странам Африки, Ближнего Востока, Латинской Америки и, конечно, России. В качестве инструментов сырьевой дипломатии широко используется инвестирование и прямая помощь. Реализация таких проектов, как нефтяной коридор ближневосточной и африканской нефти через Мьянму, доставка российской нефти по нефтепроводу Сковородино – Дацин, получение нефти по сухопутному пути из Центральной Азии, а также реализация предложений КНР по разработке специальных мер по защите нефте- и газопроводов (саммит ШОС, Ташкент, 2010), свидетельствует о прагматическом и деловом характере современной нефтяной дипломатии КНР.

Цель *спросового направления* экономической дипломатии – обеспечение спроса на китайские товары. Китайская экономика стала более открытой для внешнего рынка. Как производитель капиталов и услуг Китай стремится улучшить условия для расширения их сбыта за рубежом. Как потребитель Китай старается облегчить доступ для экспортных товаров на свой рынок. То есть

китайские инвесторы выходят на рынки соседних стран не только с целью расширить международное присутствие и получить доступ к ресурсам, но и для удовлетворения внутреннего спроса.

Управление потоком инвестиций – важнейшая задача китайской экономической дипломатии. Задача *инвестиционного направления* – привлечение в страну крупных объемов прямых иностранных инвестиций. Пекину удалось сформировать привлекательный инвестиционный образ благодаря политической стабильности, стремительной трансформации национальной экономики и усилению государственной поддержки, а также предсказуемости инвестиционного климата и накопленному опыту взаимодействия с зарубежным бизнесом. Объем прямых иностранных инвестиций в экономику Китая в 2015 г., по оценкам Министерства коммерции КНР, вырос на 6,4 % по сравнению с 2014 г. и составил 126 млрд долл. [58]. В структуре инвестиций заметно увеличился приток капиталов в сферу услуг и высокотехнологичную промышленность. Инвестиции извне поступают от бизнесменов китайского происхождения, проживающих в других странах и регионах (Гонконг, Сингапур, Тайвань), от инвестиций внутреннего бизнеса, проведенных через офшоры (Каймановы и Виргинские острова) и приобретших статус иностранных, а также от инвестиций из развитых стран (Германия, Франция, Япония). Будучи донором иностранных инвестиций, Китай занимает третье место в мире по объему инвестиций в зарубежные проекты, демонстрируя показатель на уровне свыше 100 млрд долл. США, что свидетельствует о том, что из крупнейшего в мире производителя Китай превращается в крупнейшего инвестора. Китайские инвесторы активно осваивают не только энергетику и горнодобывающую промышленность, но и такие сектора экономики, как телекоммуникации, медиатехнологии, недвижимость, финансы, агробизнес и здравоохранение. Китайские инвестиции интенсивно диверсифицируются и в географическом плане. Китайские компании уже не ограничиваются азиатскими, latinoамериканскими и африканскими странами с богатыми запасами природных ресурсов; они стали проявлять повышенный инвестиционный интерес к развитым рынкам Европы и Северной Америки [59].

Основной целью юаневой (валютной¹) дипломатии является стимулирование национального экспорта. С одной стороны, это рост валютных резервов страны и наращивание юаневой денежной массы. С другой стороны, в контексте мирового финансового кризиса обозначилась еще одна цель – постепенная интернационализация юаня. Китай нацелен не только на активное использование юаня для расчетов во внешней торговле, но и на наделение юаня статусом еще одной мировой резервной валюты.

Немного из истории юаня [60]. С момента своего введения в 1948 г. юань имел твердую привязку к фунту стерлингов и гонконгскому доллару, а с 1974 г. – к доллару США. Во второй половине 1970-х гг. официальный курс составлял 2,4–2,5 юаня за доллар США. В 1979 г. официальный курс был повышен до исторического максимума – 1,58 юаня за доллар. Однако крепкий юань мешал экономическим реформам Дэн Сяопина, и для помощи экспортерам власти КНР на протяжении последующих 15 лет плавно снижали официальный курс. К декабрю 1993 г. он достиг 5,8 юаня за доллар. 1 января 1994 г. китайская валюта пережила крупнейшую в истории однодневную девальвацию, когда был введен единый обменный курс юаня к доллару США. Официальный курс был снижен на 33,3 % до 8,7 юаня за доллар. Сделано это было для уравнивания официального и биржевого курсов (последний при этом тоже упал, но на 6,7 %).

До середины 1995 г. КНР поддерживала плавающий курс юаня, позволив ему укрепиться до 8,28 за доллар (4,8 %). Затем Народный банк Китая приступил к регулярным интервенциям на бирже, зафиксировав курс на уровне 8,27–8,28 юаня за доллар. 1 декабря 1996 г. в КНР было объявлено о введении конвертируемости юаня по текущим операциям в соответствии с 8-й статьей Устава МВФ. Переход к полной конвертируемости планировалось осуществить в среднесрочной перспективе по мере укрепления национальной банковской системы и экономики страны. Китаю удавалось поддерживать стабильный курс юаня на отметке 8,28 юаня за доллар

¹ Валютная дипломатия – составная часть дипломатической деятельности, которая заключается в изучении рынков товаров, мировой конъюнктуры, цен, ведении экономических переговоров, налаживании связей с деловыми кругами и фирмами, участия в международных конференциях и совещаниях по экономическим вопросам.

с 1997 г. (начало азиатского финансового кризиса) до середины 2005-го.

С 21 июля 2005 года под давлением со стороны США, считавших, что низкий курс валюты дает китайским экспортерам преимущество на мировых рынках перед другими странами, власти Китая реформировали валютный режим и ввели управляемый плавающий валютный курс для юаня, основанный на спросе и предложении и валютной корзине. Сразу после этого юань укрепился за один день на 2,1 % – до 8,11 единицы китайской валюты за доллар. Ослабление доллара продолжалось вплоть до июля 2008 г., когда из-за начавшегося мирового финансового кризиса Народный банк Китая вновь ввел стабильный курс в 6,83 юаня за доллар. Данная политика действовала вплоть до 19 июня 2010 г.

В 2010–2013 гг. юань практически непрерывно дорожал по отношению к доллару, достигнув 30 декабря 2013 г. рекордной с 1990-х гг. стоимости в 6,06 юаня за доллар. В 2014-м и до середины 2015 г. доллар колебался на уровне 6,1–6,15 юаня.

11 августа 2015 г. из-за кризиса на фондовых рынках и сокращения импорта в США и ЕС Народный банк Китая допустил крупнейшую с 1994 г. дневную девальвацию национальной валюты на 1,99 %: с 6,12 до 6,23 юаня за доллар. 12 августа юань подешевел еще на 1,8 % – до 6,33 юаня за доллар. Понижение курса юаня привело к падению курсов валют стран Азиатско-Тихоокеанского региона и государств с развивающейся экономикой.

Таким образом, Китай оперативно реагирует на изменения не только во внутренней экономике, но и на мировых валютных рынках, защищая позиции национальной валюты, не допуская непредсказуемости ее котировок, совершенствуя систему финансирования процентных ставок и механизма обмена курса юаня. Основная задача китайских властей – снизить зависимость юаня от колебаний курса доллара, обеспечить устойчивость потребительских цен, экономическую стабильность и превращение юаня в новую мировую резервную валюту.

Статусное направление экономической дипломатии КНР представлено ее взаимоотношениями с различными международными организациями экономического и финансового профиля, участием страны в крупных саммитах и форумах. Китай все более

активно участвует в работе международных организаций и предлагает свои решения глобальных проблем, как это было, например, на 70-й юбилейной сессии ООН или на Парижской климатической конференции (2015).

Определение «статусное» носит известную долю условности. Членство страны во многих международных организациях было нацелено на решение ее сугубо практических проблем. Так, восстановление в 1980 г. членства КНР во Всемирном банке и Международном валютном фонде помогло Пекину привлечь крупные внешние кредиты на льготных условиях, что было особенно важно на начальном этапе запуска политики модернизации, реформ и открытости. Вступление в ВТО обеспечило стране более благоприятный торговый режим и одновременно задало алгоритм многим внутренним преобразованиям в законодательстве и институциональном строительстве [57].

В то же время уже само по себе членство Китая в ведущих мировых организациях автоматически повышало его статус. А по мере роста экономической мощи инициативные усилия по повышению своего статуса стал предпринимать и сам Пекин.

Несмотря на очевидные успехи, экономическая дипломатия Китая нуждается в дальнейшем совершенствовании. Приоритетная задача – добиться снижения числа антидемпинговых расследований и специальных защитных мер, предпринимаемых в отношении КНР в рамках ВТО. Пекину пока не удалось найти эффективные механизмы воздействия на экспортеров железной руды: от постоянного и не всегда обоснованного роста цен на нее китайские металлургические компании реально недополучают прибыль [57].

Статусная дипломатия тесно сопряжена с *финансовой дипломатией*, суть которой – развитие экономических связей с использованием политических средств. Финансовая дипломатия решает следующие задачи: 1) усиление влияния своей страны в международных организациях и финансовых структурах; 2) обеспечение наиболее выгодных условий для участия национальной экономики в мировом хозяйстве; 3) политическое содействие отечественному бизнесу в его деятельности за рубежом; 4) решение экономических проблем с учетом новых условий функционирования мировой экономики (глобализация, многополярность) [61].

К финансово-дипломатической деятельности можно отнести официальные встречи глав государств и правительств, работу в международных экономических организациях, переговоры на крупных экономических форумах, личные контакты финансистов, а также лоббирование интересов своего государства [61].

Пытаясь активнее участвовать в создании «новой международной финансовой архитектуры», Китай последовательно расширяет свое присутствие в ключевых международных финансовых институтах, активизируется в принятии ключевых финансовых решений в рамках БРИКС и G20 и переходит на использование национальной валюты в двусторонних расчетах с другими странами [62]. Яркий пример использования финансовой дипломатии – заявление Ху Цзиньтао на саммите «группы двадцати» в Лондоне (апрель 2009 г.) о готовности увеличить финансовый вклад КНР в Международный валютный фонд при пропорциональном увеличении полномочий Китая в этой организации. Китайские представители предлагали также расширить права развивающихся стран при принятии решений в МВФ и Мировом банке, в частности в вопросах распределения международной финансовой помощи для преодоления проблем, вызванных финансовым кризисом 2008 г. [63].

Военная дипломатия включает сотрудничество КНР в военной области, а именно совместные военные учения, межгосударственный обмен в военной области, безвозмездную военную помощь, участие в международных военных форумах, выставках и миротворческих миссиях ООН. Основной акцент делается на кампаниях в Африке (Судан, Конго, Либерия). Активизируется военное взаимодействие в области борьбы с терроризмом.

Дипломатия лидеров КНР развивается весьма динамично. С приходом «пятого поколения» китайских руководителей китайская дипломатия изменилась от традиционной выжидательной позиции «избегать солнечного света, скрываться в тени» к активной, лидерской, связанной с увеличением международного присутствия и улучшения образа страны. Поездки Си Цзиньпина и его супруги Пэн Лиюань являются ярким примером того, как конкретные личности могут активно улучшать связи между странами и имидж государства. Цели данного направления китайской дипломатии

закключаются в продвижении стратегических интересов, расширении сотрудничества и распространении влияния КНР в мире. Только в 2015 г. Си Цзиньпин побывал с официальными визитами в Великобритании и США, принял участие в торжествах в честь 70-летия Дня Победы в Москве, традиционно уделил внимание Азии, посетив Пакистан, Филиппины, Вьетнам и Сингапур, Кубу, провел историческую встречу с тайваньским лидером Ма Инцзю и завершил год поездкой по Африке [64]. За первые четыре месяца 2016 г. Си Цзиньпин совершил зарубежные поездки на Ближний Восток, затем в Чехию и США. Саудовская Аравия, Египет и Иран являются важными партнерами КНР по двустороннему практическому сотрудничеству и активными сторонниками инициатив Китая по формированию экономического пояса Шелкового пути и морского Шелкового пути XXI века. Чехия расположена в самом сердце Европы, а это важный узел среди стран, расположенных вдоль маршрута «Один пояс, один путь». На встрече с президентом США Бараком Обамой в кулуарах саммита по ядерной безопасности в Вашингтоне обсуждались вопросы активного вмешательства Соединенных Штатов в территориальные споры КНР с государствами АСЕАН в Южно-Китайском море.

Современная китайская дипломатия делает особый акцент на использовании и развитии ключевого инструмента внешней политики – «*мягкой силы*». В 2009 г. Ху Цзиньтао назвал «четыре силы» современной китайской дипломатии: «прилагать усилия для повышения политического влияния Китая, усилить его экономическую конкурентоспособность, развивать привлекательность образа Китая и моральную притягательность его решений» [49]. Главное для Китая не в том, чтобы убедить мир в моральном превосходстве «китайского пути развития» и универсальности предлагаемых КНР решений, а в том, чтобы примирить международное сообщество с неизбежным фактом возвышения Китая и укрепить свое влияние в мире. Задача китайской дипломатии – донести идею о том, что перестройка глобальной системы международных отношений невозможна без участия Китая [65, с. 11]. Китайские эксперты видят три основных источника «мягкой силы»: «гармоничная» дипломатия, богатство национальной культуры и успех китайской модели модернизации [66].

Идея «мягкой силы» Дж. Ная нашла в Китае благодатную почву для культурной адаптации в контексте древней мудрости: «В Поднебесной самое мягкое одерживает верх над самым твердым»². Имидж и репутация Китая на международной арене постепенно улучшается. Важной частью стратегии «мягкой силы» стали Олимпийские игры 2008, 2014 гг., конфуцианские институты сыграли свою роль в повышении уровня международного телерадиовещания, возросло количество привлекаемых для учебы в китайских университетах иностранных студентов, смягчилась политика по отношению к соседям Китая в Юго-Восточной Азии. Таким образом, Китай сделал основные инвестиции в свою мягкую силу [67].

Креативные методы ведения дипломатии в международных отношениях довольно разнообразны, среди них: животные, оружие, деньги, спорт, сауна, продукты и Интернет. Некоторые методы стали традициями стран, а другие преобразовались в мировые традиции. Они носят брендовый и массовый охват, имеют позитивный и негативный характер. Тем не менее каждая дипломатия преследует «интерес», и этот «интерес» является главной задачей любого субъекта международных отношений.

Китайская «дипломатия панд» и «дипломатия пинг-понга» являются позитивными и брендовыми и нацелены на создание дружественных отношений. «Дипломатия панд» реализуется в виде преподнесения гигантских панд-медведей как дипломатических подарков. Эта практика берет свои корни во времена династии Тан, когда императрица У Цзэ-тянь (625–705), впоследствии единственная в истории Китая женщина-император, подарила пару панд японскому императору. Панда – это не только редкое животное, занесенное в Красную книгу, но и национальный символ Китая. Панды дарились странам, с которыми происходило «потепление отношений». Метод не раз оправдывал себя. Самый известный случай произошел в 1972 г., когда президент США Р. Никсон с супругой прибыли в КНР с визитом. Премьер Госсовета Чжоу Эньлай преподнес от имени китайского народа американско-

² Чжан 43 древнекитайского памятника «Канон Пути и благодати» (Даодэцзин), приписываемого основателю даосизма Лао-цзы (конец VII – начало VI в. до н. э.).

му народу очень ценный подарок – двух панд. «Дипломатия пинг-понга» – игры в настольный теннис между Китаем и США в 1970 г. – обозначила потепление в американо-китайских отношениях и сделала возможным визит президента Р. Никсона в Пекин в 1972 году (в годы холодной войны). Благодаря этой игре и предприимчивости Премьера Госсовета КНР Чжоу Эньлая и Госсекретаря США Генри Киссинджера в отношениях Пекина и Вашингтона удалось наладить контакт.

Как видим, Китай сегодня – это наступательное, динамичное, деятельное государство. В борьбе за международные рынки капиталов/инвестиций, сырья и энергоресурсов, а также за рынки сбыта Пекин стремится использовать максимально широкий набор средств и методов. Несмотря на то, что «пятое поколение руководителей» КНР сохраняет традиционную политику «не присоединяться», «не высовываться», «проявлять сдержанность и скромность», само качество внешней политики Китая меняется.

Вопросы и задания

1. Изучите доступные в архивах зарубежных СМИ материалы о взаимных визитах лидеров КНР и стран Африки. Найдите типичные приемы в построении и освещении визитов.

2. Дипломатия красных линий («хунсян вайцзяо») основывается на признании наличия у КНР так называемых коренных интересов, отстаивание которых может потребовать крайних мер. Китай наметил несколько проблем, по которым он намерен занимать предельно жесткую позицию. Какие это проблемы?

3. Case-study. Изучите предложенные ниже случаи использования Китаем различных рычагов давления на оппонентов. Где использовалось поощрение, а где давление? Приведите собственные примеры.

– В результате работы 21-го саммита АСЕАН в Пномпене, Камбоджа (ноябрь 2012) совместное коммюнике так и не было принято. В чьих интересах это было выгодно?

– Как Китай реализует политику «пряника» в отношении большинства стран АТР?

– Как и в чью пользу разрешился китайско-филиппинский инцидент из-за рифа Скарборо в апреле 2012 г.?

– В сентябре 2010 г. в водах спорных островов Дяюйдао (Сенкаку) Япония задержала капитана китайского рыболовецкого судна. Что предпринял Китай для его освобождения? Как можно квалифицировать действия Пекина?

Рекомендуемая литература и источники

Доклад Ху Цзиньтао на 18-м съезде КПК // Жэньминь жибао [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8023881.html>.

Совместное формирование новых партнерских отношений сотрудничества и взаимного выигрыша, создание сообщества единой судьбы. Выступление председателя КНР Си Цзиньпина в ходе дебатов на 70-й Генассамблее ООН (28 сентября 2015 г., Нью-Йорк) [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/ztbd/QQ13/t1320669.htm>.

Алексеева Т. А. Внешнеполитический процесс. Сравнительный анализ : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлениям подготовки «Международные отношения» и «Зарубежное регионоведение» / Т. А. Алексеева. М. : Аспект Пресс, 2012. 223 с.

Бергер Я. М. Национализм и внешняя политика КНР / Я. М. Бергер // Российский совет по международным делам. Аналитика. 2015 [Электронный ресурс]. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=5020#top-content.

Борох О. Скромное обаяние Китая / О. Борох, А. Ломанов [Электронный ресурс]. URL: <http://polit.ru/article/2008/04/07/china/>.

История международных отношений : учебник для студентов вузов, обучающихся по направлениям подготовки (специальностям) «Международные отношения» и «Зарубежное регионоведение» : в 3 т. / под ред. А. В. Торкунова, М. М. Наринского. М. : Аспект Пресс, 2014.

Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. за 2009–2016 гг. / отв. ред.-сост. Е. И. Сафронова. М. : РАН. Ин-т Дальн. Востока, 2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/journal/n/kitay-v-mirovoy-i-regionalnoy-politike-istoriya-i-sovremennost>

Лузянин С. Внешняя политика Китая до 2020 г. Прогностический дискурс / С. Лузянин [Электронный ресурс]. URL: http://www.perspektivy.info/book/vneshnaja_politika_kitaja_do_2020_g_progностический_дискурс_2011-11-29.htm.

Мамонов М. В. Инерция и инновации во внешней политике Китая / М. В. Мамонов // Международные процессы. 2010. № 3 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.intertrends.ru/twenty-four/005.htm>

Подолько Е. О. Китайский фактор в современных международных отношениях / Китай: угрозы, риски, вызовы развитию / под ред. В. Михеева. М., 2005. URL: <http://www.carnegie.ru/ru/pubs/books/72887.htm> (дата обращения: 02.02.2016).

Портяков В. Я. Партнерство как инструмент современной внешней политики КНР / Общество и государство в Китае : ХLI научная конференция. М. : Вост. лит-ры, 2011. 440 с.

Bates G. China's evolving regional security strategy / G. Bates [Электронный ресурс]. URL: <http://class.guilford.edu/psci/guo/course/syllabi161/data275/readings/gill.pdf>.

МОДЕЛИ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПАРТНЕРСТВА КНР

Глава 5. Стратегический диалог Китая и США

В ряду партнерств современного Китая китайско-американские отношения стоит рассмотреть в первую очередь, поскольку именно партнерству с США в КНР придается наибольшее значение. Официально двусторонние отношения с 2009 г. носят наименование «китайско-американский стратегический и экономический диалог» [68], и, по выражению председателя КНР Си Цзиньпина, две страны «могут похвастаться широким совпадением интересов в самых разных вопросах» [69]. Специалистами отмечаются повышенное внимание КНР к «новому» этапу отношений с США [70, с. 12–15], а также высокая степень координации и взаимозависимости в отношениях, что порой заставляет воспринимать партнеров как «Большую двойку», или «Кимерику» [71]. Пекином отношения с США официально позиционируются как «отношения самой крупной развивающейся страны мира и самой крупной развитой страны мира» [72].

Нынешний уровень и интенсивность двусторонних отношений имеют под собой прочный исторический базис. В истории отношений Китая и США отсутствуют такие драматичные страницы, как за 400 лет взаимоотношений с Россией, но с самого начала в ней присутствовал элемент соперничества, неизбежного в отношениях двух претендующих на особую роль в мире государств, одно из которых обладало многовековыми традициями, а другое – двухсотлетней историей, но в то же время высокотехнологичным производством, передовой наукой и военной мощью. Как отмечает бывший госсекретарь США Г. Киссинджер, Китай никогда не снисходил до длительного общения с другой страной на принципах равенства [73, с. 32]. Однако еще в 1863 г. китайский император, потерпев поражение в двух войнах с «западными варварами», направил президенту США А. Линкольну послание, где заявлялось: «Получив с почтением на то соизволение Неба править Вселенной, Мы рассматриваем Срединную империю и дру-

гие страны как составные части одной семьи без каких-либо различий» [73, с. 26]. Первая китайско-американская встреча на высшем уровне состоялась в 1896 г., когда министр императрицы Цинской империи Цыси Ли Хунчжан во время своего кругосветного путешествия в числе многих других стран посетил и США, где был принят президентом С. Кливлендом. В отчетах американских газет подчеркивалось, что китайский министр высказал готовность развивать деловые связи с США при условии, что они будут равноправными, а отношения – уважающими национальные ценности, не посягающими на независимость Китая в вопросах внутренней и внешней политики [74, с. 464–478].

Следующей вехой в политике Китая в отношении США стало послевоенное урегулирование в 1940-х гг. Китай тогда переживал этап истории, охарактеризованный Мао Цзэдуном как «борьба внутри страны» [75, с. 578]. Союзники-победители провели в декабре 1945 г. в Москве совещание министров иностранных дел СССР, США и Великобритании, на котором высказались за прекращение гражданской войны и мирное объединение Китая. СССР поддерживал вооруженные силы Компартии Китая, передав им почти все захваченное вооружение Квантунской армии, а США поддерживали Гоминьдан, не прерывая, однако, связей с КПК. В то же время обе страны не прекращали попыток примирить враждующих. После провозглашения 1 октября 1949 г. Китайской Народной Республики более 2 млн китайцев, поддерживавших Гоминьдан и Чан Кайши, покинули материк и переехали на Тайвань, увозя культурные ценности, золотой запас, партийные и государственные архивы. Администрация президента Г. Трумэна официально не признала КНР, но сохранила на материке свою дипломатическую миссию. Впоследствии Вашингтон послал свой 7-й флот в Тайваньский пролив и взял Китайскую Республику (КР) под защиту. Так началось противостояние, длившееся почти 20 лет. КНР не оставляла идеи «освобождения Тайваня», а Чан Кайши, в свою очередь, мечтал высадиться на материк и свергнуть Мао. Однако США и новый президент Д. Эйзенхауэр не хотели прямого конфликта с КНР, которая уже бомбила принадлежавшие КР острова. В 1954 г. США заключили с КР союзнический договор, который должен был сыграть роль ограничителя для обеих сторон [76, с. 26–35].

Мао Цзэдун строил свою внешнюю политику и отношения с другими державами на основании своей уверенности в том, что «китайский народ поднялся», как он заявил на одной из конференций Народного политического консультативного совета. Это означало, что Китай стремился к распространению своего влияния в регионе и в мире и к полному контролю над Тайванем, Тибетом, Синьцзяном и Монголией. Были выдвинуты территориальные притязания к Советскому Союзу и Индии. В целом им воскрешался китаецентричный взгляд на мир, попытки манипулирования «варварами», большое внимание уделялось стратагемному оснащению планов и психологическому давлению на партнера [73, с. 119]. Разрабатывая свои теории «новой демократии» и «третьего пути», китайский лидер, получавший поддержку от СССР и Коминтерна, втайне ориентировался на США. В директиве ЦК КПК «О дипломатической работе» от 16 августа 1944 г. предусматривалось установление с США военного, а впоследствии также культурного, политического и экономического сотрудничества. Хотя помощь СССР Китаю и КПК (финансовая, производственная, военная, гуманитарная, отправка специалистов, советников, инженеров, обучение китайских гражданских и военных специалистов в советских вузах) в течение 1930-х, 1940-х, 1950-х гг. достигала огромных масштабов, Мао Цзэдун заявлял сотруднику американской дипломатической службы в Китае Дж. Сервису: «Очевидно, что у России не будет ни добавочного капитала, ни технического персонала, способного помочь нам в индустриализации Китая» [29, с. 305].

В 1969 г., на фоне агрессии Пекина против СССР, в КНР началась разработка вариантов стратегического развития страны, в которых предусматривалось сотрудничество с тогдашним формально, с точки зрения противостояния капитализма и коммунизма, врагом – Соединенными Штатами. Г. Киссинджер вспоминает, что даже в самые враждебные годы, когда Китай грозил США ядерной войной, Мао Цзэдун не выпускал из вида американского журналиста Э. Сноу, с которым был знаком еще с 1930-х гг. Именно через Сноу он и дал властям США сигнал в 1965 г., что Китай не начнет войну и готов к установлению контактов. Правда, американская сторона не поверила Мао, поставлявшему в это время

военную технику и оказывавшему помощь живой силой Вьетнаму, и заняла на некоторое время позицию выжидания. Мао тем временем выдвинул еще один принцип: «Вести переговоры с дальними странами, ведя борьбу с теми, кто расположен близко» [73, с. 122; 226; 231].

В итоге китайско-американское стратегическое партнерство после долгой и трудной серии переговоров и «челночной дипломатии» Г. Киссинджера было установлено в 1972 г. и закреплено подписанием «Шанхайского коммюнике». Как отмечает сам Г. Киссинджер, даже при наличии разногласий, два партнера все равно нашли общие интересы и воспринимали свои отношения как «расчетливый, несентиментальный вид дружбы» «для достижения желаемого результата – установления стратегического сотрудничества» [73, с. 286–287]. Тогда, вне всякого сомнения, главными общими интересами, объединявшими два столь разных по своим общественно-политическим и историко-цивилизационным характеристикам государства, являлись: а) геополитический блок против Советского Союза и его влияния в развивающихся странах; б) экономические соображения. По сути, уже в 1980-е гг. стало очевидно, что нормализация отношений с США была великолепно просчитанной стратегией: она обеспечила накачку ресурса извне в будущую китайскую экономику времен реформ и открытости: приход в КНР американских корпораций и инвестиций, в том числе от проживающих в США китайских эмигрантов-хуацяо.

В процессе развития отношений двух стран в 1980-е, 1990-е и начале 2000-х гг. постепенно сформировались две группы факторов, оказывающих решающее влияние на двустороннее партнерство на постоянной основе. Их можно разделить на факторы, объединяющие партнеров, и, наоборот, факторы, по которым проходят линии их непримиримых разногласий и конфликтные точки. По большинству из этих факторов и направлений взаимоотношений между сторонами установился статус-кво, и отношения отличаются высокой степенью преемственности; различаться по большому счету могут лишь уровень личностных взаимоотношений между лидерами двух стран и уровень напряженности в дипломатической риторике Пекина и Вашингтона.

Объединяют две страны главным образом соображения экономической и финансовой выгоды. Первым и главным из них является сотрудничество с Китаем крупнейших американских транснациональных корпораций (ТНК), которые уже много лет размещают на его территории свои производства. Не секрет, что ТНК давно стали одним из мощнейших инструментов влияния США в мировой экономике и политике. Более того, на транснациональном уровне работают и многие предприятия американского малого и среднего бизнеса [77, с. 104]. В ситуации сотрудничества американских ТНК с Китаем в выигрыше оказываются, с одной стороны, китайское государство, которому не нужно тратить силы на создание новых рабочих мест и продуманную социальную политику, а достаточно лишь принять чужое производство вместе с инвестициями, и, с другой – американский бизнес, который получает таким образом продукцию с меньшей себестоимостью, а значит, имеет возможность сорвать сверхприбыли на разнице в цене. Проигравшие, правда, тоже есть, и это, как нетрудно догадаться, с одной стороны, американские безработные, которые могли бы работать на заводах тех же компаний, находись они в США (а уровень безработицы в Штатах составляет в настоящее время примерно 5 %, что для американской экономики достаточно много) [78], а с другой – окружающая среда в КНР, ставшая вместе с людьми заложником подобного выбора властей: современный уровень загрязнения окружающей среды, решать проблему которого китайское государство начало лишь сравнительно недавно, является ничем иным, как логичной и закономерной платой за выбор экономической модели непрерывного перепроизводства, размещения в огромных масштабах чужих производств, в том числе с нарушением экологических стандартов.

Кроме того, имеются свидетельства о том, что, несмотря на формальное наличие эмбарго на поставки военной продукции и товаров двойного назначения, между Китаем и США имеются также тайные связи в сфере высоких технологий. Так, например, по информации американских неправительственных организаций, в 1996 г. администрация всеми средствами стремившегося к переизбранию У. Клинтона и фонд семьи Клинтон получили от Китая многомиллионные суммы в обмен на передачу технологий про-

изводства баллистических ракет. Деньги, как сообщает Judicial Watch, переводились Пекином на счета топ-менеджеров аэрокосмической корпорации Loral Space & Communications Ltd, передавались через гостей Белого Дома и «пожертвования» буддийских монахов. К расследованию подключилось ФБР, однако в 2006 г. дело тихо завершилось, а единственным пострадавшим можно считать министра торговли США при Клинтоне Р. Брауна, который загадочным образом погиб в авиакатастрофе [79].

«Разъединяющих» факторов в американо-китайских отношениях несравнимо больше, чем объединяющих, однако они сохраняются на всем протяжении конца XX – начала XXI в. в более-менее стабильном состоянии, и в целом соперничество двух стран приняло практически вялотекущий характер. Обострения бывают связаны разве что с резкими выпадами в риторике сторон, непредсказуемыми действиями военных либо шпионскими скандалами.

Главным раздражителем отношений можно с уверенностью назвать «тайваньский вопрос». США продолжают поддерживать частично признанную республику финансово и в военном отношении [80]. Поставки американской продукции Тайбэю вызывают постоянное раздражение у Пекина, как и масштабное экономическое и военное сотрудничество США с Японией и Южной Кореей, а также связи Вашингтона со странами АСЕАН и поддержка их в территориальном споре о принадлежности островов Южно-Китайского моря [81]. Кроме того, в истории треугольника Пекин – Вашингтон – Тайбэй имеются, например, и такие страницы, как поддержка Тайванем американской стороны в войне во Вьетнаме посредством направления «специалистов по психологической войне» и поставками «нелетальных» грузов [82, с. 8].

В целом диспозиция между Китаем и США в АТР выглядит примерно так: существует нечто похожее на баланс сил, но этот баланс постоянно нарушается, и каждая из сторон немедленно предпринимает усилия по его выравниванию и исправлению в свою пользу. Как составляющие этого баланса сил могут использоваться различные средства и различные страны – Россия, Япония, обе Кореи, государства Юго-Восточной Азии и Океании.

Существуют между двумя странами и противоречия в других регионах мира, связанные с разным видением развития ре-

гиональных систем международных отношений и распространением своего влияния. Соперничество идет по всем азимутам: Восточная Азия [83], Южная Азия [84], Центральная Азия. Последняя, как известно, представляет для США огромный интерес [85], причем, кроме их самих, также в этом регионе очень активно действуют и союзники Вашингтона, представляющие исламский мир, – Турция и Саудовская Аравия [86]. Китай, в свою очередь, с начала 2000-х гг. также активно наращивает свое присутствие в бывших советских среднеазиатских республиках и, кроме того, пристально отслеживает взаимоотношения США на постсоветском пространстве с Россией [87]. Попытки закрепить свое влияние в Центральной Азии, и в том числе вытеснить оттуда Россию и США, отвечают стратегии внешней регионализации [88], реализуемой Китаем с целью получения ресурсов для экономики. Далее, конкуренция двух держав разворачивается также в Африке [89], Латинской Америке [90], Океании [91], на Ближнем и Среднем Востоке. Настороженное отношение КНР вызывает политика США на афганском направлении, а именно рассмотрение Белым домом «Афганистана и Пакистана в качестве единого военно-политического пространства» и действия США в этих странах [92, с. 23]. Для самих же США в качестве раздражителя выступают активно развиваемые Пекином взаимоотношения с Ираном, для которого это важный элемент диверсификации внешней политики и один из источников поддержки [93, с. 103–104]. Можно отметить достаточно заметное усиление влияния КНР в государствах исламского мира [94].

Следующую группу проблем в отношениях двух стран составляют вопросы соблюдения прав человека и демократии. Каждый год в США выпускается доклад о соблюдении прав человека в КНР, особый акцент делается на ситуации в Тибете и Синьцзян-Уйгурском автономном районе. Кроме того, на политику Пекина пытаются оказать влияние подконтрольные США международные неправительственные организации [95]. Однако и эта проблема практически не меняет свой статус-кво на протяжении многих лет. США оказывают непосредственную поддержку оппозиционным силам внутри КНР. Так, часть экспертов усмотрела «руку Вашингтона» в умело срежиссированных выступлениях в Гонкон-

ге в 2014 г. [96], а антиправительственные выступления в Урумчи в 2009 г. иногда называют «твиттерной революцией» [97, с. 164]. Не менее острыми являются вопросы кибербезопасности. Китай обладает наибольшим числом интернет-пользователей в мире и вторым в мире уровнем распространения вредоносных компьютерных программ [98, с. 23], и, хотя его информационная мощь пока не сопоставим с ресурсами США, он тем не менее наносит Вашингтону чувствительные уколы [99], а взаимные обвинения в хакерских атаках выдвигаются двумя странами, по сути, на паритетной основе [98–101].

Нельзя исключать и такой важный фактор развития отношений между Китаем и США, как военное соперничество. Оно присутствует как в диспозиции двух сторон в Азиатско-Тихоокеанском регионе, где они пытаются привлечь на свою сторону тех или иных потенциальных союзников (хотя при этом формально в союзы вступают только США, а Китай придерживается политики невступления в союзы – «бу цземэн юаньцзе» [102, с. 11]), так и в негласной гонке вооружений, что особенно актуально в так называемой ситуации «парадокса супердержавы», когда соревноваться с последней в количестве и качестве большинства видов вооружений сложно, но зато можно вести асимметричные действия или шантаж [103, с. 85]). США с конца XX – начала XXI в. в дополнение к развитию всех видов вооружений активно занимаются насильственным насаждением демократических режимов и на постоянной основе сочетают в своей политике «либеральную риторику о лидерстве и военные действия с позиции гегемона» [104, с. 62–63]. Китай в настоящее время наращивает и укрепляет свои позиции по таким показателям, как все виды вооружений, в том числе и наиболее активно – космические [105], демографическая безопасность [106], публичная дипломатия [107] и рост влияния собственных ТНК [108].

Таким образом, отношения Китая с США на современном этапе развиваются достаточно интенсивно и являются одновременно отношениями партнерства и соперничества. КНР придает взаимодействию с Вашингтоном центральное значение, и дипломатию на этом направлении во многом можно считать определяющей для внешнеполитического курса Пекина в целом. Несмотря на отдель-

ные выпады в адрес друг друга, в том числе со стороны нового, 45-го президента США Д. Трампа, отношения двух стран базируются на прочной, сложившейся основе, и многочисленные конфликты интересов на международной арене, в сфере внутренней политики, вмешательства во внутренние дела, а также новейших угроз безопасности сочетаются в них на современном этапе с развитием взаимовыгодного сотрудничества.

Вопросы и задания

1. Используя доступные интернет-ресурсы (официальный сайт Белого дома, сайт Министерства иностранных дел КНР, агентство Синьхуа и т. д.), найдите и сравните тексты выступлений лидеров Китая и США в ходе двусторонних встреч в период руководства, соответственно, например, Ху Цзиньтао и Дж. Буша-младшего, с одной стороны, и Си Цзиньпина и Б. Обамы – с другой. Проанализируйте, какие вопросы являлись центральными в отношениях в соответствующие исторические периоды, какие эпитеты и выражения использовали лидеры, характеризуя отношения.

2. Обсудите в группе, существует ли своеобразный треугольник Россия – Китай – США в настоящее время и какое место в нем занимает Россия.

3. На основе актуальных материалов СМИ и обзоров, выпущенных органами внешней политики двух стран, выстройте хронологию взаимных визитов руководителей и высоких представителей Китая и США в 2006–2016 гг. Сделайте выводы об интенсивности и наиболее важных аспектах двустороннего стратегического и экономического диалога.

4. Ознакомьтесь с находящимися в открытом доступе докладами Пентагона Конгрессу «Military and Security Developments Involving the People's Republic of China», оцените, какие риски выделяет американская сторона в военном аспекте развития отношений с Китаем и насколько они обоснованны.

Рекомендуемая литература и источники

Шаклеина Т. А. Россия и США в мировой политике / Т. А. Шаклеина. М. : Аспект Пресс, 2012. 272 с.

Мегатренды. Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке / под ред. Т. А. Шаклеиной, А. А. Байкова. М. : Аспект Пресс, 2013. 447 с.

Американский ежегодник. М. : Ин-т всеобщ. истории РАН, URSS: ЛЕНАНД, 2014. 361 с.

Бжезинский З. Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы / З. Бжезинский. М. : Международ. отношения, 2007. 237 с.

Бжезинский З. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство / З. Бжезинский. М. : Международ. отношения, 2007. 287 с.

Галенович Ю. М. Китай и сентябрьская трагедия Америки / Ю. М. Галенович. М. : НОФМО, 2002. 168 с.

Галенович Ю. М. Россия – Китай – Америка. От соперничества к гармонии интересов? / Ю. М. Галенович. М. : Рус. панорама, 2006. 326 с.

Закария Ф. Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами / Ф. Закария. М. : Ладомир, 2004. 327 с.

Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? К дипломатии для XXI века / Г. Киссинджер. М. : Ладомир, 2002. 352 с.

Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / С. Хантингтон. М. : АСТ, 2008. 634 с.

Глава 6. Российско-китайское стратегическое партнерство

Хотя отношениям с Россией Китай придает меньшее значение, чем американскому направлению своей политики на международной арене, партнерство с нашей страной занимает важное место во внешнеполитической стратегии КНР и, соответственно, в современной китайской дипломатии.

Если вспомнить историю, мы увидим, что российско-китайским отношениям почти 400 лет, и основы дипломатии Китая в отношениях с Россией были заложены еще тогда. Первые контакты русских с китайцами состоялись в 1618 г., когда группа томских казаков во главе с Иваном Петлиным и Андреем Мадовым дошла до Пекина [42, с. 245]. А первое официальное русское посольство, возглавлявшееся воеводой Ф. И. Байковым, отправилось в Пекин в 1656 г. [42, с. 280]. Между двумя странами были установлены официальные взаимоотношения.

Однако развитие российского Приамурья (а его планомерное освоение началось со второй половины XVII в., при этом Российская империя находила взаимопонимание с местной знатью, не посягая на их «природные привилегии» [109, с. 18]) все больше раздражало Цинскую империю. Китайские дипломаты пользовались всеми средствами, чтобы, во-первых, не допустить укрепления позиций России, а, во-вторых, свести на нет равноправие в отношениях: распускание слухов о якобы военных замыслах русских, попытки заставить русских послов выполнить унижительные ритуалы, типичные для данников Китая (чего, надо сказать, цинским чиновникам добиться не удавалось), попытки «в обход Москвы склонить местные власти к самодеятельной дипломатии» [110, с. 304]. Также при Цинах китайская дипломатия стала формировать негативный образ России. Об этом свидетельствуют работы современных китайских специалистов [111]. В целом уже тогда была сформирована стратегия Китая в отношениях с Россией, и работа над этой стратегией велась им постоянно.

В истории российско-китайских отношений были самые разные периоды. В конце XVII в. Россия испытывала постоянное военное давление со стороны Цинской империи, набеги. В условиях «военной угрозы со стороны превосходящих сил маньчжуров»

в 1689 г. был подписан Нерчинский договор, по которому Цинам были отданы российские земли по правому берегу Аргуни и по среднему и нижнему течению Амура и его левым притокам [111, с. 583]. В XVIII–XIX вв. отношения протекали более мирно и стабильно, но окончательное разграничение Российской и Китайской империй в Приморье и Приамурье было закреплено лишь Айгунским договором 1858 г. и Пекинским – 1860 г. Граница была проведена по Амуру. Тяньцзиньский договор 1858 г. закреплял равенство во взаимоотношениях двух стран и регулировал значительное количество торговых и других аспектов отношений. На фоне давления стран Запада и Японии на Китай Россия оставалась единственной из великих держав, поддерживавшей с Китаем отношения на равноправной и мирной основе. В 1896 г. во время визита в Петербург главного министра Цинской империи Ли Хунчжана был заключен договор о союзе России и Китая, направленный против развернувшей агрессивную политику в отношении обеих соседей Японии. В 1900 г. Россия оказала Цинскому правительству содействие в подавлении восстания ихэтуаней – радикалов, развернувших жестокую, по выражению Ю. М. Галеновича, «экстремистскую» борьбу против иностранцев в Китае [112, кн. 1, с. 74].

После смены власти в обоих государствах в начале XX в. новое китайское правительство некоторое время находилось в нерешительности: какую дипломатическую линию выбрать. Был выбран курс следования в отношении к России за правительствами других стран. В марте 1918 г. вслед за западными державами Китай даже отозвал из Советской России своего посланника. Более того, войска Пекинского правительства **вместе с японцами** (!) принимали участие в интервенции иностранных войск в Советскую Россию в ходе Гражданской войны и вели бои на российском Дальнем Востоке [113, с. 33–34]. На территории Китая формировались белогвардейские антисоветские организации [114].

В 1919–1920 гг. Москва неоднократно обращалась к Пекину с предложением установить дипломатические отношения, однако даже неофициальные контакты начались далеко не сразу. Но, наконец, после почти года сложной дипломатической работы сторон в 1924 г. было подписано первое после крушения обеих империй дипломатическое соглашение, которое стало началом отношений

СССР и Китайской Республики. Оно было очень грамотно проработано советской дипломатией и, обходя совершенно неуместные территориальные претензии Китая, не нарушало ничьих национальных интересов и устанавливало равноправные дипломатические отношения между двумя странами [113, с. 53].

Однако уже в конце 1920-х гг. на фоне требований Китая передать ему КВЖД и антисоветских провокаций в Маньчжурии совместно с оставшимися там белогвардейскими организациями началась целая серия крупных инцидентов. В 1927 г. были совершены нападения на консульства СССР в Шанхае и Кантоне [115, с. 88], а в 1929 г. произошел полномасштабный военный конфликт на КВЖД. Китайской стороной осуществлялись множественные налеты на советскую территорию, провокации, в ходе военных столкновений гибли советские пограничники и гражданское население [116; 117]. Также еще ранее маньчжурские отряды совершили нападение на советское консульство в Харбине, была захвачена собственно КВЖД и арестованы советские специалисты. Эти действия были также поддержаны частью китайских коммунистов. СССР 17 июля 1929 г. официально объявил о разрыве дипломатических отношений с Китаем. На Дальнем Востоке была сформирована Особая Дальневосточная армия под командованием В. К. Блюхера. 17 ноября 1929 г. ее части пересекли границу и разгромили две усиленные бригады китайских войск. Китай предложил начать переговоры, и была достигнута договоренность о восстановлении на КВЖД статус-кво 1924 г. Однако на восстановление дипломатических отношений Китай пошел лишь после начала японской агрессии, в 1932 г. [73, с. 496–497].

Во время японской агрессии и Второй мировой войны в условиях гражданского конфликта между коммунистами и Гоминьданом Китай долго не мог в полной мере противостоять японским агрессорам, и только огромные масштабы помощи Советского Союза и затем вступление СССР в войну на Дальнем Востоке смогли переломить ситуацию. После победы и далее, после создания Китайской Народной Республики, Советский Союз оказывал китайской стороне поддержку даже в условиях собственной тяжелой послевоенной разрухи. Но, несмотря на эту помощь, при Мао Цзэдуэ, как уже упоминалось ранее, основным приоритетом

китайской дипломатии стало выстраивание отношений с США. В жизнь постепенно претворялась «стратегия единого фронта» борьбы против СССР, вновь была поднята тема территориальных притязаний Пекина, что привело в итоге к агрессии со стороны Китая и тяжелейшим боям на советско-китайской границе на острове Даманском и в районе озера Жаланашколь в 1969 г. Нормализации отношений, необходимой, с позиции нашей страны, в интересах обоих государств и обоих народов, удалось достичь только в конце 1980-х гг. Даже после периода конфронтации и агрессии со стороны КНР Советский Союз продолжал делать попытки возобновления диалога. Китай же, несмотря на приветственную официальную риторику, стремился выстраивать отношения, основываясь в первую очередь на соображениях извлечения выгоды, в том числе развития отношений с США и вовлечения американцев в противостояние с СССР. Это, кстати, одна из характерных черт китайской дипломатии – загребать жар чужими руками. Достаточно вспомнить китайскую притчу об обезьяне, сидящей на дереве и наблюдающей за схваткой двух тигров. Взаимоотношения с Россией Китай рассматривал и продолжает рассматривать до сих пор как способ создать некий баланс, противовес для усиления своей мощи в соперничестве с США.

Как отмечают современные китайские политологи, в «ответ на становящееся все более навязчивым поведение Запада по отношению к остальному миру, в том числе России и Китаю» Китай ощутил потребность в сближении с Россией из-за «разочарования» позицией Запада: «Главным побудительным мотивом принятия Москвой и Пекином курса на стратегическое взаимодействие явились изменения в расстановке сил на мировой арене и обострение противоречий в системе „Запад – остальной мир“». Формирование и развитие китайско-российского стратегического взаимодействия – это прямая и закономерная реакция на возможность установления доминирующего влияния Запада над остальным миром, в том числе над Россией и Китаем» [118, с. 160]. В то же время для России данный фактор отнюдь не был на тот момент определяющим.

Стороны проявляли высокую активность с самого начала современного периода отношений. Для России были важны добрососедские отношения, безопасность границы, возможность развивать

торгово-экономические связи. Б. Н. Ельцин сформулировал это так: «Китай является для нас важнейшим государством. Это наш сосед, с которым мы имеем самую длинную границу в мире и с которым нам навечно суждено жить и работать бок о бок» [Цит. по: 119, с. 419]. Китай же видел в северном соседе поставщика дешевых природных ресурсов, способного принять на своей территории не только китайские товары, но и сотни тысяч китайских рабочих. В китайской политике в отношении России возобладали две тенденции: во-первых, Китай стремился к доминирующему положению в диалоге и прилагал к этому все усилия. При отсутствии адекватной их оценки и каких-либо ответных действий со стороны РФ отношения переставали отвечать принципу равноправия. Во-вторых, с ростом военной мощи и финансовых накоплений КНР китайская дипломатия выработала устойчивую иерархию своих внешнеполитических партнеров, в которой России отводилась лишь роль «развивающейся страны», проводника китайских интересов в международных структурах и ресурсного тыла китайской экономики. Об этом свидетельствуют многочисленные работы представителей китайской официальной исторической и политической науки, а также тревожные тенденции к подспудному пересмотру в КНР оценки отношений с Россией в предыдущие исторические периоды. Как отмечает академик С. Л. Тихвинский, анализирувавший состояние россиеведения в Китае, китайские эксперты нового поколения даже «не включают Россию в число великих и даже региональных держав, а называют просто „крупной страной“ или „большой развивающейся страной“» [120, с. 213–214].

Отношения после признания России правопреемницей СССР развивались стремительно. В ходе заключения первых совместных соглашений РФ и КНР в начале 1990-х гг. и обмена визитами лидеров государств – Б. Н. Ельцина и Цзян Цзэминя – первоначально большую инициативность проявляла Россия. В 1990-е гг. РФ и КНР были подписаны многие основополагающие документы, касающиеся системы отношений в целом (Совместная декларация об основах взаимоотношений между РФ и КНР. 1992 г.) [121, с. 150–152], политических (Соглашение между Правительством РФ и Правительством КНР о создании и организационных основах механизма регулярных встреч глав правительств России и Китая) [121, с. 396–

398], торгово-экономических (Соглашение между Правительством РФ и Правительством КНР о торгово-экономических отношениях) [121, с. 134–135], межрегиональных (Соглашение между Правительством РФ и Правительством КНР о принципах сотрудничества между администрациями (правительствами) субъектов РФ и местными правительствами КНР) [121, с. 417–419] и гуманитарных (Соглашение между Правительством РФ и Правительством КНР о культурном сотрудничестве) [121, с. 184–187] связей.

Были оформлены основные механизмы и инструменты сотрудничества: регулярные встречи глав государств и правительств, постоянные контакты министров иностранных дел, консультации заместителей министров и глав профильных департаментов МИД.

Практически сразу наметились точки соприкосновения (например, перспективы сотрудничества в сфере дальнейшей модернизации с помощью РФ построенных Советским Союзом предприятий в Китае, что, однако, не было воплощено в жизнь из-за нежелания китайской стороны допускать партнера к этой работе) и сферы, сотрудничество в которых развивалось особенно активно, прежде всего военно-техническое направление: Китай стал крупнейшим покупателем российских вооружений. Уже в 1993 г. объем поставок достиг 1 млрд долл. За период с 1992 по 2002 г. было поставлено, например, управляемых артиллерийских снарядов «Краснополье» 1000 шт., ракет класса «воздух – воздух» малой дальности – 1200, а также крылатые ракеты 3 М-80 Э [122, с. 157] и тяжелые истребители четвертого поколения Су-27/30 [123, с. 349].

В то же время проявились и проблемы в партнерстве – неравноценный бартер, в ходе которого российские высокие технологии обменивались на китайский некачественный ширпотреб [124, с. 403–405], неравноценные условия миграционной открытости, зафиксированные в документах и дававшие возможность многочисленным китайским мигрантам въезжать в Россию даже без загранпаспорта (Соглашение между Правительством РФ и Правительством КНР о сотрудничестве в области туризма) [121, с. 198–200], рост нелегальной миграции, несоблюдение со стороны КНР в том же ВТС прав интеллектуальной собственности и т. д.

Несмотря на проблемы в торгово-экономической сфере, сторонам удалось наладить достаточно эффективное взаимодействие

на международной арене. Было зафиксировано совпадение взглядов по таким вопросам международной проблематики, как необходимость достижения многополярности мира, недопустимость вмешательства во внутренние дела государств, а также недопустимость создания угрозы безопасности других государств посредством одностороннего распространения ПРО, необходимость мирного и поступательного разрешения Корейской проблемы, поддержка международного режима нераспространения ядерного оружия и главенствующей роли ООН. В то же время Китай воздерживался от открытого и четко артикулированного выражения поддержки РФ в наиболее важных для нее вопросах, например, в вопросе своего отношения к расширению НАТО на Восток.

Конец первого десятилетия сотрудничества и начало второго ознаменовались для двух стран созданием общими усилиями крупнейшей региональной организации – Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), призванной обеспечить эффективное совместное «противостояние новым вызовам и угрозам» [125] в Центральной и Восточной Азии. Впоследствии компетенция организации была несколько размыта, и, хотя сфера безопасности и сегодня продолжает оставаться активно развивающейся и важной в сотрудничестве стран-членов, ШОС стала во многом использоваться как площадка для переговоров по другим вопросам, прежде всего для налаживания Китаем сети двусторонних партнерств с постсоветскими государствами Центральной Азии. По мнению одного из ведущих современных российских китаеведов С. Г. Лузянина, ШОС – «только часть более долговременной центральноазиатской стратегаемы Китая» [126, с. 337].

В 2001 г. РФ и КНР заключили Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве [127, с. 143–151] сроком на 20 лет. Инициатива его заключения исходила от КНР, проект документа также был китайским. Российская сторона оценила его как «одновременно и политико-юридическое оформление сложившихся отношений, и прочный фундамент для их дальнейшего развития» [128]. Однако, несмотря на все положительные черты данного основополагающего документа, в Договоре сохранилась китайская формулировка о «взаимных территориальных претензиях», хотя ни у СССР, ни у России таковых к КНР никогда не было.

Ю. М. Галенович в комментариях к ст. 6 Договора заметил: чтобы понять смысл китайской формулировки об отсутствии территориальных претензий, надо знать, что Китай никогда не считал, что у него есть к нам территориальные претензии, он всегда утверждал, что в свое время территории были якобы несправедливо отторгнуты, а их возвращение, по мнению китайской стороны, лишь восстановление законных прав, законной территориальной целостности [129, с. 346]. Китайские специалисты назвали Договор «программным документом» для РФ и КНР и образцом «норм взаимоотношений между крупными государствами, благоприятствующим построению нового международного порядка» [130, с. 393].

Выдающимся достижением партнерства китайские историки называют завершение переговоров об уточнении линии российско-китайской границы и ее демаркацию. При этом китайская сторона остается убежденной в том, что существует «проблема границы» – «спорные территории» в 1,5 млн км², «отторгнутые у Китая Царской Россией» и «неравноправные договоры», заключенные в XIX в. Участвовавших в советско-китайских переговорах и консультациях по уточнению линии границы 1964, 1969–1970, 1979 гг. Ю. М. Галенович замечает, что граница между двумя империями – Российской и Цинской – «это рубежи, размежевывающие территории, которые изначально не были землями собственно русских или собственно ханьцев» [131, с. 78], на них жили малочисленные народы, которые вынуждены были выбирать, в какую империю им войти. Вопросы между Россией и Китаем решались с помощью переговоров и подписания в их итоге договоров и соглашений, которые не представляли собой ультиматумов или актов о капитуляции. Россия все 40 лет переговоров, шедших с перерывами, «всегда находилась в обороне. Она защищала свою территорию, стремилась сохранить ее. Китайские же власти всегда были активной и нападающей стороной. Они пытались если уж не отнять территории, то предъявить и сохранять в подвешенном состоянии претензии на российские земли» [131, с. 298].

В 1991, 1994 и 2004 гг. СССР – РФ и КНР подписали соглашения об уточнении линии границы на нескольких участках, по которым Китаю в общей сложности отошло не менее 1246 км², из

них «утраченные Россией в ходе выполнения Соглашения 1991 г. территории островов на реках, переданных Китаю, составляют 851 кв. км», «практически полностью отдан Китаю» «о. Большой в верховьях реки Аргунь (58 км²) в соответствии с Дополнительным соглашением между РФ и КНР 2004 г. (за исключением района водозабора), а также 337 км² островов Тарабаров и Б. Уссурийский в районе Хабаровска» [132]. И хотя официально Пекин оценил проделанную работу как «решение вопроса в основном», на страницах научных изданий, в СМИ КНР тема продолжает муссироваться, а в учебниках публикуются карты, на которых границы Китая уходят далеко на северо-запад, а российские города обозначены китайскими названиями.

Начиная со второго десятилетия партнерства, основным его трендом стали совместные крупные и долгосрочные проекты – строительство объектов топливно-энергетического комплекса (прежде всего ответвления от нефтепровода Восточная Сибирь – Тихий океан, а также долгосрочные проекты поставок из России в Китай природного газа и электроэнергии), продолжительные программы военно-технического сотрудничества и межрегионального взаимодействия. Последнее также было сопряжено с большим количеством проблем, таких как нарушения таможенного законодательства, огромное количество контрабанды и т. п. [133]. Большинство крупных проектов было предложено китайской стороной, и России приходилось лишь искать ответ на инициативы своего партнера, как это произошло, например, с Программой сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири России и Северо-Востока КНР на 2009–2018 гг. [134] – основополагающим документом межрегионального сотрудничества двух стран, предоставившим китайской стороне огромные преференции в разработке природных ресурсов российских регионов, развитии приграничного сотрудничества и т. д. Российская же сторона с принятием Программы получила дополнительные риски – углубления сырьевой направленности экспорта, примитивизации экономики своих приграничных регионов и увеличения неконтролируемой китайской миграции [См., напр.: 135].

В то же время как достаточно положительную тенденцию можно отметить значительный рост сотрудничества в сфере обра-

зования, науки и культуры. Наиболее крупные мероприятия в этом сегменте включали серию национальных Годов – Года русского языка в КНР, Года китайского языка в России, Годов сотрудничества СМИ двух стран, Года российско-китайской дружбы и молодежных обменов. Выросло количество проводимых на взаимной основе культурных обменов, фестивалей, книжных ярмарок, также отмечался рост академической мобильности и туризма.

Если говорить о социальной базе партнерства, то она заметно расширилась, поскольку дружественные отношения во многом действительно отвечают интересам народов стран-соседей. Однако тот же самый рост миграционных потоков принес и проблемы – например, распространение в России неконтролируемой китайской сельскохозяйственной миграции. Деятельность китайских сельхозрабочих осуществляется с огромным количеством нарушений санитарного и земельного законодательства, приводит к деградации почв и ухудшению криминогенной обстановки в регионах. На прилавки российских магазинов попадают некачественные овощи, употребление в пищу которых ведет к накоплению в организме опасных веществ, прежде всего канцерогенов. Еще пример: желание российских олигархов и чиновников увеличивать поставки в Китай электроэнергии за счет увеличения строительства гидроэлектростанций, фактически намного превышающего (!) его потребности, грозит экологической катастрофой для огромных территорий на российском Дальнем Востоке.

Тревожной тенденцией можно назвать и то, что, несмотря на активное торгово-экономическое взаимодействие и постоянные взаимные заверения в долговременности и крепости дружественных взаимоотношений [136], Китай не выражает России столь необходимую для нее поддержку в моменты ключевых изменений в международной обстановке, будь то грузино-югоосетинский конфликт 2008 г. и провозглашение независимости Абхазии и Южной Осетии, или присоединение Крыма и украинский конфликт. При голосовании в Совете безопасности ООН по подобным вопросам Китай отнюдь не поддерживал российское вето и воздерживался от проявления своей позиции, чтобы, очевидно, не навредить своему партнерству с США. Даже в таком частном вопросе, как голосование по очевидно непроработанному малазийскому про-

екту резолюции по расследованию катастрофы «Боинга» в Донецкой области, который постоянный представитель России в ООН В. И. Чуркин справедливо сравнил с «котом в мешке», Китай воздержался от голосования [137].

Очевидно, что количество выгод, получаемых сторонами от своего участия в партнерстве, различно. Важной особенностью китайской дипломатии в данном случае является то, что КНР с самого начала формировала и использовала долгосрочную, тщательно проработанную стратегию получения желаемых результатов. Научную базу выстраивания отношений с Россией составляют Институт России, Восточной Европы и Центральной Азии Академии общественных наук КНР, Китайское общество изучения отношений Китая и России, Китайская ассоциация по изучению России, Восточной Европы и Центральной Азии [138, с. 496], исследовательские подразделения во всех крупнейших китайских университетах. Работа идет по всем направлениям: изучение и создание «официальной», изложенной с китайской точки зрения, истории взаимоотношений, всестороннего изучения причин распада СССР и развития современной России, ее политического, экономического, социального состояния и перспектив, ее военно-промышленного комплекса, обороноспособности и отношений с другими странами, – всех сильных и слабых сторон.

Главным принципом, продвигаемым, если не навязываемым, китайской дипломатией в отношениях с Россией, является принцип «взаимодополняемости». Очень точно его сформулировал бывший военный атташе посольства КНР в нашей стране, профессор Академии национальной обороны Китая, генерал-майор Ван Хайюнь. Называя взаимную дополняемость экономик РФ и КНР «сильной», он рассуждает: «Россия располагает богатыми природными ресурсами, особенно энергетическими, но переживает все более острый демографический кризис. В КНР имеются богатые людские ресурсы, но существует относительный дефицит природных богатств» [139]. Такой же подход с разной степенью завуалированности мы встречаем и у других китайских политиков, военных, историков, политологов. То есть фактически китайская сторона в партнерстве ставит себе одну большую задачу – «закрепить» за собой Россию в качестве ресурса, который можно будет, особо

не заботясь о его интересах, использовать для своего развития, для наращивания своей мощи. И это при том, что Китай сам обладает огромной территорией, часть его земель и природных богатств остается неосвоенной (те же самые лесные ресурсы, варварски сводимые практически под ноль в российских восточно-сибирских регионах, в самом Китае теперь под охраной) [140], а экологические проблемы в целях самодостаточного развития могли бы быть решены руками «богатых людских ресурсов», как представляется, в достаточно короткие сроки, при наличии воли на то китайского государства и решения проблем коррупции и наплевательского отношения к природе.

Однако, несмотря на успехи в освоении новых технологий, и в том числе даже успешные экологические проекты, такие как, например, опыт решения проблемы транспортных заторов, искусственное озеленение и развитие альтернативной энергетики в период подготовки к Олимпийским играм в Пекине 2008 г. [141], китайская экономика продолжает экстенсивное развитие в погоне за высочайшими (более 6 %) годовыми темпами промышленного роста, основанными на тотальном перепроизводстве товаров широкого потребления [142]. В орбиту экстенсивного потребления ресурсов со стороны китайских и разместивших в Китае свои производства западных транснациональных корпораций, кроме России, вовлекаются также страны Африки, Латинской Америки и Центральной Азии.

В то же время российская сторона, при объективно недостаточном уровне разработки стратегии по отношению к Китаю (а возможно, и отсутствию такой стратегии вообще), нехватке специалистов-китаеведов, проблемах с государственным финансированием науки и откровенном невнимании государственных и бизнес-структур к рекомендациям экспертов, часто следует в фарватере китайского партнера и не получает действительно долгосрочной или значимой в масштабе социально-экономического развития государства и его регионов выгоды. Как отмечает заместитель директора Института Дальнего Востока РАН В. Я. Портяков, рекомендации китаеведов среди госструктур «способны воспринимать» только в МИДе, остальные госучреждения (Минобороны, «Рособоронэкспорт», «Росатом») и др. чаще всего

обходятся в своем взаимодействии с Китаем без синологов [143]. А по статистике, которую приводит руководитель программы «Россия в Азиатско-Тихоокеанском регионе» Московского центра Карнеги А. Т. Габуев, «списочный состав китаистов в вузах и академических научных центрах России составляет менее 200 человек». Квалифицированных китаеведов, которые блестяще владеют языком, ведут исследования и публикуются, на всю Россию наберется не более 50. Из них современным Китаем серьезно занимаются единицы [144]. На этом фоне для России в условиях охлаждения отношений с Западом и роста взаимодействия со странами Востока наиболее острым становится вопрос о планировании целей и расчете выгоды в отношениях, о жестком отстаивании приоритетов, о развитии своей востоковедческой и особенно китаеведческой науки и образования, о развитии международных отношений в целом как отдельного важнейшего научного и образовательного направления, разработке стратегий взаимодействия с разными странами, диверсификации внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности на Востоке и сохранении многовекторности как важнейшей черты внешней политики.

Вопросы и задания

1. По материалам официальных правительственных структур и СМИ России и Китая изучите хронологию взаимных визитов лидеров стран и соотнесите ее с изменениями внутренней и международной обстановки, а также важнейшими событиями в отношениях.

2. По текстам документов, доступных в архиве официального сайта ООН, изучите, как соотносились позиции РФ и КНР по основным международным вопросам.

3. Case study. 8 мая 2015 г. Россия и Китай подписали соглашение о сопряжении Евразийского экономического союза и китайской инициативы Экономического пояса Шелкового пути. Определите интересы каждой из сторон в данном проекте. Обсудите перспективы его реализации.

Рекомендуемая литература и источники

Современные международные отношения : учебник для студентов вузов, обучающихся по направлениям подготовки (спе-

циальностям) «Международные отношения» и «Зарубежное регионоведение» / под ред. А. В. Торкунова, А. В. Мальгина. М. : Аспект-Пресс, 2014. 687 с.

Галенович Ю. М. Четыреста лет соседства России с Китаем / Ю. М. Галенович. М. : Восточ. книга, 2011. 256 с.

Мясников В. С. Кастальский ключ китаевода : сочинения : в 7 т. / В. С. Мясников М. : Наука, 2014. в 7 т.

Галенович Ю. М. Москва – Пекин, Москва – Тайбэй / Ю. М. Галенович. М. : Изографус, 2002. 656 с.

Галенович Ю. М. Россия и Китай в XX веке: граница / Ю. М. Галенович. М. : Изограф, 2001. 336 с.

Галенович Ю. М. Россия – Китай: Шесть договоров / Ю. М. Галенович. М. : Муравей, 2003. 336 с.

Гельбрас В. Г. Россия в условиях глобальной китайской миграции / В. Г. Гельбрас. М. : Муравей, 2004. 204 с.

Зарубежное россиеведение : учеб. пособие / А. Б. Безбородов, О. В. Большакова, А. Д. Васильев и др. М. : Проспект, 2013. 574 с.

Ларин А. Г. Китайские мигранты в России / А. Г. Ларин. М. : Восточ. книга, 2009. 512 с.

Лузянин С. Г. Восточная политика Владимира Путина / С. Г. Лузянин. М. : АСТ, Восток – Запад, 2007. 446 с.

Мясников В. С. Договорными статьями утвердили: дипломатическая история русско-китайской границы, XVII–XX вв. / В. С. Мясников М. : ИДВ РАН, 1996. 482 с.

Примаков Е. М. Мир без России? К чему ведет стратегическая близорукость / Е. М. Примаков. М.: Российская газета, 2009. 238 с.

Тихвинский С. Л. Восприятие в Китае образа России / С. Л. Тихвинский М.: Наука, 2008. 246 с.

Чудодеев Ю. В. Россия – Китай: стратегическое партнерство на современном этапе (проблемы и перспективы) / Ю. В. Чудодеев. М. : ИВ РАН, 2011. 224 с.

Глава 7. Китай и Латинская Америка

Лидеры Поднебесной стремились развивать отношения со странами Латинской Америки сразу же после образования Китайской Народной Республики. Первый экономический договор в истории отношений Китая с латиноамериканскими государствами был подписан в 1952 г., это было торговое соглашение между КНР и Чили. В 1950–1970 гг. двусторонние отношения оставались довольно ограниченными. Несмотря на удивление и тревогу некоторых аналитиков, отношения Китая с Латинской Америкой стали более значимыми после того, как КНР заняла место Тайваня в ООН в 1971 г. (до 1971 г. при протекции США Тайвань занимал место Китая в ООН) и началась борьба за дипломатическое признание КНР и Тайваня³. В 1970-х Китай установил дипломатические отношения с наиболее важными странами Латинской Америки.

Политическому сближению Китая и стран Латинской Америки и Карибского бассейна (ЛАКБ) способствовала близость их позиций по многим вопросам международной жизни: защита интересов государств третьего мира, завершение процесса деколонизации, установление «нового международного порядка», признание 200-мильной экономической зоны, наращивание финансовой помощи Запада странам Азии, Африки и Латинской Америки и т. д. В ряде случаев КНР и сама предоставляла помощь и техническое содействие государствам региона, провозгласившим «социалистическую ориентацию» (Гайана, Ямайка) [145].

С началом осуществления курса «четырёх модернизаций» в 1970-е гг. был сформулирован базовый принцип политики КНР в отношении государств ЛАКБ: прагматический подход к вопросам экономического сотрудничества вне зависимости от политической и идеологической ориентации партнеров, т. е. примат экономических интересов над политическими. В частности, формально настаивая на существовании «одного Китая», китайские власти

³ До сих пор Китай настаивает на том, что ни одно государство не может иметь официальные отношения и с Китаем, и с Тайванем. В результате дипломатические отношения с Тайбэем поддерживают чуть более двух десятков государств, главным образом страны Тихоокеанского региона, Латинской Америки и Африки.

не отказывались от торгово-экономических связей с теми государствами, которые продолжали поддерживать дипломатические отношения с Тайванем (12 государств, Центральной Америки: Белиз, Гватемала, Гаити, Гондурас, Доминиканская Республика, Никарагуа, Панама, Парагвай, Сальвадор, Сент-Китс и Невис, Сент-Люсия, Сент-Винсент и Гренадины, Гватемала, Никарагуа, Парагвай). Тем самым Пекин смог последовательно расширять сферу своего влияния в регионе [145].

Стабильное развитие отношений со странами Латинской Америки начинает осуществляться только с 80-х гг. [146]. Китай использовал стратегический подход, заключив в 1980 г. соглашение с Мексикой. По этому соглашению более ста молодых официальных лиц КНР отправились в Мексику на два года для изучения испанского языка и знакомства с Латинской Америкой. Многие из них позднее стали дипломатическими представителями Китая в данном регионе. В результате к 2014 г. китайско-мексиканские отношения достигли уровня отношений всестороннего стратегического партнерства [147].

Взаимоотношения Китая и Латинской Америки наращивают свою активность с 2001 г., демонстрируя вовсе не идеологизированный, а прагматический и в то же время постоянно заглядывающий вперед подход к своей дипломатии, включая активное экономическое проникновение, покупку активов сырьевых компаний, занимающихся нефтегазовым бизнесом или добычей минерального сырья и ресурсов. Главный стимул для Пекина – выход на богатейшие стратегические запасы нефти, газа, урана, золота, меди, серебра, алмазов и пр.

Причин повышенного внимания к Латинской Америке со стороны Китая немало. Это один из немногих регионов мира, где китайцы изначально могут выступать с позиции «старших партнеров» по многим направлениям, даже в области технологий. Латиноамериканские страны интересны Пекину не только как источник сырья для растущей китайской экономики, но и как объемный рынок потребления китайских товаров без претензий (Бразилия, Мексика, Аргентина). Пытаясь создать себе имидж главного защитника интересов стран третьего мира, Китай всячески поддерживает стремление Латинской Америки выйти из-под опеки США.

Расширение торгово-экономического сотрудничества с государствами Латинской Америки Пекин сочетает с интенсивным политическим диалогом. В 2008 г. в Китае была подготовлена «Белая книга» об отношениях со странами ЛАКБ. Это был первый официальный документ, разработанный китайским правительством в отношении данного региона [148]. В нем были изложены задачи и цели китайской политики в отношении южноамериканского континента, определен план двустороннего сотрудничества в различных областях в будущем и назывались конкретные шаги по обеспечению присутствия в регионе: финансирование, кредитование, торговля, участие в региональных интеграционных группировках, производственных кооперациях и инфраструктурных проектах. Целью данной политики было дальнейшее выдавливание из региона Тайваня и формирование группы дружественных КНР государств, способных на международном уровне оказывать поддержку дипломатическим инициативам китайского руководства [149].

О важности Латинской Америки для пекинской дипломатии красноречиво говорят частые поездки китайских лидеров в регион. Китайское руководство, включая Ян Шанкуня (Председатель КНР в 1988–1993), Цзян Цзэминя (1993–2003), Ху Цзиньтао (2010) и Си Цзиньпина (2014, 2016), а также китайские чиновники неоднократно посещали регион, пытаясь ослабить влияние Тайваня в регионе. Показательно, что почти половина стран, установивших дипломатические отношения с Тайванем, приходится на Латинскую Америку⁴.

Общее количество стран региона, в которых побывал Председатель КНР Си Цзиньпин, достигло 10. В 2014 г. Си Цзиньпин нанес государственные визиты в латиноамериканские страны Тринидад и Тобаго, Коста-Рику и Мексику. В 2015 г. он совершил тур

⁴ Проблема Тайваня занимала и занимает в китайской внешней политике высокий удельный вес. Все страны делятся Китаем на признающие и не признающие Тайвань. Большинство уже не признает, но около 20 небольших государств (Гренада, Панама, Доминиканская Республика, Сальвадор, Македония) все еще признают Тайвань как самостоятельное государство. ЮАР была последней крупной страной, отказавшейся от признания Тайваня в 1997 г. Тайвань предлагает материальную помощь тем странам, которые сохраняют с ним дипломатические отношения, в Пекине же эти страны скрупулезно вносятся в черный список, их позиция по другим международным вопросам имеет для Китая менее важное значение.

по Эквадору, Перу и Чили. Этот факт говорит о постоянной заинтересованности Китая в развитии связей со странами Латинской Америки в целях дальнейшего стратегического сближения, повышения взаимного доверия и расширения сотрудничества в интересах общего развития с латиноамериканским континентом.

Двустороннее сотрудничество Китая с отдельными государствами дополняется установлением связей с региональными экономическими и политическими организациями ЛАКБ. В 1990 г. Пекин начал диалог с «Группой Рио», присоединился к Договору о запрещении ядерного оружия в Латинской Америке и Карибском бассейне, в 1991 г. получил статус наблюдателя при Межамериканском банке развития, в 1993 г. подал заявление о приеме в эту организацию. В том же году КНР получила статус наблюдателя при Экономической комиссии ООН для Латинской Америки и Карибского бассейна, а год спустя стала первой азиатской страной, обретшей такой статус при Латиноамериканской ассоциации интеграции. Несколько позднее Пекин был принят в Карибский банк развития и установил официальные отношения с ведущими субрегиональными интеграционными группировками – МЕРКОСУРОм, Андским сообществом наций и Карибским сообществом. Результатом усилий на двустороннем и многостороннем уровне стал быстрый рост товарооборота между КНР и латиноамериканскими странами [144]. За последние 10 лет Китай обогнал США в качестве главного торгового партнера в таких странах, как Чили и Перу. А в Эквадоре, например, стал основным внешним инвестором.

Связи КНР с Латинской Америкой развиваются по нарастающей и приобретают все более тесный характер на высшем уровне. С пятью странами континента Китай установил отношения «стратегического партнерства» – с Бразилией (1993), Венесуэлой (2001), Мексикой (2003), Аргентиной (2004) и Перу (2008).

К каждой латиноамериканской стране у китайцев сформировался свой интерес. Потребности КНР в природных ресурсах – решающий фактор в увеличении удельного веса сырья в структуре экспорта Латинской Америки. До 74 % чилийского экспорта в Китай составляет медь. Перу поставляет в КНР продукты горнорудной, рыбной промышленности и сельского хозяйства Мексика очень привлекательна для Китая как член Североамериканской

зоны свободной торговли. Большая часть бразильского экспорта в КНР – это железная руда (70 %). До 80 % объема экспорта из Аргентины в Китай составляют соевые бобы, кроме того, КНР импортирует отсюда пшеницу, руды металлов, кожу. Коста-Рика, Мексика и Сальвадор экспортируют в Китай высокотехнологичную продукцию – электронные микроблоки и электрические конденсаторы.

Бразилия – главный торговый контрагент Китая в регионе. Особенностью китайско-бразильских отношений является все более тесное взаимодействие двух стран в многостороннем формате: в рамках «большой двадцатки», «группы 5» (включает Бразилию, Индию, Китай, Мексику и ЮАР) и группы БРИКС. Причем, сотрудничая в рамках БРИКС, Пекин и Бразилия получают дополнительные возможности участия в формировании международной повестки дня и создании новых механизмов глобального регулирования. Позиции обеих стран совпадают по таким ключевым вопросам мировой политики, как преодоление последствий глобального кризиса, повышение роли развивающихся государств в управлении международными финансами, развитие международной торговли, расширение сотрудничества в сфере энергетики, укрепление ядерной безопасности и борьба с терроризмом [150].

Китайско-бразильское сотрудничество становится важным фактором современной региональной ситуации и глобальной повестки дня. В 2015 г. Китай фактически спас бразильскую экономику, испытывающую большие проблемы из-за низких цен на нефть, в условиях экономического спада после окончания бума на сырьевые товары, вызванного ажиотажным спросом со стороны Китая на основные статьи бразильского экспорта: железную руду и соевые бобы [151]. Пекин инвестировал в экономику Бразилии: в торговлю, финансовый сектор, в энергетику, горнодобывающую промышленность, авиастроение и в модернизацию инфраструктуры. Во время визита премьер-министра Китая Ли Кэцзяна в Бразилию в мае 2015 г. были подписаны соглашения о покупке Китаем пассажирских лайнеров производства компании Embraer на сумму более 1 млрд долларов, был отменен запрет на импорт бразильской говядины. Бразилия и Китай договорились изучить возможность железнодорожного сообщения через Анды к Тихому океану, что

позволит Бразилии экспортировать свою продукцию, не используя Панамский канал, который в значительной степени контролируется США. Лидеры двух стран объявили, что Промышленный Коммерческий банк Китая (ICBC, крупнейший в мире банк по размеру активов), совместно с Caixa Econômica Federal (крупнейший ипотечный банк Бразилии), создадут фонд на 50 млрд долларов, чтобы совместно инвестировать в инфраструктурные проекты страны. Таким образом Китай демонстрирует свою финансовую мощь в Латинской Америке, регионе, где ранее доминировали США и куда Китай вложил больше денег, чем Всемирный банк и Межамериканский банк развития вместе взятые [151].

Отношения с Кубой основываются на торговле, кредитовании и инвестициях, которые значительно возросли с 1990-х г. Китай является вторым по величине торговым партнером Кубы после Венесуэлы [152]. Благодаря совместным усилиям с начала нового века межгосударственные отношения вступили в новый период развития. Об этом свидетельствуют растущие с каждым днем политические контакты (визит Си Цзиньпина в 2014 г.) и расширяющаяся сфера экономического сотрудничества, а также интенсификация обменов в области науки, технологии и обороны (в ходе визита премьера Ли Кэцян Госсовета КНР на Кубу в 2015 г. подписано более 20 соглашений о сотрудничестве в различных областях) [152]. Китайцы обязались инвестировать сотни миллионов долларов в производство никеля, нефтеразведку и сельское хозяйство Кубы. Если эти капиталовложения реализуются, Китай может стать самым крупным иностранным инвестором на острове. В условиях стагнирующей экономики острова экономические отношения с Китаем представляют собой жизненно важный канал ее развития. Однако история свидетельствует о том, что торговые и другие экономические связи между КНР и Кубой развиваются циклично в зависимости от меняющихся обстоятельств.

КНР и Куба – близкие союзники не только в торговых связях, но и в сфере политики. В Организации Объединенных Наций Китай последовательно выступал против американских санкций в отношении Кубы. Со своей стороны Куба поддерживает стремление КНР вернуть себе провинцию Тайвань в соответствии с политикой «одного Китая». Политические обязательства КНР в отношении

Кубы основываются на двух важнейших принципах внешней политики КНР – обеспечении природными ресурсами своей быстро развивающейся экономики и вознаграждении стран, поддерживающих политику «одного Китая», которая исключает дипломатическую поддержку Тайваня.

Китай весьма успешно оказывает всестороннюю поддержку государствам Карибского бассейна, что предоставляет возможность для установления и развития контактов со странами, с которыми ранее Китай не сотрудничал. Так, оценив экономический потенциал и широту рынков КНР, в 2007 г. дипломатические отношения с Китаем установила Коста-Рика. Однако такие страны, как Никарагуа, Гондурас, Парагвай, Гватемала и ряд других, до сих пор не имеют возможности экспортировать в Китай сырье, так как они предпочитают поддерживать дипломатические отношения с Тайванем и получать поддержку от него, что неприемлемо для Китая. «Дипломатическая борьба» Китая и Тайваня за страны Латинской Америки и Карибского бассейна постоянно обостряется, но с помощью активной торговли и оказания всесторонней поддержки государствам Карибского бассейна Китаю все же удается значительно ослабить их связи с Тайванем [153].

Не со всеми странами Латинской Америки отношения Китая развиваются положительно. В отношениях Китая с латиноамериканскими странами существует и ряд проблем, которые требуют решения с обеих сторон. Об этом рассуждает, например, заместитель директора Института Латинской Америки Академии общественных наук КНР Цзян Шисюе: «Самой серьезной проблемой является расстояние: отсутствие прямого воздушного сообщения между Китаем и латиноамериканскими странами является актуальной проблемой, сдерживающей развитие отношений. Культурные различия и языковой барьер приводят к непониманию, которое тормозит дальнейшее развитие двусторонних отношений. Действительно, китайцы достаточно мало знают о Латинской Америке, а латиноамериканцы о Китае. Из-за неосведомленности многие латиноамериканцы обеспокоены нарастанием мощи Китая. В деловых кругах латиноамериканских стран достаточно популярно такое понятие, как „китайская угроза“. Столкнувшись с дешевыми товарами из Китая, некоторые латиноамериканские предприятия

со слабой конкурентоспособностью стали переживать не лучшие времена. Многие латиноамериканские страны ввели антидемпинговые тарифы, чтобы противостоять экспорту из Китая. Мексика стала первой страной в регионе, которая стала взимать высокий антидемпинговый налог с Китая еще в начале 90-х гг. Кроме того, многие китайцы были разочарованы тем, что Мексика была последней страной, которая дала свое согласие на членство Китая в ВТО. Политика реформ и открытости сделала Китай экономически более сильным. Китай с его населением может предложить огромный рынок всему миру, в том числе и Латинской Америке. Усиление Китая – это шанс, а не угроза» [154].

Большинство латиноамериканских стран рассматривают Китай в качестве противовеса США. Все это облачается в термины «мягкой силы», включая и экономические вопросы. Например, во время первого раунда многосторонних торговых переговоров в рамках ВТО (Доха-раунд) Бразилия и Китай выступили против предложений США и Евросоюза. Бразилия также стремилась, но безуспешно, заручиться поддержкой Китая для получения места постоянного члена в Совете Безопасности ООН. Пытались «разыграть китайскую карту» Куба и Венесуэла. Однако Китай старательно избегает вовлечения в политические разногласия, особенно между США и Венесуэлой.

Несмотря на тенденцию поступательного развития китайско-латиноамериканских связей по всем направлениям, политическое доверие между Китаем и странами Латинской Америки все еще находится на недостаточно высоком уровне. Если в отношениях США со странами Латинской Америки экономический и политический фактор играл одинаково важную роль, с Китаем ситуация другая. Став одним из самых важных торговых партнеров стран Латинской Америки, Китай имеет намного более слабое политическое влияние в регионе, нежели экономическое. Это происходит по причине того, что правительства латиноамериканских стран следуют курсу самоусиления, то есть каждое латиноамериканское государство в первую очередь ориентируется на соседние страны региона, консолидируется с ними. Хавьер Сантисо, главный экономист ОЭСР (Организации по экономическому сотрудничеству и развитию, состоящей из 30 западных стран) утверждает, что Ки-

тай для большинства латиноамериканских стран является «торговым ангелом», а вот что касается политического сотрудничества, то латиноамериканские страны не торопятся искать «ангелов» за океаном [155].

Осознавая, что под влиянием расширения торгово-экономических связей, в латиноамериканском регионе формируется миролюбивая политика в отношении КНР, у США существует множество опасений касательно развития взаимоотношений между Китаем и странами Латинской Америки. Вопрос о том, представляет ли Китай «угрозу» для интересов США в латиноамериканском регионе, вызывает бурные дебаты в среде американских ученых.

С 2005 г. Конгресс США и Комиссия по американо-китайским отношениям в области экономики и безопасности регулярно проводят слушания, посвященные отношениям КНР со странами Латинской Америки, оценивая влияние и интересы Китая на материке. В это же время многие американские правые политические аналитики заявляют, что присутствие Китая в Латинской Америке подрывает стратегические интересы США. Некоторые члены конгресса США считают, что после расформирования СССР Китай стал самой серьезной угрозой интересам США в Латинской Америке, во многих СМИ также постоянно появляется информация о посягательствах Китая на Латинскую Америку [156]. В США широко распространено мнение, что, развивая торговые отношения с Латинской Америкой и вкладывая в нее инвестиции, Китай стремится завладеть нефтью, медью, железной рудой и другими стратегическими ресурсами региона. Так как в КНР постоянно растет число промышленников, производство ориентировано на экспорт, а земельные и водные ресурсы ограничены, поэтому Китай рассматривает Латинскую Америку как важнейший источник сырья во всем мире. В то же время Китаю приглянулись и рынки данного региона. Так как экономический рост США, Европы и Японии в последнее время значительно замедлился, привлекательность рынков Латинской Америки для Китая становится все более очевидной. Исходя из своего постоянного экономического развития, Китай находится в поиске новых залежей ресурсов, именно это и становится основным фактором развития взаимоотношений Китая и Латинской Америки [156].

Китайские же аналитики считают выводы американских специалистов далекими от реальности. Во-первых, развитие двусторонних связей Китая со странами Латинской Америки не направлено против какой-либо третьей стороны. Китай не преследует своей целью уменьшить сферу влияния США в Латинской Америке за счет совершенствования своих отношений с государствами этого региона. Во-вторых, Китай и латиноамериканские страны относятся к одному типу развития, поэтому в эпоху глобализации обе стороны путем укрепления экономических связей стремятся обменяться положительным опытом, способствовать миру на планете и добиться совместного развития и процветания. В-третьих, с 90-х гг. прошлого века страны Латинской Америки начинают осуществлять политику открытости по отношению ко всем государствам мира, независимо от их общественного строя, и Китай является лишь одним из множества торговых партнеров латиноамериканских стран. Кроме того, по некоторым параметрам отношения стран Латинской Америки с Японией, Южной Кореей и некоторыми членами ЕС намного прочнее, чем с Китаем. В-четвертых, развитие политических и стратегических отношений между сторонами служит для усиления взаимопонимания и поддержания мира на планете, а также для дальнейшего развития сотрудничества по линии «Юг–Юг». Таким образом, у США нет оснований полагать, что развитие отношений Китая со странами Латинской Америки может нанести вред интересам США в регионе [157, с. 31].

Притом что Китай развивает активную деятельность в Латинской Америке, не в его интересах репутация государства, подрывающего позиции Америки в данном регионе. С другой стороны, исходя из растущих потребностей в энергоресурсах, КНР предпринимает все более активные шаги к установлению сотрудничества с энергетически богатыми латиноамериканскими странами, что чревато нарастанием конкуренции между Пекином и Вашингтоном.

Китай предлагает региону не только торговлю энергоресурсами (импорт железной руды, соевых бобов, экспорт угля и товаров ширпотреба), но и свои инвестиции. Латиноамериканский континент занимает сегодня 2-е место среди направлений капиталовложений КНР за границей. Китай по итогам 2015 г. увеличил инвести-

ции в страны Латинской Америки на 52 % по сравнению с 2014 г. до 29 млрд долл. Самыми крупными получателями инвестиций из Китая в 2015 г. стали Бразилия (10,6 млрд долл.), Венесуэла (10 млрд долл.) и Эквадор (7 млрд долл.) [158]. В Бразилии больше всего средств было вложено в государственную нефтегазовую компанию Petrobras. В Венесуэле инвестиции на 5 млрд долл. получила государственная PDVSA. В Эквадоре китайские вложения пошли на проекты в сфере транспорта, здравоохранения и образования. На 2015 г. Китай предоставил Латинской Америке кредитов на сумму около 120 млрд долл., 90 % всего финансирования идет в сырьевой сектор. Дальнейшее направление взаимоотношений КНР и стран Латинской Америки обозначены в Пекинской декларации и Плане сотрудничества на 2015–2019 гг., принятых на Первом форуме Китай-СЕЛАК (Сообщество стран Латинской Америки и Карибского бассейна), состоявшемся в Пекине 8 января 2015 г. В плане четко обозначены задачи Китая по увеличению объемов торговли до 500 млрд долл. к 2025 г. и повышению уровня инвестиций в регионе на 250 млрд долл. за следующее десятилетие, которые будут направлены в том числе и на развитие инфраструктуры и технологического потенциала [159].

Таким образом, в начале XXI в. китайско-латиноамериканские связи вышли на качественно новый уровень. Это было обусловлено, с одной стороны, стремительным развитием китайской экономики и целенаправленным курсом Пекина на расширение и углубление торгово-экономических и политических отношений с государствами Латинской Америки и Карибского бассейна. С другой стороны, многие латиноамериканские страны увидели в КНР серьезный резерв собственного экономического роста, емкий рынок для традиционных товаров регионального экспорта и источник инвестиционных ресурсов. Совпадение стратегических интересов Китая и государств Латинской Америки вызвало беспрецедентный по темпам и масштабам рост взаимных экономических обменов и политических контактов [145].

Для ряда ключевых государств региона партнерство с КНР приобрело приоритетный характер, отодвинув на второй план традиционные связи с США.

Вопросы и задания

1. Сформулируйте основные принципы политики Китая в странах Латинской Америки. Сравните их с внешней политикой России и США в Латинской Америке. Как вы думаете, возможно ли столкновение стратегических интересов России, США и Китая в Латинской Америке?

2. Охарактеризуйте инвестиционную политику Китая в странах ЛАКБ (объемы, сферы, равномерность распределения).

3. Case study. Помимо развития торговых связей и капиталовложений, расширение присутствия Китая в регионе происходит путем оказания экономической помощи в двух основных формах: предоставление низкопроцентных кредитов и безвозмездная помощь. Проиллюстрируйте данное положение примерами.

4. Изучите хронологию и основные направления взаимодействия Китая с ведущими интеграционными объединениями в Латинской Америке – АЛБА, МЕРКОСУР, Андским сообществом и другими.

Рекомендуемая литература и источники

Документ о политике Китая в отношении Латинской Америки и Карибского бассейна // Мин-во иностр. дел КНР : интернет-сайт. 2008. 5 ноября [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/chn/pds/ziliao/tytj/zcwj/t521016.htm>. На кит. яз.

Аширова Н. А. Внешнеполитический курс КНР в построении многополярной системы / Н. А. Аширова // Мир и политика. 2011. 10 июля [Электронный ресурс] URL: <http://mir-politika.ru/192-vneshnepoliticheskiiy-kurs-knr-v-postroenii-mnogopolyarnoy-sistemy.html>.

История международных отношений : учебник для студентов вузов, обучающихся по направлениям подготовки (специальностям) «Международные отношения» и «Зарубежное регионоведение» : в 3 т. / под ред. А. В. Торкунова, М. М. Наринского. М. : Аспект Пресс, 2014.

Пятаков А. Китай и Латинская Америка: активизация экономических связей / А. Пятаков // Институт Латинской Америки РАН : интернет-сайт. 2011. Март [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ilaran.ru/?n=736> (дата обращения: 15.03.2013).

Строганов А. И. Латинская Америка. Страницы истории XX века / А. И. Строганов. М. : URSS: ЛИБРОКОМ, 2011.

Фролова И. Ю. Особенности курса КНР во взаимодействии с государствами Латинской Америки / И. Ю. Фролова [Электронный ресурс]. URL: <https://riss.ru/images/pdf/journal/2013/4/06.pdf>.

Шелковый путь XXI века: мировая экспансия китайских инвесторов. Обзор китайских инвестиций на зарубежных рынках. Март 2015 // Центр деловой информации ЕУ [Электронный ресурс]. URL: [http://www.eu.com/Publication/vwLUAssets/EY-china-outbound-investment-report-rus/\\$FILE/EY-china-outbound-investment-report-rus.pdf](http://www.eu.com/Publication/vwLUAssets/EY-china-outbound-investment-report-rus/$FILE/EY-china-outbound-investment-report-rus.pdf).

Яковлев П. Латинская Америка в глобальной стратегии Пекина / П. Яковлев // Фонд исторической перспективы : интернет-сайт. 2010. 2 ноября [Электронный ресурс]. URL: http://www.perspektivy.info/oykumena/amerika/latinskaja_amerika_v_globalnoj_strategii_pekina_2010-11-02.htm.

The dragon in the backyard // The Economist : website. 2009. August 13 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.economist.com/node/14209932>.

Синология.Ру: история и культура Китая [Электронный ресурс]. URL: <http://www.synologia.ru/>.

Глава 8. Китай и Северная Корея

Важнейшим фактором воздействия на ситуацию, складывающуюся на Корейском полуострове, и на перспективы ее развития является Китай. Корейский полуостров расположен в зоне важнейших жизненных интересов КНР, ее национальной безопасности. Здесь пролегают морские коммуникации, связывающие северную и южную части страны и обеспечивающие выход Северного Китая в Тихий океан и в Японское море.

В позиции Китая по корейскому вопросу большое значение имеет исторический бэкграунд. Давние крепкие узы связывают две страны и два народа. Общая освободительная борьба против японского колониализма, общее и практически одновременное наступление коммунистической фазы развития 1948 г. (КНДР), 1949 г. (КНР). Их объединила логика послевоенного развития в регионе. Китай был одним из главных акторов происшедшей на территории Кореи открытой пробы сил в рамках сложившейся после Второй мировой войны биполярной системы международных отношений. За возможность развития Северной Кореи «по социалистическому пути» Китай заплатил большой кровью. Примерно миллион китайских солдат и офицеров погибли в военных действиях против США, отстаивая, как это интерпретировалось тогда, «завоевания социализма» от «вооруженного вмешательства» американского империализма [160, с. 7]. Но не все в отношениях двух государств складывалось гладко, в особенности после вступления Китая на путь глубокой трансформации и основательной переоценки ценностей. Принятая Китаем стратегия «рыночного социализма» не встретила понимания в Северной Корее.

В 1993 г. Ли Пэн озвучил принципы обновленной политики Китая на Корейском полуострове, включавшие признание двух Корей и безъядерного статуса полуострова. Однако в 1998 г. Китай был поставлен перед фактом запуска северокорейской ракеты, что вновь осложнило отношения Пекина и Пхеньяна. К концу 90-х гг. отношения Китая с Северной Кореей вновь нормализуются. Два визита Ким Чен Ира (в мае 2000 и в 2001 гг.) обозначили восстановление реального китайского влияния на КНДР. В ходе состоявшихся переговоров Китай поддержал Северную Корею в ее диалоге с Югом.

Рассматривая позицию Китая в вопросе о перспективе объединительного процесса в Корее, целесообразно сопоставить, какие плюсы и минусы получит Китай от воссоединения Кореи [161].

Возможные плюсы:

– по тысячекилометровой границе Китая в зоне его жизненных интересов будет устранен один из наиболее болезненных узлов напряженности, что будет способствовать стабилизации в АТР и СВА, необходимой КНР для осуществления задач модернизации страны;

– объединенная Корея в перспективе (после неизбежного и трудного переходного периода) может стать для экономики КНР крупным экономическим партнером; откроется перспектива китайско-корейского экономического сотрудничества и координированного участия в интеграционных процессах в СВА и АТР; возникнет дополнительный противовес притязаниям Японии на доминирование в регионе;

– мирное объединение Кореи, требующее согласования действий стран АТР и СВА, может повысить роль КНР как координатора этих действий, послужит дальнейшему укреплению ее международного авторитета.

Возможные минусы:

– Китай может утратить те рычаги воздействия на ситуацию в Корее, которые он имеет в силу особых отношений с КНДР;

– при сохранении в объединенной Корее американского присутствия усилится влияние США в регионе, создавая угрозу для сухопутной границы с Китаем;

– единое корейское государство может стать в перспективе весомым рыночным конкурентом Китая.

Китай, по-видимому, поддержал бы быстрое объединение Кореи, если бы были твердые гарантии, что единая Корея сохранит тесные экономические, политические, военные связи с Пекином и не допустит американского военного присутствия в стране. С учетом возможных минусов в объединении двух корейских государств, Пекин сегодня больше ориентирован на их сосуществование. Китайское руководство старается проводить достаточно взвешенную линию, поддерживая диалог между Севером и Югом, но не выдвигая в повестку дня объединение Кореи. Главное для

китайцев – обеспечить стабильную, мирную обстановку на Корейском полуострове. Именно поэтому КНР стремится поддерживать ровные отношения и с Северной, и с Южной Кореей. Что касается Южной Кореи, то эти отношения складываются довольно конструктивно и опираются на стратегические решения и на идеологическое единство. Однако отношения Пхеньяна и Пекина носят циклический характер, относительно потепление сменяется охлаждением, что обусловлено в том числе и сложностями межличностных отношений лидеров.

Китайская поддержка северокорейского режима обусловлена не только историческими связями, но и престижными мотивами великой державы, а также прагматическими соображениями удержания КНДР на своей стороне в той сложной обстановке, которая существует в СВА и АТР. На протяжении многих лет Пекин предоставляет этому режиму экономическую помощь и обеспечивает дипломатическую защиту от Соединенных Штатов и прочих государств. Эта поддержка основана в большей степени не на общей идеологии, а на расчетах Китая по поводу собственной безопасности. Прежде всего, Пекин стремится избежать серьезного кризиса у своих южнокитайских границ, через которые пойдут миллионы беженцев, если северокорейский режим рухнет. С другой стороны, КНДР для Пекина – не только важный геополитический фактор, но и козырная карта в китайско-американском диалоге, где Китай зарабатывает свои бонусы, выступая посредником между Вашингтоном и Пхеньяном в урегулировании северокорейского ядерного кризиса.

Приоритетами Китая в отношении к Северной Корее являются:

- стремление избежать экономических последствий дестабилизации на Корейском полуострове;
- воспрепятствование США в их стремлении занять доминирующую позицию в объединенной Корее;
- обеспечение стабильности своих трех слабых в экономическом отношении северо-восточных провинций за счет включения в планы развития их хозяйственных связей с Северной Кореей;
- сокращение финансового бремени в двусторонних отношениях путем перехода от предоставления экономической помощи к развитию торгового и инвестиционного сотрудничества;

– завоевание признания у собственного народа, в регионе и в США за успехи в процессе ядерного разоружения;

– сохранение статус-кво в отношениях с обеими Кореями на столь длительный период, насколько оно позволит поддерживать влияние Китая в обеих странах, и использование Северной Кореи в качестве рычага в отношениях с Вашингтоном по тайваньской проблеме;

– предотвращение ситуации, при которой обладающая ядерным оружием Северная Корея может вызвать у Японии и/или Тайваня стремление стать ядерными державами.

Китай – крупнейший торговый партнер Северной Кореи. Контролируя примерно три четверти всей внешней торговли страны, Пекин добился в этой области практически монопольных позиций. Пекин является и почти единственным поставщиком продовольственной и гуманитарной помощи в КНДР. Однако в 2012 г. в китайско-северокорейских отношениях наметились признаки резкого охлаждения в отношениях между странами. Поворотным моментом стало решение Пхеньяна проигнорировать китайские предупреждения и провести в феврале 2013 г. очередные ядерные испытания, а затем казнь Чан Сон-гхэка, дяди Ким Чен Ына, одного из самых влиятельных чиновников страны, через которого координировалось экономическое взаимодействие с КНР. После этого в северокорейской прессе прозвучала прямая критика Китая, который якобы пользовался в КНДР неоправданными льготами. В начале 2014 г. КНР приняла решение о замораживании ряда инвестиционных проектов по развитию инфраструктуры в КНДР, которые финансировались из китайского центрального бюджета. Правда, прекращение инвестиций не коснулось местных и частных предприятий. Кроме того, в официальной печати КНР стала появляться публичная критика Северной Кореи. Осложнились и дипломатические отношения двух стран. Резко сократилось число официальных визитов, снизился их уровень.

Северокорейский ядерный кризис продолжает находиться в центре внимания глобальных игроков мировой политики – США, Китая, России. Анализируя отношения Китая с Северной Кореей в этом аспекте, обратим внимание на изменения дипломатических действий Китая к данной проблеме. Еще в 1993 г., когда Северо-

корейская ядерная программа вошла в ранг международных разногласий, Китай забеспокоился не только о нанесении ущерба развитию всего полуострова – его больше беспокоило то, как эта ситуация отразится на его отношениях с Америкой.

Во время возникновения Северокорейского ядерного кризиса в 1993–1994 гг. Китай не вмешивался в эту проблему напрямую, он вел своего рода закулисную игру, призывая КНДР уступить требованиям мирового сообщества. Он не стал членом Организации по развитию энергетики на Корейском полуострове (КЕДО), пока не было достигнуто соглашение о ее создании (1995), и не оказывал никакой финансовой поддержки. Предполагалось, что если бы даже соглашение и не было подписано, то Китай рано или поздно был бы готов выступить в поддержку Северной Кореи, если бы это было необходимо.

Ядерный кризис на полуострове вновь вспыхнул в 2003 г. (возможно, из-за более жесткой позиции США и речи Буша об «оси зла»). Тогда, в августе 2003 г. открылся шестисторонний формат переговоров по корейской проблеме, в которых впервые в истории наряду с Южной и Северной Кореей участвовали США, Россия, Китай и Япония. Позиции сторон определились: КНДР хотела обменять ядерную программу на гарантии безопасности и экономическую помощь со стороны США. Вашингтон считал доказанное свертывание ядерной военной программы необходимым предварительным условием для дальнейшего развития американо-северокорейских отношений. Китай играл роль активного, а Россия – пассивного посредника в урегулировании конфликта.

Китай включился в процесс и первым делом предложил способствовать переговорам между США и Северной Кореей во избежание нестабильности на Корейском полуострове. Впоследствии эта его деятельность трансформировалась в роль активного посредника в многосторонних переговорах. В результате позиция США в отношении Северной Кореи стала более гибкой, о чем свидетельствует совместное заявление, принятое 19 сентября 2005 г. в ходе шестисторонних переговоров по денуклеаризации Северной Кореи. «Заявление принципов» было признано выдающимся примером многосторонней дипломатии в этом регионе мира. Единственный его недостаток заключается в том, что соглашение

так и не было реализовано. Посредничество Китая было затруднено, с одной стороны, непреклонной позицией США, требующих от Северной Кореи полностью отказаться от своих программ создания ядерного оружия, а с другой стороны, неуступчивостью Северной Кореи. В 2003 г. Китай поддержал резолюцию МАГАТЭ, которая передавала решение вопроса в Совет Безопасности ООН. В октябре 2006 г. Северная Корея провела испытание нового ядерного устройства, что значительно подорвало доверие Вашингтона в отношении Китая, и ему пришлось в дальнейшем согласиться с санкциями в отношении Северной Кореи.

И все же США критиковали Китай за недостаточно жесткую позицию. Однако, пытаясь оказывать давление на Северную Корею, Китай был ограничен в своих действиях – отчасти из-за внутреннего (в основном военного) давления с целью сохранения хотя бы видимости дружеских отношений с Северной Кореей. Временами Китай прибегал к некоторым мерам принуждения, но это было вызвано лишь нежеланием применять санкции в отношении Северной Кореи. В понимании Китая применение санкций приведет к краху режима в этой стране, а собственная цель Китая – стабильное окружение – не будет достигнута. Более того, Китай уверен в маловероятности реагирования Северной Кореей на эти санкции. Именно по этой причине, а также из-за возможности прекращения Шестисторонних переговоров, которые Китай стремится сохранить ввиду их значимости в свете их отношений с Вашингтоном, Китай выступал против введения санкций и продолжал настаивать на диалоге и переговорах. И все же проблемы для Китая остались, как и остались разные подходы решения данной проблемы в США и Китае. США контролировали процесс достаточно эффективно, при этом явно перекладывая решение проблемы на Китай, не меняя свою жесткую позицию. США настаивает, чтобы Северная Корея вернулась за стол переговоров, не собираясь решать эту проблему на двустороннем уровне.

Учитывая различия в понимании достижения своих целей на Корейском полуострове, дипломатия Китая старалась не прекращать процесс Шестисторонних переговоров, даже когда действия главных сторон были едва заметны, а возможности посредничества минимальны. Одним из элементов китайской дипломатии

можно считать попытку убедить США придерживаться более гибкой переговорной концепции, что и сделал (может быть, и не очень успешно) Ху Цзиньтао во время встречи с Бушем в 2006 г. Хотя остается неясным, что же именно привело к окончательному изменению позиции США.

Одновременно Китай продолжает открытые консультации с Южной Кореей, признавая ее значимость в решении ядерной проблемы.

В целом влияние Китая на КНДР очевидно. В качестве дипломатических инструментов в отношениях с Северной Кореей Китай использует торговлю, гуманитарную помощь и инвестирование. Пытаясь убедить Северную Корею последовать своему примеру экономических реформ, Пекин доказывает, что это не обязательно ведет к смене режима. Таким образом Китай своим примером побуждает северокорейский режим к введению элементов рыночной экономики и к международному экономическому сотрудничеству.

Вопросы и задания

1. Конфликт на Корейском полуострове имеет длительную историю. Но его нынешняя стадия, отмеченная обострением противостояния, особенная: Северной Корее непосредственно противостоят США. Рассмотрите причины, толкнувшие КНДР к демонстративному возобновлению своей ядерной программы, позицию США, а также интересы и возможности влияния «второго ряда» участников – Китая, Республики Корея, Японии и России. Проведите ситуационный анализ по теме «Роль КНР в вопросах денуклеаризации Корейского полуострова» по следующему сценарию:

I. Введение.

II. Проблемные блоки.

1. Зачем Северной Корее ядерная программа?

1.1. Стимулы военного характера.

1.2. Причины невоенного характера.

2. Возможен ли отказ КНДР от ядерной программы?

3. Американская стратегия.

4. Интересы и рычаги влияния стран «второго ряда». Китай.

Япония. Республика Корея. Россия.

III. Варианты развития событий. Сценарий 1. Сценарий 2. Сценарий 3.

2. Проанализируйте роль личностного фактора и его влияние на отношения между государствами.

3. Дайте характеристику современному состоянию внешнеполитических отношений между КНР и КНДР.

Рекомендуемая литература и источники

Асмолов К. Китай и Северная Корея: проблемы и перспективы взаимоотношений. 2014 / К. Асмолов [Электронный ресурс]. URL: <http://naukarus.com/kitay-i-severnaya-koreya-problemy-i-perspektivy-vzaimootnosheniy>.

Воронцов А. Позиция Китая по «корейскому вопросу» / А. Воронцов [Электронный ресурс]. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2471#top-content.

Захарова Л. В. Внешнеэкономические связи КНДР в 21 веке и перспективы их развития при Ким Чен Ыне / Л. В. Захарова // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 4. С. 82–97.

Лузянин С. Г. Китайские сценарии для Корейского полуострова. Страны Северо-Восточной Азии в начале XXI века / С. Г. Лузянин ; отв. ред. В. Л. Ларин. Владивосток : Дальнаука, 2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ifes-ras.ru/massmedia/21/627-kitajskie-sczenarii-dlya-korejskogo-poluostrova>.

Межкорейские отношения и политика региональных держав (научный доклад) / отв. ред. В. В. Михеев, А. Н. Федоровский М. : ИМЭМО РАН, 2014. 61 с. [Электронный ресурс]. URL: http://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2014/2014_016.pdf.

Парад с разворотом: почему Китай стал дружить с Южной Кореей больше, чем с Северной [Электронный ресурс]. URL: <http://carnegie.ru/commentary/?fa=61211>

Петрунина Ж. В. Эволюция отношений между Китаем и Южной Кореей на рубеже XX–XXI веков / Ж. В. Петрунина [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-otnosheniy-mezhdu-kitaem-i-yuzhnoy-koreey-na-rubezhe-xx-xxi-vekov>.

Торкунов А. Современные международные отношения / А. Торкунов [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/tork/.

Глава 9. Политика партнерств со странами Африки

Стратегическое партнерство КНР с Африкой как вид долгосрочного сотрудничества для достижения общих целей и максимальных выгод стало важным инструментом внешней политики Китая в конце XX – начале XXI в. Причины резкого роста сотрудничества с регионом очевидны: 1) возросшая активность китайской дипломатии на континенте, в том числе и экономической; 2) практика частых государственных визитов; 3) проведение на регулярной основе форумов по китайско-африканскому сотрудничеству; 4) опора на традиционных партнеров континента, а также резко возросшая эффективность помощи странам Африки в ее различных формах [162].

Развитие связей с Африкой – один из важнейших приоритетов внешней политики Пекина, это и часть китайской стратегии нового мирового порядка, создания многополярного мира и активизации сотрудничества «Юг–Юг». Внимание Китая к Африке объясняется не только важной ролью ресурсного потенциала континента, в котором так нуждается китайская экономика, но и растущим политическим весом региона на международной арене. Китаю необходима поддержка Африки для укрепления своей роли и позиций как в международных делах и международных организациях, так и в вопросе прав человека – предмете его постоянных дискуссий с Западом.

Первые китайско-африканские контакты были установлены на Бандунгской конференции 1955 г. Основные принципы развития политических отношений Китая со странами африканского континента были сформулированы еще Чжоу Энлаем в 60-е гг., во времена «полосы признания» КНР в Африке. Значительный ущерб китайско-африканским отношениям причинила «хунвейбиновская дипломатия» периода «культурной революции». Последующий выход Китая из внешнеполитической изоляции привел к расширению его контактов с Африкой: к концу 70-х гг. отношения с КНР имели уже 44 государства континента. Реформы в Китае, провозглашение политики «открытых дверей» во внешний мир, выдвижение новой «мирной и независимой» внешней политики положительно сказались на взаимоотношениях КНР с африканскими

странами. В 2006 г. Белая книга «Африканская политика Китая» впервые обозначила Африку как один из внешнеполитических приоритетов Пекина [163].

Во время очередного Китайско-африканского саммита в Йоханнесбурге (2015) китайский лидер Си Цзиньпин заявил, что настало время для перевода китайско-африканских отношений в новую плоскость – всестороннего стратегического партнерства. Рамки данного партнерства включают пять основных областей:

- политическое равенство и взаимное доверие;
- продвижение взаимовыгодного экономического сотрудничества;
- культурный обмен;
- взаимопомощь в сфере безопасности;
- солидарность и сотрудничество на международной арене [164].

Благодаря этим принципам Китай смог установить дипломатические отношения преимущественно со всем континентом. Политика Китая в Африке стала более сбалансированной, последовательной и прагматичной, направленной на расширение сотрудничества с как можно большим числом стран Африки. Об этом свидетельствуют, например, четыре тура Ху Цзиньтао по Африке во время своего пребывания на посту председателя КНР, когда он посетил 15 стран. А с момента прихода к власти Си Цзиньпина, с 14 марта 2013 г. по 1 марта 2016 г., было проведено 116 встреч на высшем уровне, каждая из которых завершалась заключением стратегических экономических соглашений со странами Африканского континента.

В течение нескольких десятилетий Китайская Народная Республика проводит успешную политику на Африканском континенте благодаря своим механизмам политического взаимодействия.

Основным инструментом КНР является дипломатическая активность в Африке. Заслуживает внимания довольно разветвленная система представительств Китая в странах Африки: посольства, бюро торговых и экономических советников, культурные центры, торговые представительства. На территории Африки существует 47 посольств, два консульства и шесть генеральных консульств [165]. Представительства КНР отсутствуют в непризнанных или

частично признанных государствах, например, Сомалиленд. Или если государство имеет дипломатические отношения с Тайванем, что делает невозможным сотрудничество с КНР, это, например, Буркина-Фасо или Сан-Томе и Принсипи.

Важным механизмом для постоянного поддержания отношений Китая и африканских стран являются регулярные обмены государственными визитами на высшем и высоком уровнях (так называемые турне дружбы и сотрудничества), а также встречи представителей бизнеса, диаспор, региональных организаций. Если ранее эти визиты носили чисто декларативный характер и свидетельствовали о поддержке Пекином антиколониальной борьбы, то сегодня это более конкретные визиты, во время которых подписываются многомиллионные контракты. Цели встреч разнообразны. Сотрудничество партнеров затрагивает политическое взаимодействие, различные консультации и механизмы сотрудничества, экономическое взаимодействие (сельское хозяйство и продовольствие; промышленность; развитие инфраструктуры; полезные ископаемые и природные ресурсы; морские пути; туризм; инвестиции и экономическое сотрудничество; торговля; финансы), социальное сотрудничество (медицинское обслуживание; образование и поддержка человеческих ресурсов; обмен опытом по искоренению бедности; наука, технологии и обмен ими; защита окружающей среды и меры по предотвращению изменения климата); сотрудничество в области культуры и обмена кадрами (культура; средства массовой информации; обмены кадрами); сотрудничество в области безопасности (армия, полиция и антитеррористические действия; консульские, миграционные, юридические и правовые иски), международное сотрудничество, форум сотрудничества Китай – Африка [166].

Китайская ресурсная дипломатия в этом регионе, как и в других развивающихся странах, придерживается стандартов уже существующей там дипломатической практики. Кроме благоприятных отношений с правительствами посредством торговых сделок и инвестиционных проектов, эта дипломатия предусматривает списывание долгов и оказание помощи, а также создание возможностей для своих нефтяных компаний развивать специальные контрактные договоренности (например, создание фондов китайских

компаний для строительства железных дорог, школ, автодорог, больниц, прокладывание оптоволоконных линий и линий телефонной связи, а также развитие здравоохранения и образования, подготовка кадров, иногда даже для военной сферы). Все строится на китайские деньги, в основном китайскими фирмами и китайскими рабочими. Так Китай поддерживает собственных предпринимателей, не забывая о внутреннем развитии.

Финансовая поддержка в виде новых дипломатических инициатив Китая (в частности, льготные беспроцентные кредиты или безвозмездные субсидии, чтобы получить доступ к огромным африканским сырьевым богатствам) вызывает критику со стороны Запада. Китайская дипломатическая и инвестиционная активность на Африканском континенте налицо. В 2008 г. прямые инвестиции Китая составили 7,8 млрд долл., масштаб торговли увеличился за последние десять лет в 10 раз.

В большинстве африканских стран открыты культурные центры. Самым популярным и самым известным является Институт Конфуция, целью которого является популяризация китайского языка, образования, архитектуры, музыки, пищи, верований, стиля жизни и т. д. и КНР.

С 2000 г. новым эффективным механизмом развития отношений Китая с африканскими странами является Форум сотрудничества Китай – Африка. Уже в ходе первой конференции была принята Пекинская декларация и Программа китайско-африканского сотрудничества по вопросам социального и экономического развития, которая предусматривала увеличение помощи КНР странам Африки, сокращение долгового бремени 31 африканской страны на 1,27 млрд долл. [167]. Практически все обязательства китайской стороны, принятые в ходе форума, были выполнены. Итоги всех последующих министерских встреч свидетельствуют о том, что Китай серьезно заинтересован в развитии связей с африканскими государствами. Сегодня в партнерство с КНР вовлечено более 50 стран континента, а африканское направление считается приоритетным вектором внешней политики КНР.

Очевидная успешность стратегического партнерства КНР с Африкой во многом объясняется четкой позицией, которую в одном из своих визитов обозначил еще Ху Цзиньтао: «Китай не

вмешивается во внутренние дела других государств», имея в виду вопросы демократии и права человека. По мнению директора исследований по Африке лондонского исследовательского центра Economist Intelligence Unit П. Тэкера, «Китай пришел в Африку, потому что другие регионы были для него закрыты. На Ближнем Востоке доминируют американцы, поэтому Пекину ничего не оставалось, кроме как искать регион, в котором мало кто был на самом деле заинтересован. Ему пришлось идти в Африку и договариваться как с демократами, так и с диктаторами. И сейчас, когда Китай здесь усилился, это вызывает серьезные опасения в Вашингтоне и в европейских столицах, которые привыкли к тому, что именно они оказывают влияние на дела в Африке. Тут же появляется третья сила, из-за которой весь геополитический расклад меняется» [168].

Растущие потребности Китая в импорте нефти выводят вопрос энергетической безопасности Китая на первое место. Китайская энергетическая дипломатия проводится двумя взаимозависимыми путями: первый – через национальные нефтяные компании, вовлеченные в обоюдные инвестиционные отношения с международными нефтяными (и газовыми) индустриями (например, с Саудовской Аравией), второй – через политические отношения со странами – экспортерами нефти и газа, ограничиваясь соглашениями с правительствами о поставках нефти и газа (например, с Россией). Оба способа обычны для современной нефтяной индустрии, хотя политический оттенок этих отношений вызывает особое беспокойство не только в политических кругах США, но и в других странах.

Республика Судан относится к числу ведущих китайских партнеров в Африке. Китай – главный потребитель суданской нефти и самый крупный инвестор в экономику страны. Объем сделок Китая с Суданом составляет 70–80 % от всего суданского нефтяного экспорта. Судан – третий по величине торговый партнер Китая в Африке. Китай – самый крупный торговый партнер Судана. Но деятельность Китая в Судане подвергается критике на Западе и неоднозначно воспринимается местным населением.

Больше всего развитые страны беспокоит готовность Пекина сотрудничать с любыми политическими режимами в обмен на гарантированные поставки нефти, не обращая внимания на со-

блюдение прав человека или на гражданские свободы. Однако для Китая приоритетом являются не права человека и свободы, а повышение уровня жизни населения и независимости национальных правительств. Именно этого удалось достичь самому Пекину без политических реформ. Китай не только стал главным потребителем суданской нефти, но и сделал много полезного для суданской экономики.

Каковы же цели Китая в отношении Судана? Да те же, что и в Африке вообще: наладить бесперебойные поставки энергоносителей, снизить влияние на континент Тайваня, усилить и без того быстро растущее глобальное влияние «китайского дракона». Китайская стратегия заключается в том, чтобы приобрести максимальное влияние в Судане в тот момент, пока он находится в международной изоляции. И в этом смысле Пекин заинтересован, чтобы у власти как можно дольше оставалось нынешнее правительство, которое вызывает на Западе аллергию. Китайцы понимают, что если на смену ему придут более умеренные политические силы, в Судан вернутся западные компании, и Китай утратит свое монопольное положение на местном нефтяном рынке. Опасаясь такого сценария, китайцы лихорадочно инвестируют в экономику страны, чтобы укрепить здесь свои позиции и встретить конкурентов во всеоружии. Китай строит в Судане дамбы и мосты, вкладывает деньги в систему электроснабжения, химическую промышленность. Дальновидность Китая пугает и поражает одновременно.

Несмотря на то, что торговля оружием не является основным инструментом китайской дипломатии и в этой области Китай не конкурирует с главными экспортерами оружия из Северной Америки и Европы, он нашел свою нишу на этом рынке в Судане. Китай игнорирует введенное ООН эмбарго на поставки вооружений в Судан и продолжает снабжать правящий режим огнестрельным оружием. Суданское правительство продает Китаю нефть и на полученные деньги покупает у него ружья и автоматы, чтобы обеспечить контроль над энергоресурсами страны. Их объединяет простая коммерческая формула: нефть в обмен на вооружения.

Мировое сообщество пытается остановить продолжающуюся гуманитарную катастрофу в Судане. Гражданская война в Дарфу-

ре, в которой правительственные силы и отряды наемников противостоят многочисленным повстанческим группировкам, добивающимся большей независимости для провинции, продолжается с февраля 2003 г. За это время погибли около 200 тыс. человек, более 2,5 млн стали беженцами. ООН и правозащитные организации называют ситуацию в Дарфуре самым серьезным гуманитарным кризисом в мире на сегодняшний день и обвиняют правительство Судана в том, что оно не обеспечивает защиту гражданского населения в Дарфуре.

Значительная часть западных правозащитников считает, что Китай несет часть ответственности за преступления в Дарфуре, так как поддерживает суданский режим. В чем реализуется эта поддержка? Китай защищал Судан от гнева международной общественности, вызванного убийством милицией «Джанджавид» в Дарфуре сотен тысяч людей. В 2004 г. Китай предотвратил введение против Судана санкций, угрожая наложить вето на резолюцию Совета Безопасности ООН. Китай инвестирует в нефтедобычу в Судане и закупает большую часть добываемой в стране нефти. Китай продает Судану оружие.

ООН настойчиво призывает Китай, используя свой статус постоянного члена Совета безопасности, оказать влияние на правительство Судана в прекращении насилия и восстановлении мира в стране. Изначально Китай, воспользовавшись правом постоянного члена Совета Безопасности ООН, блокировал принятие резолюции, осуждающей геноцид в суданской провинции Дарфур, так как этому противился сам Судан. Китайские дипломаты отстаивали интересы суданского правительства в Совете Безопасности ООН, поддерживая суданского президента. Так китайцы надеялись укрепить свои позиции среди местных элит, опасаящихся «гуманитарных интервенций» [169]. В данном контексте не вызывает сомнения тот факт, что китайский принцип невмешательства во внутреннюю политику других государств и готовность защищать суверенитет африканского государства на международной арене делает из Китая популярного лидера развивающегося мира, способного постоять за интересы стран Юга.

ООН искала поддержки Китая, пытаясь восстановить мир в Судане и с помощью существующих, но слабо экипированных

сил Африканского Единства. Западные страны и представители правозащитных организаций резко критиковали позицию Китая, который сначала заявил, что хочет размещения в Дарфуре миротворческих сил ООН. Он назвал этот проект «хорошим и реалистичным» и призвал к тому, чтобы провести его в жизнь «как только это окажется возможным». А затем отклонил план ООН по вводу в Дарфур миротворческой миссии без согласия суданских властей. Китай не поддержал резолюцию, поскольку правительство Судана еще не готово было принять на своей земле контингент ООН. Однако Судан отказывался разместить у себя миротворческие войска, ссылаясь на то, что международное сообщество не оказывало на него никакого воздействия в этом направлении. Согласиться на ввод войск ООН правительство Судана призывали США и их европейские партнеры. Но Китай, вложивший в нефтяные месторождения Судана немалые средства и вследствие этого имеющий на эту страну огромное влияние, так и не подтолкнул его правительство к тому, чтобы принять этот план и ввести в страну войска. Оставаясь верным своей политике невмешательства, Китай утверждал, что Судан – суверенное государство и КНР не может предписывать его властям линию поведения.

Еще накануне поездок китайских высших лиц в Африку в 2007 г., Великобритания официально заявляла, что «самая большая задача для Китая, используя свое большое влияние, оказать давление на Судан с тем, чтобы он прекратил воздушные налеты на провинцию Дарфур, а также призвал руководство страны впустить миротворческий контингент ООН в зону конфликта» [170].

Представители международной правозащитной организации Human Rights Watch постоянно призывали повлиять на решение руководства Судана принять миротворческие силы ООН. Организация настоятельно рекомендовала Китаю:

- поддержать меры ООН против официальных лиц Судана, ответственных за «дарфурскую политику»;
- порекомендовать правительству Судана перевести часть доходов от добычи нефти «жертвам жестокого обращения»;
- проследить за прекращением использования оружия, переданного, по мнению Бюро, Судану и применявшегося в Дарфуре;

– соблюдать права человека из числа местного населения, которое находится в районах добычи нефти китайскими компаниями [170].

Наконец, в ответ на международную критику Китай несколько изменил свою политику. В 2007 г. Китай призвал власти Судана принять план ООН по урегулированию ситуации в провинции Дарфур. С тех пор китайцам ставят в заслугу, что они смогли уговорить президента Омара аль-Башира согласиться на введение международных миротворческих сил и подтолкнули правительство Судана к более позитивной политике [171]. Возможно, в то время на изменение позиции китайской дипломатии повлиял и призыв о бойкоте Олимпиады в Пекине из-за политики Китая в отношении Судана.

В последнее время роль китайской дипломатии в Судане оценивают довольно высоко, называя ее конструктивной. Сегодня Китай занимает более ответственную позицию по отношению к Судану, который отмечает огромную роль Китая в мирном процессе в стране. Китай занимает весьма ясную позицию в отношении существующих в Африке проблем, всеми силами содействует достижению консенсуса между различными группировками, вносит вклад в достижение всеобъемлющего мирного соглашения между Севером и Югом Судана. Кроме того, Китай является страной, оказывающей наибольшую гуманитарную помощь Судану. К настоящему времени Пекин уже передал на нужды района Дарфур 140 млн юаней, а также направил своих миротворцев в состав смешанных сил. При этом соглашения с африканскими государствами не связаны никакими политическими условиями – Китай не выдвигает требований о демократическом обществе, борьбе с коррупцией, соблюдении прав человека и рыночной экономики. Единственное требование к африканским странам, выдвигаемое КНР в обмен на свою помощь, – признать принцип «одного Китая». Долгие годы Тайваню удавалось благодаря более эффективной «дипломатии кредитов» удерживать целый ряд африканских стран в орбите своего влияния. Со временем, благодаря развитию экономики КНР, ее помощь стала более привлекательной, и многие страны континента поменяли свою позицию по «тайваньскому вопросу». Большую роль здесь сыграл и тот факт, что КНР стала постоянным членом Совета

Безопасности ООН. Представляя почти треть членов ООН, африканские государства поддерживают Пекин в «китайском вопросе». Например, при голосовании по «китайскому вопросу» в Комиссии ООН по правам человека в 90-е гг. антикитайская резолюция по правам человека, выдвигаемая западными странами, не была принята семь раз во многом благодаря поддержке африканцев. В 1997 г. в ходе 53-й сессии Комиссии резолюция была отклонена 27 голосами против 17, причем 14 стран (более 50 %), поддержавших КНР, были африканскими.

Задача, стоящая перед Китаем и другими странами-потребителями (включая и США), состоит в объединении усилий по совместному разрешению политических и социальных проблем, которые возникают во многих нефтяных государствах мира. Ситуация с Суданом привела к бурным дискуссиям в самом Китае по поводу того, что значит для китайской дипломатии быть великой ответственной державой, имея статус постоянного члена Совета Безопасности. Как видим, Пекин понимает, что растущее влияние в Африке накладывает на него и немалую ответственность. Пекин становится законодателем стандартов сотрудничества в Африке и Латинской Америке, которые станут для него предметом национальной гордости и принесут немалые внешнеполитические преимущества.

Вопросы и задания

1. Определите основные этапы эволюции отношений Китая и стран Африки. В чем заключается тактика экономической стратегии Китая в Африке? Можно ли отношения Китая и Африки называть взаимовыгодными? Обоснуйте свой ответ.

2. В чем заключаются политико-стратегические аспекты политики Китая в Африке?

3. Изучите результаты Йоханнесбургского саммита в рамках Форума по китайско-африканскому сотрудничеству (2015). Что такое «пять опор» китайско-африканского сотрудничества и 10 приоритетных планов сотрудничества?

4. Исследуйте особенности современного этапа развития отношений стратегического партнерства между ЮАР и КНР. В чем их уникальность?

5. Проанализируйте партнерские отношения Китая с «сомнительными» африканскими режимами (Ангола, Конго, Зимбабве).

Рекомендуемая литература и источники

Африканская экспансия Китая [Электронный ресурс]. URL: <http://rossaprimavera.ru/article/afrikanskaya-ekspansiya-kitaya>.

Бергер Я. М. Экономическая стратегия Китая / Я. М. Бергер. М. : ИД «ФОРУМ», 2009. 560 с.

Нике В. Стратегия Китая в Африке / В. Нике [Электронный ресурс]. URL: <http://www.diplomatie.gouv.fr/IMG/pdf/0805-Niquet-RUS.pdf>.

Дегтерев Д. А. Китай – Африка: важные аспекты отношений / Д. А. Дегтерев // Мировая экономика и международные отношения. 2005. № 5. С. 84–91 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.old.mgimo.ru/files/34539/34539.pdf>

Дейч Т. Л. Африка во внешнеполитической стратегии Китая (конец XX – начало XXI вв.) / Т. А. Дейч [Электронный ресурс]. URL: http://www.inafran.ru/sites/default/files/page_file/autoreferat_deich.pdf.

Саммит Форума китайско-африканского сотрудничества и Визит в ЮАР [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.news.cn/enleaders/xjpcf20151130/zfhzlt.htm>

Штина Ю. В. Становление и развитие отношений между КНР и ЮАР (1998–2012 гг.) / Ю. В. Штина [Электронный ресурс]. URL: <http://cheloveknauka.com/stanovlenie-i-razvitie-otnosheniy-mezhdu-knr-i-yuar>.

Глава 10. Китайская политика «соседства»

Китай окружает наибольшее в мире число стран. Его сухопутные границы составляют свыше 22 тыс. км, морская береговая линия – 18 тыс. км; примерно 30 стран находятся с ним по соседству, а 14 государств непосредственно граничат с КНР. У многочисленных соседей своя история, религия, национальности, политика, экономика, общество и культура. Обилие исторических традиций, многообразие культур и вероисповеданий, различие в социальном строе и уровне развития предопределяют своеобразие и сложность отношений Китая с сопредельными странами, особую важность внешней политики Китая в этом направлении.

Особое внимание со стороны китайского руководства всегда уделялось развитию отношений с соседними странами, которые «являются в определенной степени гарантами успешного решения задач экономического развития и поддержания стабильной внешней среды, лежащей в основе безопасности самого Китая и его соседей» [172]. С точки зрения политики, соседние государства являются главной опорой в деле защиты суверенитета, прав и интересов Китая, проявления его роли на международной арене. С точки зрения экономики, сопредельные страны – важные партнеры в проведении Китаем политики реформ и открытости, а также в развертывании взаимовыгодного сотрудничества. С точки зрения безопасности соседи создают непосредственные внешние условия для поддержания социальной стабильности, внутреннего национального согласия. Несмотря на то, что в разные периоды китайская политика в отношении соседних стран имела отличительные черты, неизменным остается основной курс на дружбу и добрососедство. Китай прилагает активные усилия для создания гармоничного окружения, базирующегося на основе долговременного мира и общего процветания.

Отношения Китая с соседями приобрели мирный характер после провозглашения КНР в 1949 г. Именно тогда был заложен основательный дипломатический фундамент отношений добрососедства и дружбы.

Изменения международной ситуации, в первую очередь исчезновение менталитета холодной войны, стали ключевыми причина-

ми улучшения отношений Китая с соседними странами. «Международный климат полностью изменился после окончания холодной войны, поскольку страна больше не рассматривается как враг или друг по ее политической модели. Это помогло Китаю восстановить отношения с ее соседями», – так сформулировал официальную позицию заместитель ответственного секретаря Китайской ассоциации по контролю и сокращению вооружений Тэн Цзяньцзюнь. Прагматичный подход китайское руководство нашло и в решении пограничных проблем: «Руководствуясь внешнеполитическим курсом на установление дружественных добрососедских отношений и партнерства с соседними странами, Китай готов урегулировать пограничные проблемы путем переговоров, консультаций и отказа от применения силы. Быстроразвивающаяся экономика укрепила уверенность Китая, который четко исполняет свое обещание вести курс на «мирное развитие» [173].

Китаю необходимо обеспечить мирное сосуществование со своими соседями для того, чтобы сосредоточиться на своем экономическом развитии, эффективно справиться со своими внутренними проблемами, которые могут привести к нестабильности и социальным потрясениям. Для Китая важно избежать сдерживания своего экономического развития со стороны соседних государств, от чего в большей степени и зависит его легитимность и репутация на международной арене. Все это исходит из логики внешней политики Китая, которая основывается на нескольких факторах: это создание привлекательного внешнего облика параллельно с принуждением соседей к экономическому сотрудничеству и противодействием геополитическим конкурентам. КНР тщательно оберегает свой имидж на мировой арене, активно финансируя различные проекты, щедро помогая развивающимся экономикам и зорко следя за исполнением этих проектов. Вряд ли вы найдете примеры совместных проектов, не реализованных по вине китайской стороны.

Расширяя свое влияние, не конфликтуя с США и Россией, с помощью «мягкой силы», Китай притягивает к себе Среднюю Азию, в частности постсоветские республики. Яркий тому пример – трубопровод, соединивший КНР, Казахстан, Узбекистан, Туркмению.

Самые впечатляющие изменения происходят в китайской дипломатии в Восточной Азии. Китай расширяет и усиливает свои

двусторонние отношения, широко участвует в многосторонних процессах и принимает не только активное, но и конструктивное участие в региональных организациях. За последнее десятилетие Китай существенно изменил свое первоначально осторожное отношение к этим организациям и считает их сегодня эффективным элементом своей дипломатии.

Китайские региональные отношения также привязаны к его политике партнерства. Индия, Пакистан и Индонезия уже являются стратегическими партнерами Китая, а его отношения с Филиппинами и Таиландом выросли до уровня стратегической кооперации и стремительно движутся к достижению стратегического партнерства. Таким способом Китай выражает в соседних государствах свои негегемонистские цели, которые подкрепляются и усиливаются концепцией «мирного развития», особенно в Юго-Восточной Азии.

Несомненно, что такой подход был разработан как часть сдерживающей стратегии Китая с целью исключения возможного союза государств данного региона с США. Ожидалось, что вступление Китая в ВТО, а именно приобретение некой региональной ответственности, негативно отразится на экономике стран АСЕАН, поставив экономику региона в положение, зависимое от состояния экономики Китая. Китай же в свою очередь полагал, что вступление в ВТО подтолкнет правительства стран Юго-Восточной Азии к союзу с США (или против Китая). В качестве противовеса была предложена идея создания единого торгового пространства странами АСЕАН и вхождения туда Китая, а также соглашение о свободной торговле с АСЕАН, что в конечном счете оказалось взаимовыгодным, хотя не все изначальные опасения со стороны АСЕАН развеяны до сих пор.

Еще совсем недавно государства – члены АСЕАН смотрели на изменяющийся Китай как на основной источник угрозы безопасности в регионе, и небезосновательно. Беспокорство вызывали его растущие военные расходы; территориальные претензии на часть Южно-Китайского моря и нежелание их уступать; периодическое использование военной силы для разрешения тех или иных проблем (Южный Вьетнам в 1974 г.). Не были понятны истинные намерения китайского руководства в отношении региона. Китай

казался потенциально опасным врагом. Союз с США для АСЕАН мог стать противовесом Китаю. В то время как раз произошло закрытие американских военных баз на Филиппинах (1991), и отношение США в контексте обеспечения стабильности и безопасности в Юго-Восточной Азии было неопределенным.

В контексте сближения Китая с Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии американская составляющая не была единственной. Китай способствовал скорейшему политическому урегулированию кампучийской проблемы, способствовал разрешению конфликта между Вьетнамом и Индокитаем. Внешняя политика Китая стала приоритетной в создании благоприятных условий для китайских реформ и обеспечила выход КНР на уровень основных игроков, которые структурируют международную систему, а не просто реагируют на происходящие в ней процессы. Исчезновение идеологической составляющей в политике Пекина также способствовало развитию двусторонних связей между Китаем и странами АСЕАН. Начало XXI в. стало настоящим дипломатическим прорывом в отношениях со странами АСЕАН.

Между ними были подписаны следующие документы:

- Декларация о правилах поведения в Южно-Китайском море;
- Совместная декларация о сотрудничестве в сфере нетрадиционной безопасности;
- Рамочное соглашение о комплексном экономическом сотрудничестве;
- Меморандум о взаимопонимании в вопросах сельского хозяйства.

В октябре 2003 г. КНР присоединилась к Договору АСЕАН о дружбе и сотрудничестве (став первым участником договора, который находится вне данного региона), а также подписала совместную декларацию между Китаем и АСЕАН о стратегическом партнерстве ради мира и процветания. Китай своими конкретными действиями дал обещание АСЕАН и миру, что как развивающаяся крупная держава всегда будет хорошим соседом, другом и партнером государств АСЕАН, достойным их доверия и сотрудничества.

Но, несмотря на все позитивные изменения, достигнутые в отношениях между КНР и АСЕАН, последняя все еще не чувствует себя уверенно перед растущей мощностью своего партнера, кото-

рый всеми способами пытается убедить мировое сообщество, что именно он может выступить главным гарантом мира и стабильности, по крайней мере, в региональном масштабе. Скорее всего, Китай рассматривается в качестве одного из самых выгодных экономических партнеров в регионе, с которым можно и нужно вести политический диалог.

Китай является участником региональных экономических организаций и организаций по безопасности, проводит у себя встречи АТЭС, основал Боаоский азиатский форум⁵. С каждым годом форум становится все более широкой и влиятельной международной платформой общения в Азии, и к нему прикованы взоры всего мира. Китай активно участвует в Региональном форуме АСЕАН, выступая с предложениями по вопросам безопасности, которые ранее обсуждал крайне неохотно.

После распада СССР Китай выступил инициатором создания многосторонней Шанхайской организации сотрудничества, которая изначально задумывалась для решения пограничных вопросов между Россией, Китаем и государствами Центральной Азии. Сегодня ШОС выросла в значимую многостороннюю организацию, решающую вопросы региональной безопасности, включая религиозный экстремизм и терроризм, наркотрафик, контрабанду оружием, а также экономические и энергетические вопросы. Сегодня Пакистан, Индия, Монголия и Иран принимают участие во встречах ШОС. ШОС важен для Китая, как пример успешного взаимодействия страны с другими странами азиатского региона, с которыми ранее были трения и напряженные отношения. Успех деятельности ШОС и конструктивная позиция Китая в организации будут реальным доказательством другим странам региона, что Китай как

⁵ Город-порт Боао расположен в пригороде г. Цюньхай, который находится в восточной части о. Хайнань, стал оживленным городом только в 2000 г., когда здесь впервые собрались лидеры стран Азии. За одну ночь 18 ноября 2000 г. этот маленький городок превратился в туристическую достопримечательность. Тогда со всего мира сюда съехались политики, чиновники, ученые и эксперты, чтобы обсудить вопросы развития Азии. Было решено, что отныне здесь, на острове Dong Yu (Дун Юй), в здании собраний, будет проводиться Форум стран Азии – Boao Forum For Asia. Собрание Азиатского форума – это международная организация, являющаяся неофициальной, некоммерческой, но с утвержденными временем и местом проведения (КНР, Боао, остров Дун Юй). С 1998 г. эта организация получила активные отзывы многих азиатских стран-участниц.

региональный лидер способен к диалогу и сотрудничеству по всему спектру проблем региона.

Китай – активный участник новой международной организации Совецание по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА). Это международный форум, объединяющий государства азиатского континента, который ставит перед собой задачу укрепления взаимоотношений и сотрудничества азиатских государств в целях обеспечения стабильности и безопасности в регионе. Форум получил широкое признание и поддержку мирового сообщества и становится все более заметным фактором на международной арене. В настоящее время членами СВМДА являются 17 государств, представляющих азиатский континент: Исламская Республика Афганистан; Азербайджанская Республика; Арабская Республика Египет; Республика Индия; Государство Израиль; Исламская Республика Иран; Республика Казахстан; Китайская Народная Республика; Республика Корея, Кыргызская Республика; Монголия; Исламская Республика Пакистан; Палестинская Автономия; Российская Федерация; Республика Таджикистан; Турецкая Республика; Республика Узбекистан.

Статус наблюдателей в СВМДА имеют девять государств: Австралия; Социалистическая Республика Вьетнам; Республика Индонезия; Ливанская Республика; Малайзия; Соединенные Штаты Америки; Королевство Таиланд; Украина; Япония. В СВМДА участвуют Организация Объединенных Наций; Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе; Лига арабских государств; Центрально-Азиатское экономическое сообщество.

Как уже отмечалось выше, Китай также высказывается за преобразование Шестисторонних переговоров по ядерной проблеме в Северной Корее в постоянную структуру для обсуждения сотрудничества по безопасности в Северо-Восточной Азии.

Проблема принадлежности двух архипелагов Парасель и Спратли в Южно-Китайском море – одна из наиболее опасных конфликтных ситуаций в Юго-Восточной Азии, характеризующаяся высокой степенью военно-политической напряженности. Проблема до сих пор не разрешена, а временами принимает характер жесткого противостояния, близкого к открытой военной конфронтации. Претензии на обладание всеми островами, атоллами и рифа-

ми группы Спратли и Парасель выдвигают Вьетнам, Китай и Тайвань. Филиппины претендуют на островные группы, которые находятся в северо-восточном архипелаге Спратли. Малайзия и Бруней претендуют на рифы и атоллы, которые расположены в пределах их континентального шельфа и исключительных экономических зон. Сфера интересов и юрисдикции Индонезии непосредственно граничит с районом Спратли. Урегулирование же давнего спора вокруг архипелага Спратли осложняется наличием большого количества претендентов, которые имеют массу взаимно перекрещивающихся и накладывающихся друг на друга территориальных претензий. Ситуация в регионе обостряется еще из-за того, что непосредственным и весьма активным участником конфликтов в Южно-Китайском море является Китай. В вопросе о Парасельских островах Китай, не отступая от той предпосылки, что острова принадлежат ему, делал все возможное, чтобы прийти к взаимопониманию с заинтересованными государствами, уменьшая вероятность вооруженного конфликта из-за этого территориального спора.

Озабоченность Китая по поводу так называемой китайской угрозы и желание не давать более почвы для ее распространения привели к таким конструктивным шагам, как подписание в 2002 г. Декларации о поведении сторон в Южно-Китайском море для решения там территориальных споров. Предотвращение таких конфликтов превращается в насущную необходимость для стран региона, а также главных мировых держав в ближайшие годы. Продвижение делового сотрудничества в Южно-Китайском море имеет весьма важное значение для содействия стратегическому партнерству Китая и АСЕАН. Стороны Декларации согласились обеспечить мир и стабильность в этом регионе и готовы прилагать совместные усилия по превращению Южно-Китайского моря в зону мира, дружбы и сотрудничества. В 2005 г. нефтяные компании Китая, Вьетнама и Филиппин подписали соглашение о совместных геологоразведочных работах в Южно-китайском море, что рассматривалось как определенный прорыв в разрешении территориального диспута и доминирование идеи совместного использования углеводородных и других ресурсов моря.

Дальнейшим значительным шагом в развитии китайской международной дипломатии стали переговоры по спорным границам

со многими своими соседями. Китай делает все возможное, чтобы стабилизировать обстановку вокруг своих границ. Согласно данным Белой книги «Национальная оборона КНР – 2006», Китай подписал с 12 странами-соседями договоры или соглашения о сухопутной границе, решив с ними оставленные историей пограничные проблемы.

Одной из самых важных и сложных проблем в отношениях между Индией и Китаем на протяжении последних 50 лет остается неразрешенный территориально-пограничный спор, который затрагивает и другие проблемные вопросы в отношениях двух государств. События последних лет подтвердили, что позиции Китая и Индии претерпели определенные изменения. Государствам нужны мир и стабильность в районе границы, поэтому они стараются направлять переговоры по урегулированию территориально-пограничного спора в русло установления более тесных контактов для разрешения накопившихся проблем. В течение последнего десятилетия ситуация на индийско-китайской границе остается стабильной, наблюдается отсутствие напряженности и мир в пограничной зоне. Китай путем внешнеполитических и дипломатических усилий добился прорыва по вопросу демаркации границы и принадлежности части территории в районе Джамму и Кашмир, Тибете, сблизил позиции по вопросам безопасности в акватории Тихого и Индийского океанов. Урегулирован вопрос по спорным участкам границы с Республикой Вьетнам и Российской Федерацией.

Таким образом, компромиссы, к которым пришел Китай в урегулировании пограничных споров, способствовали реальному взаимодействию с соседними странами на региональном уровне и укреплению доверия к его концепции мирного развития.

Наряду с экономическим ростом оказание безвозмездной помощи в различной форме стало еще более значимым инструментом китайской дипломатии. В этом для КНР есть определенная выгода, например так называемая «покупка» поддержки Китая на форумах ООН в сфере прав человека. Расширяется доверие и в военно-политической области в виде военно-технического сотрудничества (поставки вооружения, совместные разработки, совместные военные маневры). В случае с Мьянмой и Непалом одним из видов оказания помощи до сих пор является обеспечение этих государств

военной техникой по дружеским ценам. Это и целевые поставки вооружений, имущества в виде дара, безвозмездной помощи странам – членам АСЕАН, Камбодже, Лаосу, Мьянме, а также обучение военно-технического персонала этих стран в военных учебных заведениях Китая. Активно используется такая форма, как списание долга. В настоящее время большая часть оказываемой Китаем помощи направлена на традиционные цели, такие как инфраструктурное строительство, экономическое развитие или оказание помощи в чрезвычайных ситуациях.

Китай всегда использовал различные меры по развитию и укреплению доверия, включая постоянные встречи, ежегодные диалоги по безопасности как на официальном («первое направление дипломатии»), так и не официальном уровне («второе направление дипломатии»⁶). Китай давно уже перевел свою дипломатию

⁶ «Track Two Diplomacy» стала формироваться в конце 70-х – начале 80-х годов. Представителями второго направления в основном являются исследователи, журналисты, дипломаты в отставке. Наибольшее развитие оно получило в США, хотя в последние годы многие европейские государства, в частности Швеция, уделяют его развитию очень большое внимание. Деятельность на «втором направлении дипломатии» ориентирована главным образом на урегулирование конфликтных ситуаций.

Американский автор Дж. Монтвилл определил его как «неофициальное, неформальное взаимодействие между членами враждебных друг другу общностей или наций, целью которого является разработка стратегий, оказание влияния на общественное мнение, а также организация человеческих и материальных ресурсов, которые могли бы способствовать разрешению конфликта» (*Montville J. V. The Arrow and the Olive Branch : A Case for Track Two Diplomacy // The Psychodynamics of International Relationships. Vol. II: Unofficial Diplomacy at Work / ed. by V. Volkan, J. Montville, D. Julius. Lexington – Toronto: Lexington Books, 1991. P. 161–175*). Он сформулировал задачи данного направления: 1) формирование рабочих отношений между представителями враждующих сторон на личном уровне; 2) повышение адекватности восприятия; формирование представлений о конфликте с точки зрения противоположной стороны; 3) разработка стратегий урегулирования конфликта, но в ограниченном объеме, только как возможных вариантов решений.

Основные взаимосвязанные сферы деятельности в рамках «второго направления дипломатии»: 1) проведение неофициальных встреч (workshops) между представителями конфликтующих сторон; 2) оказание влияния на общественное мнение с тем, чтобы на уровне общественного сознания изменить образы конфликтующих сторон; 3) совместное экономическое развитие.

на уровень личных контактов, активно разворачивая дипломатию на высшем уровне. Партийные и государственные руководители Китая регулярно посещают сопредельные страны, присутствуют на саммитах региональных организаций и принимают в своей стране большое число лидеров соседних государств. Во время своих поездок за рубеж они активно стремятся убедить лидеров других стран, деловые круги и мировую общественность в мирных устремлениях Китая и огромных возможностях развивающейся экономики Китая. Эти визиты и обмены на высоком уровне дали сильные стимулы развитию добрососедских и дружественных отношений Китая с его соседями, позволили сторонам развернуть региональное сотрудничество в полном объеме, а также создали благоприятную внешнюю среду для экономического развития и строительства гармоничного общества.

Интересен опыт так называемой олимпийской дипломатии Китая, используемый для повышения своего международного авторитета. По мнению Е. Евдокимова, «опыт КНР показал, что Олимпийские игры можно считать катализатором изменения международной роли государства, инструментом повышения, а в ряде случаев, возможно, и фактором снижения его влияния на мировые процессы» [174]. Олимпийская дипломатия стала важным инструментом пропаганды взглядов китайского руководства на международные отношения.

КНР блестяще провела Олимпиаду-2008, обеспечила ее безопасность и позитивное восприятие в мире, тем самым продемонстрировала успехи развития Китая на всех этих направлениях. Присутствие на церемонии открытия более 80 глав государств и правительств расценивается в самом Китае, да и не только, как закономерный успех его внешней политики.

Китай всегда искал возможности развития механизмов «мягкой силы» с помощью культурной дипломатии. Популяризация

Представители «второго направления дипломатии» подчеркивают, что в отличие от официальной дипломатии здесь исключаются принудительные и директивные меры, в том числе санкции или иные средства оказания давления. Главная задача – создать благоприятные условия для улучшения взаимопонимания между сторонами и нахождения ими самими решения в той или иной ситуации.

китайской культуры за рубежом находит свое отражение в расширении обменов в образовании и открытии Институтов Конфуция в разных странах мира. Проведение Олимпийских игр также использовалось Пекином для пропаганды китайских ценностей и мировидения. С целью развития интереса других государств к Китаю была осуществлена эстафета олимпийского огня под лозунгом «Journey of Harmony» (эстафета гармонии) по пяти континентам. Показателем внимания к проблемам окружающей среды стали в преддверии Олимпиады кампании по озеленению городов, борьбе с загрязнением воздуха, закрытию вредных производств, увеличению штрафов за вредные выбросы. Так Китай демонстрировал всему миру успехи науки и техники, повышение эффективности производства, комплексной мощи КНР на пути к «гармоничному обществу».

В Китае, да и во всем мире, сегодня активно обсуждается понятие «ответственной державы» и роль Китая в создании гармоничной системы международных отношений, в которой каждое государство могло бы развиваться стабильно. Проведение Олимпийских игр умело использовалось китайским руководством для демонстрации своей «ответственности». Как описывалось выше, в преддверии Олимпиады на Китай оказывалось давление в связи с его политикой на тибетском, тайваньском и дарфурском направлениях. В ответ Пекин развернул обширную кампанию по защите Олимпийских игр от политизации. Высшее руководство КНР, Министерство иностранных дел и китайские СМИ, заручившись поддержкой Международного олимпийского комитета, призывали мировое сообщество оградить Олимпийские игры от политики.

В день открытия Олимпиады Китай сдержанно отреагировал на агрессию Грузии в Южной Осетии. Прагматичность китайской дипломатии очевидна: 1) проблема не затрагивала непосредственно китайские национальные интересы; 2) предвидя опасность конфронтации с Западом, Пекин уклонился от активного выражения своего отношения к ситуации в Закавказье, заняв позицию беспристрастного наблюдателя и гаранта равных возможностей для всех участников международных отношений.

Рассмотренные конкретные примеры деятельности китайской дипломатии выявляют ее очевидную особенность – конструктив-

ность и рациональный подход, благодаря которым Китай обладает все большим влиянием на международной арене и занимает все более весомое место в мире.

Однако не следует забывать о том, что и у его соседей в силу их национальных и религиозных проблем возникают новые противоречия, существуют большие различия в уровне социально-экономического развития, еще окончательно не разрешены споры по некоторым территориальным правам и интересам. Поэтому внешняя политика Китая в отношении сопредельных стран столкнется с новыми испытаниями в процессе ее реализации.

Вопросы и задания

1. В тематических обсуждениях китайскими экспертами используется понимание «соседства» как в узком, так и в широком смысле. Что означает такая трактовка «соседства»?

2. Ключевая идея китайской дипломатии по отношению к сопредельным странам имеет две основные формулировки, а именно «добрососедство и партнерство», включающие в себя термины «дружественность, безопасность, обогащение». Объясните смысл этих терминов.

3. Китай и Индия – соседи и быстроразвивающиеся сверхдержавы – связаны довольно непростыми отношениями. Какие общие интересы сближают двух азиатских гигантов? Какие проблемы в двусторонних отношениях остаются? Как они решаются?

4. Китайская дипломатия в Центральной Азии является частью глобальной внешнеполитической стратегии КНР. Обозначьте основные приоритеты и задачи глобальной внешнеполитической стратегии КНР, которые имеют непосредственное отношение к стратегии Китая в Центральной Азии. Какие факторы определяют значимость региона для КНР? Какие конкретные дипломатические механизмы использует Китай в Центральной Азии?

Рекомендуемая литература и источники

Байков А. А. Сравнительная интеграция. Практика и модели интеграции в зарубежной Европе и Тихоокеанской Азии / *А. А. Байков.* М. : Аспект Пресс, 2012. 256 с.

Китай в мировой и региональной политике (История и современность). Выпуск XX / отв. ред.-сост. Е. И. Сафронова. М. : РАН. Ин-т Дальн. Востока, 2015. 376 с.

Чэнь Чжихао. Китай и Индия: отношения, вызовы, перспективы / Чэнь Чжихао [Электронный ресурс]. URL: <http://www.geopolitica.ru/article/kitay-i-indiya-otnosheniya-vyzovy-perspektivy#.WNKmyG-LTcs>.

Каукенов А. С. Особенности китайской дипломатии в Центральной Азии / А. С. Каукенов [Электронный ресурс]. URL: http://2004-2010.iwep.kz/index.php?option=com_content&task=view&id=1498&Itemid=44.

Кокарев К. А. Особенности и перспективы развития китайской политики «соседства» / К. А. Кокарев [Электронный ресурс]. URL: <https://riss.ru/actions/5821/>.

Шелковый путь 2.0: Китай предлагает миру амбициозную стратегию. Эксперты рассказали о плюсах и минусах китайской мега-инициативы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mk.ru/politics/2016/08/18/shelkovyuy-put-20-kitay-predlagaet-miru-ambiciozuyu-strategiyu.html>.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В 1990-е гг. в мировом порядке произошли самые глубокие за все послевоенное время изменения. С распадом СССР и окончанием «холодной войны» в мире обозначились две мощные тенденции: многополярность в политике и глобализация в экономике, а также сложился серьезный дисбаланс в темпах экономического развития стран мира. Китай в этих условиях активизировал свою внешнюю политику, используя как традиционные, так и новые приемы и методы, а также диверсифицировал свои внешнеполитические и внешнеэкономические связи. Начался его планомерный и постепенный переход из статуса региональной державы к статусу державы глобальной. Поддерживая предлагаемую Россией концепцию многополярности в новом мировом порядке, Пекин утверждался в региональном превосходстве и стремился к глобальному превосходству и уровню, позволяющему соперничать в экономическом и военном плане с главным, с его точки зрения, мировым гегемоном – США.

За два последних десятилетия КНР выстроила систему партнерств с государствами различных регионов мира, в каждом из которых она ставила и выполняла свои задачи, получая запланированную выгоду. Китайская дипломатия приобрела все более выраженные прагматические очертания, основными ее задачами на современном этапе являются получение ресурсов и обеспечение благоприятных внешних условий для развития страны.

Главными в иерархии партнерств Пекина являются взаимоотношения с США, далее следует взаимодействие с ближайшими соседями по АТР, Россией, странами Европы, Центральной Азии, Латинской Америки и Африки. Значительное внимание уделяется многосторонней дипломатии в рамках международных организаций. При этом в отношениях с Россией и США присутствует наибольший элемент соперничества, в том числе в распространении своего влияния в других регионах мира.

В дипломатии в конкретных международных ситуациях Пекин использует различные приемы, в том числе стратагемы, а главной ее особенностью является наличие долгосрочного планирования и умение сочетать стратегию и гибкость в осуществлении

планов, выборе методов, плана действий. Стратегия и стратагемы применяются также в организации крупных проектов, наподобие «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути XXI века». Основными же официально декларируемыми максимумами китайской дипломатии остаются мирное сосуществование, сотрудничество и взаимная выгода, защита национальных интересов и национальной безопасности, невступление в союзы, поддержка коллективной безопасности и международного режима нераспространения ядерного оружия, а также все более активное участие в международных делах.

СПИСОК БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК

1. *Цай То*. Цюаньцюхуа гайнянь дуй Чжунго дуйвай чжаньлюди инсян – дуй гайгэ кайфанди линь ичжун шэньши [Влияние концепции глобализации на внешнеполитическую стратегию Китая – другой взгляд на политику реформ и открытости] // Цюаньцю дабяньгэ юй Чжунго дуйвай дачжаньлю [Глобальные перемены и внешнеполитическая стратегия Китая]. Пекин : Шицзе чжиши чубаньшэ, 2009. С. 3–16.

2. Совместное формирование новых партнерских отношений сотрудничества и взаимного выигрыша, создание сообщества единой судьбы : выступление председателя КНР Си Цзиньпина в ходе дебатов на 70-й Генассамблее ООН (28 сентября 2015 г., Нью-Йорк) [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.chinaembassy.org/rus/ztbd/QQ13/t1320669.htm> (дата обращения: 26.01.2016).

3. *Лузянин С. Г.* Внешняя политика Китая: региональные и глобальные аспекты : науч. сообщение на заседании Президиума Рос. академии наук 15 ноября 2011 года [Электронный ресурс]. URL: http://ras.ru/viewnumbereddoc.aspx?id=a3fef227-2eef-4ef7-a5bc-74cb0d5cd0d4&_Language=ru (дата обращения: 26.01.2015).

4. *Свешников А. А.* Концепции КНР в области внешней политики и национальной безопасности // Китай в мировой политике. М. : Моск. гос. ин-т. международ. отношений (Университет); «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. С. 93–143.

5. *Цай К. А.* Преемственность поколений в политической жизни Китая. KazNU Bulletin. Oriental series. 2012. № 3 (60). С. 45–49.

6. *Голобоков А. С.* Становление и развитие внешнеполитической доктрины Китая [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-i-razvitie-vneshnepoliticheskoy-doktriny-kitaya> (дата обращения: 12.10.2016).

7. *Лузянин С. Г.* Китай: смена поколений и внешнеполитические прогнозы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/mir-i-politika/m11-2012/16955-kitay-smenapokoleniy-i-vneshnepoliticheskie-prognozy.html> (дата обращения: 13.04.2015).

8. Цзян Цзэминь лунь ю Чжунго тэсэ шэхуэйчжун <чжуань ти чжайбянь> [Цзянь Цзэминь о социализме с китайской спецификой : сб. тематических высказываний]. Пекин : Чжуньян вэльсянь чубаньшэ, 2002. С. 520.

9. Avery Goldstein The Diplomatic Face of China's Grand Strategy: A Rising Power's Emerging Choice. // The China Quarterly. 2001. Vol. 168, December. p. 835–864.

10. Мамонов М. «Стратегия профилактики опасности» во внешней политике КНР // Международ. процессы. 2010. Т. 8, № 3 (24). Сентябрь-декабрь [Электронный ресурс]. URL: <http://www.intertrends.ru/twenty-four/005.htm> (дата обращения: 07.06.2014).

11. *Yue Keping*. Hexie shijie linian xia de zhongguo waijiao [Идеал гармоничного мира и китайская дипломатия] // Liaowang xinwen zhoukan [Еженедельный обзор периодической печати]. 2007. № 17. С. 31.

12. China's Position on Establishing a New International Political and Economic Order. 2003. August 18 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.china-un.org/eng/gyzg/wjzc/t24883.htm> (дата обращения: 21.10.2015).

13. 18 съезд КПК: новые задачи и перспективы развития : материалы ежегод. науч. конф. Центра полит. исследований и прогнозов Китая ИДВ РАН. Москва, 20 марта 2013 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ifes-ras.ru/publications/infomaterials/839-xviii-sezd-kpk-novye-zadachi-i-perspektivy-razvitiya> (дата обращения: 11.04.2016)

14. Сачко Г. В. Китай после XVIII съезда КПК: новый внешнеполитический курс или новая риторика нового лидера // Вест. Челяб. гос. ун-та. Полит. науки. Востоковедение. 2014. № 14 (343). Вып. 15. С. 123–128.

15. Си Цзиньпин. О «китайской мечте» // Китай. 2013. № 7. URL: <http://www.kitaichina.com/index.html>.

16. Сунь Жу. Китай берет курс на «новый интернационализм» / Газета «Хуаньцю жибао», Китай // ИноСМИ.ru [Электронный ресурс]. URL: <http://inosmi.ru/world/20130115/204641939.html> (дата обращения: 11.04.2016).

17. *Коваль А.* Китай: новая дипломатия с глобальными «замашками» [Электронный ресурс]. URL: http://gazeta.zn.ua/international/kitay-novaya-diplomatiya-s-globalnymi-zamashkami_.html (дата обращения: 17.05.2016).

18. *Подолько Е. О.* Китайский фактор в современных международных отношениях // Китай: угрозы, риски, вызовы развитию ; под ред. В. Михеева. М., 2005 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.carnegie.ru/ru/pubs/books/72887.htm> (дата обращения: 02.02.2016).

19. *Бергер Я.* Национализм и внешняя политика КНР [Электронный ресурс]. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=5020#top-content (дата обращения: 02.02.2015).

20. Совместное формирование новых партнерских отношений сотрудничества и взаимного выигрыша, создание сообщества единой судьбы : выступление председателя КНР Си Цзиньпина в ходе дебатов на 70-й Генассамблее ООН (28 сентября 2015 г., Нью-Йорк) [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/ztbd/QQ13/t1320669.htm> (дата обращения: 26.01.2016).

21. *Ван И.* Итоги 2014: успешный год для китайской дипломатии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ifes-ras.ru/component/content/article/36-2014-10-02-09-29-49/1334-news-141230>.

22. Стенограммы интервью Председателя КНР Си Цзиньпина корреспондентам СМИ стран БРИКС // Мин-во иностр. дел Китайской Народной Республики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/wjdt/zyjh/t1023071.shtml> (дата обращения: 12.03.2016).

23. *Кириллюк О.* Китай создает новую архитектуру мировой экономики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ictsd.org/bridges-news/китай-создает-новую-архитектуру-мировой-экономики> (дата обращения: 02.12.2015).

24. Стремиться к общему и устойчивому развитию, создавать партнерство на основе сотрудничества и взаимовыигрыша : выступление председателя КНР Си Цзиньпина на саммите ООН по развитию (26 сентября 2015 г., Нью-Йорк) [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/ztbd/QQ13/t1320665.htm> (дата обращения: 07.04.2016).

25. Видение и действие, направленные на продвижение совместного строительства «Экономического пояса Шелкового

пути» и «Морского Шелкового пути 21-го века» // Посольство КНР в РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/gdxw/t1257296.htm> (дата обращения: 22.03.2016).

26. Новый Шелковый путь: стратегические интересы России и Китая // Интервью с Чжао Хуашэном, директором Центра по изучению России и Центральной Азии Фуданьского университета, Шанхай [Электронный ресурс]. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2883#top-content (дата обращения: 04.03.2014).

27. Новые особенности дипломатии Китая с соседними странами и регионами: Расширение сотрудничества и «охлаждение» горячих вопросов [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.people.com.cn/95181/7733697.html> (дата обращения: 15.09.2014).

28. Китай стремится к развитию отношений с соседними странами // Международное радио Китая [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.cri.cn/881/2012/03/08/1s418220.htm> (дата обращения: 09.12.2014).

29. Духовная культура Китая : энциклопедия в пяти томах / гл. ред. М. Л. Титаренко. Т. 4. Историческая мысль / ред. тома М. Л. Титаренко, Л. С. Переломов, В. Н. Усов, С. М. Аникеева, А. Е. Лукьянов, А. И. Кобзев. М. : Изд-во «Вост. лит-ра РАН», 2009. 935 с.

30. *Сунь-цзы*. Трактат о военном искусстве // Искусство стратегии – древнекитайские трактаты / пер., предисл. и коммент. Н. И. Конрада. М. : Эксмо, 2007. С. 65–134.

31. *Зенгер Х. фон* Стратегемы. О китайском искусстве жить и выживать / предисл. и коммент. В. С. Мясникова : в 2-х т. М. : Эксмо, 2004. Т. 1. 512 с.

32. *Чжао Хунвэй*. Китайская дипломатия в контексте процессов взаимовлияния и соперничества в Восточной Азии. М. : МГИМО–Ун-т, 2007 [Электронный ресурс]. URL: <http://old.mgimo.ru/fileserver/books/az-21.pdf> (дата обращения: 26.05.2016).

33. Доклад Ху Цзиньтао XVII съезду КПК (15.11.2007) [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/6290221.html> (дата обращения: 03.11.2015).

34. *Мао Цзэдун*. Избр. произведения : в 4 т. М. : Изд-во иностр. лит-ры, 1953. Т. 2. 475 с.

35. *Галенович Ю. М.* Россия: взгляд из Китая. М. : Эксмо: Яуза, 2017. 320 с.

36. *Мао Цзэдун.* Избр. произведения : в 4 т. М. : Изд-во иностр. лит-ры, 1953. Т. 4. 624 с.

37. *Цзян Цзэминь.* О социализме с китайской спецификой. М. : Памятники истор. мысли, 2004. Т. II–III. 812 с.

38. *Панарин И. Н.* Информационная война, PR и мировая политика : курс лекций. М. : Горячая линия-Телеком, 2015. 352 с.

39. *Дэн Сяопин.* Вэнь сюань (Избранные произведения) : в 3 т. Бэйцзин, 1993. Т. 3. 418 с.

40. *Свешников А. А.* Проблема международной самоидентификации Китая // Усиление Китая: внутренние и международные аспекты. : тезисы докладов XV Междунар. науч. конф. : сб. в 2 ч. М. : ИДВ РАН 2005. Ч. 1. С. 143–148.

41. *Кузык Б. Н., Титаренко М. Л.* Китай – Россия 2050: стратегия соразвития. М. : Ин-т экон. стратегий, 2006. 656 с.

42. *Мясников В. С.* Квадратура китайского круга : избр. статьи : в 2 кн. М. : Восточ. лит-ра, 2006. Кн. 1. 550 с.

43. Си Цзиньпин во главе высшего руководства встретился с китайскими и зарубежными журналистами // Жэньминь жибао онлайн. 16.11.2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8021961.html> (дата обращения: 29.10.2013).

44. Руководству Китая предстоит сдать «большой экзамен» // Жэньминь жибао онлайн. 24.03.2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8576026.html> (дата обращения: 15.11.2015).

45. Xi's book on governance wins sweeping global impact // Xinhua. 26.06.2017 [Электронный ресурс]. URL: http://news.xinhuanet.com/english/2017-06/26/c_136395966.htm (дата обращения: 02.07.2017).

46. *Галенович Ю. М.* Рубеж перед стартом: китайская проблема для России и США на пороге XXI века. М. : Моск. общ. науч. фонд, 1999. 316 с.

47. *Девятов А. П.* Практическое китаеведение. М. : Вост. книга, 2007. 560 с.

48. *Тихвинский С. Л.* Реформы и революции в Китае // Новая и новейшая история. 1999. № 2. С. 3–15.

49. Шиицы чжувай шицзехуэй чжаокай Ху Цзиньтао, Вэньцзя Бао цзянхуа [Ху Цзиньтао и Вэнь Цзябао выступают на 11 совещании послов и дипломатических представителей Китая]. Синьхуа, 20.07.2009 [Электронный ресурс]. URL: http://www.gov.cn/ldhd/2009-07/20/content_1370171.htm (дата обращения: 14.04.2016).

50. Дипломатия иностранных государств : учеб. пособие / под ред. Т. В. Зоной. М. : Моск. гос. ин-т международ. отношений (Университет); РОССПЭН, 2004. 352 с.

51. *Berridge G. R.* Diplomacy : theory and practice / 2nd ed. Houndmills, Basingstoke, Hampshire. New York : Palgrave, 2002, n.d.

52. *Торкунов А.* Современные международные отношения. М. : РОССПЭН, 1999. 584 с.

53. *Портяков В. Я.* Партнерство как инструмент современной внешней политики КНР / Общество и государство в Китае : ХЛІ науч. конф. М. : Вост. лит.-ры, 2011. 440 с.

54. Янь шэньи. Дандай Чжунго вайцзяо [Современная китайская дипломатия] Шанхай : Фудань дасюэ чубаньшэ, 2009. С. 45–46.

55. Совместная российско-китайская декларация 1994 г. : сб. рос.-кит. договоров. 1949–1999 гг. М. : Терра-Спорт, 1999. С. 271–273.

56. Совместная российско-китайская декларация от 25 апреля 1996 г. : сб. рос.-кит. договоров. 1949–1999 гг. М. : Терра-Спорт, 1999. С. 333–337.

57. *Портяков В.* Пять столпов экономической дипломатии Пекина [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/dipkurser/2010-11-29/9_china.html (дата обращения: 21.03.2015).

58. Объем иностранных инвестиций в экономику КНР в 2015 году составил рекордные \$126 млрд [Электронный ресурс]. URL: [http://www.finanz.ru/novosti/aktsii/obem-inostrannykh-investitsiy-v-ekonomiku-knr-v-2015-godu-sostavil-rekordnye-\\$126-mlrd-1000983923](http://www.finanz.ru/novosti/aktsii/obem-inostrannykh-investitsiy-v-ekonomiku-knr-v-2015-godu-sostavil-rekordnye-$126-mlrd-1000983923) (дата обращения: 21.01.2016).

59. Шелковый путь XXI века: мировая экспансия китайских инвесторов. Обзор китайских инвестиций на зарубежных рынках. Май. 2015 [Электронный ресурс]. URL: http://www.vedomosti.ru/press_releases/2015/05/12/obzor-kitaiskih-investitsii-na-zarubezhnyh-rynkih-shelkovii-put-xxi-veka-lezhit-cherez-rossiyu (дата обращения: 12.04.2016).

60. Динамика курса юаня : досье [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/info/2179269> (дата обращения: 01.06.2016).

61. *Дэниелс Дж. Д., Радеба Ли Х.* Международный бизнес: внешняя среда и деловые операции. М. : Дело, 1998. 784 с.

62. *Мамонов М.* Инерция и инновации во внешней политике Китая // *Международ. процессы.* Т. 8, № 3 (24). Сентябрь-декабрь 2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.intertrends.ru/twenty-four/005.htm> (дата обращения: 12.06.2016).

63. *Si Tingting.* China urges voices for developing nations. *China Daily.* July 24, 2009 [Электронный ресурс]. URL: http://www.china-daily.com.cn/china/2009-07/24/content_8466358.htm (дата обращения: 24.05.2016).

64. Зарубежные поездки Си Цзиньпина 2015 года [Электронный ресурс]. URL: http://russian.cntv.cn/special/xi_trips_abroad_2015/index.shtml (дата обращения: 14.03.2016).

65. Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XVI : ежегод. издание / отв. ред.-сост. Е. И. Сафронова. М. : ИДВ РАН, 2011. 256 с.

66. *Борох О., Ломанов А.* Скромное обаяние Китая [Электронный ресурс]. URL: <http://polit.ru/article/2008/04/07/china/> (дата обращения: 15.04.2016). *Proet Contra.* Ноябрь-декабрь. 2007. С. 60.

67. *Най Д.* Пушки и золотые медали августа [Электронный ресурс]. URL: http://www.project-syndicate.org/print_commentary/nyeb1/Russian (дата обращения: 14.03.2016).

68. США и Китай преследуют общие цели в рамках стратегического и экономического диалога // *Гос. департамент США.* 27.07.2009 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.america.gov/st/peacesec-russian/2009/July/20090727113030ALllewdlaC0.6199152.html> (дата обращения: 10.09.2011).

69. Remarks by President Obama and President Xi Jinping of the People's Republic of China before Bilateral Meeting // *The White House. Office of the Press Secretary.* 7.06.2013 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2013/06/07/remarks-president-obama-and-president-xi-jinping-peoples-republic-china-> (дата обращения: 22.05.2016).

70. *Титаренко М. Л., Петровский В. Е.* Россия и Китай как опоры нового мирового порядка // Китай в мировой и региональной политике. М. : ИДВ РАН, 2015. С. 7–28.

71. *Trigkas V.* Chimerica in Decline? // *The Diplomat*. 4.05.2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://thediplomat.com/2015/05/chimerica-in-decline/> (дата обращения: 20.12.2015).

72. Гоцзя чжуси Си Цзиньпин чжидянь чжухэ Дональд Трамп дансюань Мэйго цзунтун // *News.e23.cn*. 10.11.2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://news.e23.cn/guonei/2016-11-10/2016B1000016.html> (дата обращения: 20.11.2016).

73. *Киссинджер Г.* О Китае. М. : Астрель, 2012. 640 с.

74. *Галенович Ю. М.* Россия – Китай – Америка. От соперничества к гармонии интересов? М. : Русская Панорама, 2006. 576 с.

75. История Китая / ред. А. В. Меликсетов. М. : Высш. шк., 2002. 736 с.

76. *Зиновьев Г. В.* История американо-китайских отношений и тайваньский вопрос. Томск : Томск. гос. ун-т, 2007. 348 с.

77. *Лебедева М. М.* Ресурсы влияния в мировой политике // *Политическое исследование*. 2014. № 1. С. 99–108.

78. Why doesn't 4.9% unemployment feel great? // *CNN*. 6.02.2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://money.cnn.com/2016/02/06/news/economy/obama-us-jobs/> (дата обращения: 20.03.2016).

79. Lest We Forget Chinagate, The Most Serious Scandal in US History // *Independent Sentinel*. 24.10.2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.independentsentinel.com/lest-we-forget-hillarys-china-gate-scandal/> (дата обращения: 24.10.2016).

80. США решили продать оружие Тайваню почти на 2 млрд долларов – Пентагон // *Пульс планеты – Азия ИТАР-ТАСС*. 16.12.2015.

81. *Lushenko P., Hardy J.* China, the United States and the Future of Regional Security Order – An Unhappy Coexistence // *Asian Security*. 2016. Vol. 12 (1). P. 1–28.

82. *Комлева Н. А.* Войны сверхдержав: от «горячих» к «гибридным» // *Вестн. Моск. гос. обл. ун-та*. 2015. № 1. С. 1–26.

83. *Лексютина Я. В.* АТР как авансцена соперничества Китая и США в XXI веке // *Азия и Африка сегодня*. 2014. № 7. С. 2–10.

84. *Гаврилова В. А.* Политика США в Южной Азии после окончания Холодной войны // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2013. № 372. С. 80–83.

85. *Попов Д. С.* Центральная Азия во внешней политике США. 1996–2016. М. : РИСИ, 2016. 247 с.

86. *Борисов Д. А.* «Большая игра 2.0»: исламский мотив на пространстве Центральной Азии (1990–2000 гг.) // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2016. № 407. С. 44–48.

87. *Савкович Е. В.* Развитие сотрудничества КНР с государствами Центральной Азии в 2000-х гг. // Вестн. Томск. гос. ун-та. История. 2011. № 4. С. 107–112.

88. *Абрамова Н. А.* Геостратегические инструменты внешней регионализации КНР на оси: Китай – Центральная Азия – Европа // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия : сб. Вост. центра. 2015. № 16-1. С. 6–10.

89. *Hellström J.* China's emerging role in Africa. Stockholm : Swedish Defence Research Agency, 2009. 24 p.

90. *Борзова А. Ю.* Особенности отношений КНР и стран Латинской Америки на современном этапе // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Серия «Всеобщая история». 2009. № 4. С. 27–40.

91. *Пиксаева К. Ю., Победаш Д. И.* Гуам и Пуэрто-Рико: борьба колоний США за самоопределение // Изв. Урал. федерал. ун-та. Серия 3: Общественные науки. 2016. Т. 155, № 11 (3). С. 206–216.

92. *Фененко А. В.* Проблема «АФПАК» в мировой политике // Вестн. Моск. ун-та. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2013. № 2. С. 23–48.

93. *Корнилов А. А., Руми Ф.* Российско-иранские отношения в период президента Махмуда Ахмадинежада // Вестн. Бурят. гос. ун-та. 2015. № 6. С. 103–107.

94. *Ким В. С.* Межконфессиональное согласие Китая и исламского мира и его роль в решении задач энергетической безопасности страны // Евраз. журнал регион. и полит. исследований. 2014. № 14 (343). С. 55–61.

95. Шэпин: «Amnesty International» кунсу Чжунго дэ баогао сю да вэньхао [Редакционная статья: большие вопросы к докладу «Amnesty International», обвиняющему Китай] // Хуаньцю шибао.

14.11.2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://opinion.huanqiu.com/editorial/2015-11/7975998.html> (дата обращения: 22.05.2016).

96. Революция зонтов? Кто дирижирует протестами в Гонконге // Вести.ру. 30.09.2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2009440> (дата обращения: 20.10.2016).

97. Желобов Д. Е. Уйгурский сепаратизм и «Пирамида Маслоу» // Глобальная и региональная безопасность в XXI веке. Екатеринбург : УрФУ, 2014. С. 162–167.

98. Колесникова В. А., Кучинская Т. Н. Обеспечение сетевой безопасности КНР в рамках сотрудничества в регионе Восточной Азии // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия : сб. Вост. центра. 2014. № 14. С. 21–27.

99. Apple в Китае заразилась вирусами [Электронный ресурс]. URL: <http://kommersant.ru/doc/2815058> (дата обращения: 22.09.2016).

100. В Китае опубликован доклад о глобальном кибершпионаже США // Жэньминь жибао онлайн. 27.05.2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.people.com.cn/n/2014/0527/c31521-8732860.html> (дата обращения: 16.11.2015).

101. Austin G. China's Cyberespionage: The National Security Distinction and U.S. Diplomacy // The Diplomat. 2015 [Электронный ресурс]. URL: http://thediplomat.com/wp-content/uploads/2015/05/thediplomat_2015-05-21_22-14-05.pdf (дата обращения: 20.10.2016).

102. Мокрецкий А. Ч. Курс Китая на строительство международных отношений нового типа // Россия и Восточная Азия через 70 лет после окончания Второй мировой войны. М. : ИДВ РАН, 2016. С. 7–13.

103. Дериглазова Л. В. Парадокс асимметрии в международном конфликте // Международ. процессы. 2005. Т. 3, № 3 (9). С. 85–94.

104. Шаклеина Т. А. Россия и США в мировой политике. М. : Аспект Пресс, 2012. 272 с.

105. Россия и международная безопасность в космосе / под ред. А. А. Кокошина и А. Д. Богатурова. М. : Красанд, 2013. 267 с.

106. China allows two children for all couples, CPC communiqué // Xinhua. 29.10.2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://news.xin>

huanet.com/english/2015-10/29/c_134763480.htm (дата обращения: 29.10.2015).

107. *Лебедева М. М.* Социально-гуманитарное измерение международных отношений в АТР // *Международ. процессы.* 2013. Т. 11, № 32. С. 4–15.

108. Китайские компании в списке «Fortune» // *Вестн. Азия ИТАР-ТАСС.* 10.07.2012.

109. *Дацьшен В. Г., Модоров Н. С.* Из истории освоения русским государством Приамурья в первой половине XVII века // *Мир Евразии.* 2008. № 3. С. 16–22.

110. *Юй Цзе.* Восприятие образа России в Цинском Китае в 17–19 вв. // *Россия и Китай: взаимное восприятие (прошлое, настоящее, будущее) : в 2 ч. М. : ИДВ РАН, 2006. Ч. 2. С. 12–16.*

111. *Русско-китайские договорно-правовые акты. 1689–1916 / сост. И. Т. Мороз, В. С. Мясников. М. : Памятники ист. мысли, 2004. 694 с.*

112. *Галенович Ю. М.* История взаимоотношений России и Китая : в 4 кн. М. : Рус. панорама, 2011. Кн. 1. 464 с.

113. *Галенович Ю. М.* Россия – Китай: шесть договоров. М. : Муравей, 2003. 408 с.

114. *Смирнов С. В.* Начало формирования подразделений Русского обще-воинского союза в Китае // *Изв. Урал. федерал. ун-та. Серия 2: Гуманитарные науки.* 2015. Т. 136, № 1. С. 165–177.

115. *Залесская О. В.* Конфликт на КВЖД 1929 г. и работа с китайскими военнопленными // *Ист., филос., полит. и юр. науки, культурология и искусствоведение. Вопр. теории и практики.* 2012. № 11-2. С. 86–90.

116. *Дацьшен В. Г.* Проблемы советско-китайского военного противостояния на забайкальском участке границы в 1929 г. // *Регион в приграничном пространстве : материалы международ. науч. конф. Чита : Забайкал. гос. ун-т, 2016. С. 84–91.*

117. *Дацьшен В. Г.* Благовещенск и советско-китайский конфликт на КВЖД 1929 г. // *Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества : материалы VI Международ. науч.-практ. конф. Благовещенск : Благовещ. гос. пед. ун-т, 2016. С. 148–155.*

118. Ю Чжан. Перспективы стратегического партнерства Китая и России // Вестн. Моск. ун-та. Серия 18. Социология и политология. 2007. № 1. С. 160–161.

119. Бажанов Е. П. Актуальные проблемы международных отношений : в 3 т. М. : Науч. книга, 2002. Т. 2. 497 с.

120. Тихвинский С. Л. Восприятие в Китае образа России. М. : Наука, 2008. 246 с.

121. Сборник российско-китайских договоров. 1949–1999. М. : Терра-Спорт, 1999. 496 с.

122. Каменнов П. Б. Российско-китайское военно-техническое сотрудничество // Проблемы безопасности в Северо-Восточной Азии. М. : ИДВ РАН, 2012. С. 156–166.

123. Шлындов А. В. Военно-техническое сотрудничество между Россией и Китаем // Рос.-кит. отношения. Состояние. Перспективы. М. : ИДВ РАН, 2005. С. 348–370.

124. Галенович Ю. М. Москва – Пекин. Москва – Тайбэй. М. : Изографус, 2002. 656 с.

125. Хартия ШОС [Электронный ресурс]. URL: <http://sco2009.ru/docs/documents/charter.html> (дата обращения: 8.02.2011).

126. Лузянин С. Г. Восточная политика Владимира Путина. М. : АСТ, Восток-Запад, 2007. 448 с.

127. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР : сб. рос.-кит. документов. М. : Олма Медиа Групп, 2007. С. 143–151.

128. Лосюков А. П. «Большой договор», большие перспективы // Международ. жизнь. 2001. № 8. С. 3–9 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mid.ru/bl.nsf/e869c76bb4ab2b0e4325699d0056bfa3/f91078c760aff21443256ad4004dfd2d> (дата обращения: 28.04.2012).

129. Галенович Ю. М. Россия – Китай. Шесть договоров. М. : Муравей, 2003. 408 с.

130. Бай нянь Чжун Э гуаньси [Сто лет отношений Китая и России]. Бэйцзин, 2006. 512 с.

131. Галенович Ю. М. Россия и Китай в XX веке: граница. М. : Изограф, 2001. 336 с.

132. *Ткаченко Б. И.* Итоги и уроки изменения государственной границы между Россией и Китаем // *Вековой путь Китая к прогрессу и модернизации.* М. : ИДВ РАН, 2011. С. 56–58.

133. *Александрова М. В.* Четверть века торгово-экономического сотрудничества РФ и КНР (на примере провинции Хэйлунцзян) // *Проблемы Дальнего Востока.* 2009. № 6. С. 56–72.

134. Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР на 2009–2018 гг. // *Право РФ и КНР [Электронный ресурс].* URL: http://www.chinaruslaw.com/RU/CnRuTreaty/004/201035210624_735729.htm (дата обращения: 4.05.2015).

135. *Александрова М. В.* Программа соразвития Дальнего Востока и Северо-Восточного Китая в свете целесообразности привлечения рабочей силы // *Привлечение трудовых мигрантов или аутсорсинг? : материалы круглого стола.* М. : Изд-во Ин-та экономики, 2011. С. 107–122.

136. Совместное заявление РФ и КНР об углублении всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия и о продвижении взаимовыгодного сотрудничества // *Офиц. сайт Президента РФ.* 8.05.2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/supplement/4969> (дата обращения: 8.05.2015).

137. Россия заблокировала в Совбезе ООН резолюцию о трибунале по «Боингу» // *Новости Mail.ru.* 30.07.2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://news.mail.ru/politics/22819179/?frommail=1> (дата обращения: 30.07.2015).

138. *Галенович Ю. М.* Россиеведение в Китае // *Зарубежное россиеведение / под ред. А. В. Безбородова.* М. : Проспект, 2012. С. 494–521.

139. *Ван Хайюнь.* Чжун Э гуаньси: чжаньлюэ цзичу цзи фачжань цюйши [Отношения КНР и РФ: стратегическая основа и тенденции развития] // *Элосы яньцзю [Изучение России].* 2009. № 2 [Электронный ресурс]. URL: <http://euroasia.cass.cn/news/529754.htm> (дата обращения: 23.01.2012).

140. Во Внутренней Монголии и районах на Северо-Востоке Китая полностью прекратят коммерческие лесозаготовки // *Жэньминь жибао онлайн.* 27.03.2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://>

russian.people.com.cn/n/2015/0327/c31518-8869840.html (дата обращения: 2.01.2016).

141. Цун люсэ аоюнь дао цзяньшэ шэнтай Бэйцзин [От Зеленой Олимпиады к строительству экологичного Пекина] // Синьхуа. 10.08.2008. URL: http://news.xinhuanet.com/theory/2008-08/10/content_9024377.htm (дата обращения: 02.04.2016).

142. Промпроизводство в Китае в ноябре выросло на 6,2 % // Пульс планеты – Азия ИТАР-ТАСС. 12.12.2015.

143. Китай: что мы знаем о лисе // Информ.-дискус. портал «Newsland.com» [Электронный ресурс]. URL: <http://newsland.com/news/detail/id/376645/> (дата обращения: 11.10.2009).

144. *Габуев А.* Китайская неграмота // Коммерсантъ. 2012. 26 ноября [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2073821?isSearch=True> (дата обращения: 26.11.2012).

145. *Яковлев П.* Латинская Америка в глобальной стратегии Пекина // Фонд исторической перспективы : интернет-сайт. 2010. 2 ноября [Электронный ресурс]. URL: http://www.perspektivy.info/o/yukumena/amerika/latinskaja_amerika_v_globalnoj_strategii_pekina_2010-11-02.htm (дата обращения: 16.09.2015).

146. *Цзян Шисюе.* Чжунла гуаньси дэ синь фачжань = Новый этап в развитии взаимоотношений Китая со странами Латинской Америки // Чжунго шэхуй кэсюеюань юаньбао. 2005. № 3. С. 30. Цитируется в переводе (перевод Н. Никоновой).

147. Поездка Си Цзиньпина в Латинскую Америку углубила и расширила отношения Китая с развивающимися странами [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8275782.html> (дата обращения: 19.10.2015).

148. В Китае опубликован документ о политике в отношении Латинской Америки и Карибского бассейна // Синьхуа : информ. агентство. 2008. 5 ноября [Электронный ресурс]. URL: http://www.russian.xinhuanet.com/russian/2008-11/05/content_758150.htm (дата обращения: 12.05.2016).

149. The dragon in the backyard // The Economist. London, August 13th, 2009.

150. Страны БРИК едины в подходах к решению глобальных вызовов [Электронный ресурс]. URL: <http://news.kremlin.ru/news/7475/print> (дата обращения: 02.10.2016).

151. Китайская экспансия в Латинской Америке [Электронный ресурс]. URL: <http://mkarev.livejournal.com/154078.html> (дата обращения: 12.04.2016)

152. Китай укрепился на втором месте среди главных торговых партнеров Кубы [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/ekonomika/2396426> (дата обращения: 25.09.2016).

153. *Сунь Хунбо*. Мэйго дуй чжунла гуаньси дэ паньдуань цзи ци илюй = Опасения США касательно взаимоотношений Китая и Латинской Америки // Цзянхань дасюе сюебао. 2009. № 2. С. 5–10. Цитируется в переводе (перевод Н. Никоновой).

154. *Jiang Shixue*. Latin America: China's Perspective. Latin American Business Chronicle. May 8, 2006. Цитируется в переводе (перевод Н. Никоновой).

155. *Ван Си'и*. Чжунго цзинь ши ламэй дэ маои тяньши = Китай – всего лишь «торговый ангел» для Латинской Америки // Global Times, 24.01.2009. Цитируется в переводе (перевод Н. Никоновой).

156. *Сунь Хунбо*. Мэйго дуй чжунла гуаньси дэ паньдуань цзи ци илюй = Опасения США касательно взаимоотношений Китая и Латинской Америки // Цзянхань дасюе сюебао. 2009. № 2. С. 5–10.

157. *Цзян Шисюе*. Чжунла гуаньси дэ синь фачжань = Новый этап в развитии взаимоотношений Китая со странами Латинской Америки // Чжунго шэхуй кэсюеюань юаньбао. 2005. № 3.

158. Petrobras получит кредит в \$10 млрд от Банка развития Китая [Электронный ресурс]. URL: <https://rns.online/energy/Petrobras-poluchit-kredit-v-10-mlrd-ot-Banka-razvitiya-Kitaya-2016-02-27/> (дата обращения: 28.02.2016).

159. Cooperation Plan (2015–2019) // China-CELAC Forum. 23.01.2015 [Электронный ресурс]. URL: http://www.chinacelacforum.org/eng/zywj_3/t1230944.htm (дата обращения: 15.09.2016).

160. *Ткаченко В. П.* Корейский полуостров и интересы России М. : Наука, 2000. 207 с.

161. Доклад «Россия и межкорейские отношения». Раздел 3. Горбачев-Фонд. 2003 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.>

gorby.ru/rubrs.asp?rubr_id=1258art_id=13124 (дата обращения: 25.09.2015).

162. *Дегтерев Д. А.* Китай – Африка: важные аспекты отношений // *Мировая экономика и междунар. отношения.* 2005. № 5. С. 84–91 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.old.mgimo.ru/files/34539/34539.pdf> (дата обращения: 05.09.2015).

163. *Дейч Т. Л.* Африка во внешнеполитической стратегии Китая. (конец XX – начало XXI вв.) : автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Москва, 2013 [Электронный ресурс]. URL: http://www.inafran.ru/sites/default/files/page_file/autoreferat_deich.pdf (дата обращения: 15.09.2015).

164. Африка – колония или стратегический партнер Китая? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vestifinance.ru/articles/65380> (дата обращения: 13.10.2015).

165. Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China [Электронный ресурс]. URL: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/ (дата обращения: 21.04.2016).

166. The Forum on China-Africa Cooperation Johannesburg Action Plan 2016–2018 // Forum on China-Africa Cooperation [Электронный ресурс]. URL: http://www.focac.org/eng/ltada/dwjbzjzhys_1/t1327961.htm (дата обращения: 13.04.2016).

167. Declaration of the Beijing Summit of the Forum on China-Africa Cooperation 2006 // Forum on China-Africa Cooperation [Электронный ресурс]. URL: <http://www.focac.org/eng/ltada/dscbzjhy/DOC32009/t606841.htm> (дата обращения: 06.09.2015).

168. *Кокиаров А.* Со столетним опозданием // *Эксперт.* 2006. 13 ноября. № 42 (536) [Электронный ресурс]. URL: http://www.expert.ru/printissues/expert/2006/42/kitay_torgoviy_partner_afriki/ (дата обращения: 28.06.2015).

169. *Терентьев А.* Большая игра: Суданская партия // *Политика.* 2009. № 9 (612) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.profile.ru/items/?item=28166> (дата обращения: 29.01.2015).

170. *Усубалиев Э. Е.* Успехи КНР в Африке 03.03.2007 // ИСАП [Электронный ресурс]. URL: <http://www.easttime.ru/analitic/2/8/116.html> (дата обращения: 08.06.2015).

171. *Dinmor G., Turner M.* US defends China's role in Darfur// *Financial Times.* 2007. April, 12.

172. *Кокарев К. А.* Особенности и перспективы развития китайской политики «соседства» [Электронный ресурс]. URL: <https://riss.ru/actions/5821/> (дата обращения: 15.06.2015).

173. От языка пушек к рукопожатиям: строительство самой мирной китайской границы. 2007. 24 сентября [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/ztbd/jrzg/t366260.htm> (дата обращения: 28.06.2015).

174. *Евдокимов Е.* «Олимпийская дипломатия» Китая // Международ. процессы. 2008. № 2 (17) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.intertrends.ru/seventeenth/007.htm> (дата обращения: 18.06.2015).

Учебное издание

Козыкина Наталья Владимировна
Муратшина Ксения Геннадьевна

**ОСОБЕННОСТИ ДИПЛОМАТИИ
СОВРЕМЕННОГО КИТАЯ**

Учебное пособие

Редактор *Е. Е. Крамаревская*
Корректор *Е. Е. Крамаревская*
Компьютерная верстка *В. В. Сермягина*

Подписано в печать 18.09.2017.
Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman.
Усл.-печ. л. 8,37. Тираж 100 экз. Заказ № 283.

Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Отпечатано в Издательско-полиграфическом
центре УрФУ
620000, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
Тел.: +7 (343) 389-94-76, 350-90-13
Факс: +7 (343) 358-93-06.
E-mail: press-urfu@mail.ru
www.print.urfu.ru

